

Творения

Гладенкова Нероника

Стриженкова

При этом тактовая на псалме к Творениям
кн. 17

Книга

1901

Блаженнаго Іеронима, пресвитера Стридонскаго.

Три книги толкованій на посланіе къ Галатамъ.

(въ русскомъ переводѣ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло еще немного дней послѣ того, какъ я, истолковавъ посланіе Павла [Апостола] къ Филимону, перешелъ къ посланію къ Галатамъ, опустивъ многія, которыя находятся между ними. И вотъ неожиданно мнѣ доставлено письмо изъ города [Рима], извѣщающее меня, что и достопочтенная старица Альбина представилась предъ лице Господа, и святая Марцелла, лишенная сожительства матери, теперь еще болѣе нуждается въ вашемъ, Павла и Евстохія, утѣшеніи. А такъ какъ, однако, этого утѣшенія [съ моей стороны] ожидать нельзя вслѣдствіи значительнаго между нами сухопутнаго и воднаго разстоянія, то я хотѣлъ бы внезапно поразившій ударъ исцѣлить врачевствомъ Писаній; правда, я знаю ея пылкую ревность, знаю ея вѣру, знаю и то, какой пламень она имѣетъ въ груди, чтобы побѣждать слабость своего пола, забывать свою человѣческую сторону и переходить Красное море вѣка сего подъ звуки тимпановъ божественныхъ Писаній. И дѣйствительно (*certe*), если только я бывалъ въ Римѣ, то она никогда,—какъ бы наскоро ни видалась со мною,—не забывала спросить чего-либо отъ Писаній. И не по примѣру учениковъ Пинеагора она признавала правиль-

нымъ всё, что бы ни отвѣчалъ я ей, наоборотъ: безъ предварительнаго обсужденія значеніе [учащаго] (*auctoritas*) въ ея глазахъ не имѣло силы: она изслѣдовала все и проницательною мыслию все обсуждала такъ, что мнѣ казалось, будто у меня не столько ученица, сколько ученый судья. Итакъ я приступаю къ дѣлу, которое считаю и пріятнымъ для нея, отсутствующей, и полезнымъ для васъ, находящихся въ нашемъ присутствіи,—[къ дѣлу], которое до меня не было предпринято пишущими на нашемъ языкѣ, и которое было предпринято греками,—не смотря на великое значеніе сего,—только немногими. Это не значитъ того, что мнѣ неизвѣстенъ Кай Марій Викторинъ, который еще во время моего дѣтства преподавалъ науку краснорѣчія и издалъ толкованія на Апостола, а то, что онъ, занятый изученіемъ свѣтскихъ произведеній, совершенно не зналъ священныхъ Писаній; а вѣдь никто не можетъ разсуждать хорошо о томъ, чего не знаетъ. Итакъ, къ чему я, глупый и безразсудный, берусь исполнить то, чего онъ не могъ? Совсѣмъ нѣтъ! Да и кромѣ того, какъ мнѣ кажется, я еще осторожнѣе и осмотрительнѣе въ томъ отношеніи, что, сознавая слабость силъ своихъ, слѣдовалъ толкованіямъ Оригена; ибо этотъ мужъ написалъ нарочито пять свитковъ толкованій на посланіе Павла къ Галатамъ и кромѣ того десятую книгу Строматъ своихъ дополнилъ краткимъ разсужденіемъ о толкованіи этого произведенія. Онъ также составилъ различныя разсужденія и извлеченія, которыя даже сами по себѣ (*vel sola*) могли бы быть достаточными. Я не говорю о Дидимѣ, моемъ ясновидцѣ, или о Лаодикійцѣ (Аполлинаріи), который недавно вышелъ изъ Церкви; и о древнемъ еретикѣ Александрѣ, а также о Евсевіи Емесскомъ и Θεодорѣ Гераклеяскомъ, которые и съ своей стороны оставили нѣкоторыя толкованія на это произведеніе. Если бы я изъ нихъ сдѣлалъ даже малое извлеченіе, то получилось бы нѣчто такое, къ чему не слѣдовало бы относиться съ пренебреженіемъ. Но,—признаюсь откровенно (*ut simpliciter*

fatear),—я перечиталъ все это и, соединяя весьма многое въ умѣ своемъ, а затѣмъ пригласивъ переписчика, я продиктовалъ ему отчасти свое, а отчасти заимствованное, иногда даже не напрягая памяти для воспроизведенія, какъ словъ, такъ и смысла. И только божественное милосердіе мы должны благодарить за то, что не исчезло по нашей неопытности то хорошее, что было сказано другими, а между заимствованнымъ изъ чужого [намъ] не нравилось то, что нравилось между своимъ собственнымъ.—Опредѣляя кратко ходъ мысли этого посланія, я этимъ предисловіемъ указываю вамъ, чтобы вы знали, что предметъ (materiam) посланія Павла къ Галатамъ тотъ же самый, какъ и его писанія къ Римлянамъ. Но между тѣмъ и другимъ нужно различать то, что въ послѣднемъ посланіи мы видимъ болѣе возвышенный смыслъ и пользованіе болѣе глубокими доказательствами, а въ первомъ онъ,—обращаясь письменно какъ бы къ тѣмъ, о которыхъ далѣе онъ говоритъ: *О несмысленные Галаты и: Вы такъ неразумны*,—такъ направляетъ свою рѣчь, что скорѣе запрещаетъ, чѣмъ поучаетъ; и ту рѣчь, которую могли понять и недалекіе люди, какъ всеобще доступныя разсужденія, онъ облачаетъ въ общепонятныя обороты, и тѣхъ, которыхъ невозможно убѣдить силою разума, призываетъ къ послушанію властному слову (auctoritas). И дѣйствительно, нѣтъ ни одной рѣчи Апостола, содержащейся ли въ посланіи, или произнесенной имъ лично при посѣщеніи (vel per Epistolam vel praesentis), въ которой онъ не стремился бы научить, что тяготы древняго Закона устранены, и все то, что было въ образахъ и прообразахъ, какъ на примѣръ: субботній покой, унижительный обрядъ обрѣзанія, повтореніе празднованій первыхъ дней и трехъ праздниковъ, точное распредѣленіе и предписаніе родовъ пищи и ежедневное омовеніе загрязнявшихся сосудовъ,—все это прекратилось съ наступленіемъ благодати Евангелія, которую подаетъ (человѣку) не кровь закалаемыхъ животныхъ, а вѣра души вѣрующей. Тогда какъ въ другихъ мѣстахъ отчасти,—

и какъ будто этотъ вопросъ представляется иначе, — [Апостолъ] разсуждаетъ о немъ только мимоходомъ и почти кратко; въ этихъ двухъ посланіяхъ, какъ я сказалъ, содержится преимущественно [ученіе] о прекращеніи древняго Закона и введеніи Евангелія; однако посланіе къ Галатамъ имѣетъ ту особенность, что оно писано не къ тѣмъ, которые изъ Іудеевъ увѣровали во Христа и при этомъ полагали, что необходимо хранить отеческую обрядность, а къ тѣмъ, которые приняли вѣру Евангелія изъ язычниковъ, но отнали снова; они были уstraшены настоятельными увѣреніями нѣкоторыхъ людей, будто Петръ и Іаковъ, а также всѣ церкви въ Іудеѣ смѣшали евангеліе Христово съ ветхимъ Закономъ; будто бы даже и самъ Павелъ одно дѣлаетъ въ Іудеѣ, а другое проповѣдуетъ язычникамъ, и что они [Галаты] тщетно вѣрують въ Распятаго, если полагають, что можно съ небреженіемъ относиться къ тому, что соблюдаютъ первоверховные Апостолы (*principes Apostolorum*). По этой причинѣ [Апостолъ Павелъ], столь осмотрительно занимаетъ средину между тѣмъ и другимъ, чтобы, съ одной стороны, не погубить благодати Евангелія подъ давленіемъ важности и значенія [для язычниковъ] древнихъ т. е. предковъ, а съ другой стороны, не нанести удара тѣмъ, которые проповѣдали прежде него, чрезъ твердую защиту дѣла благодати; поэтому онъ идетъ косвеннымъ путемъ и какъ бы по скрытымъ подъ землею ходамъ, чтобы и Петра научить ради ввѣренныхъ ему людей обрѣзанія [Іудеевъ] дѣйствовать такъ, чтобы они, быстро отказавшись отъ прежняго обычая, не соблазнились до степени невѣрія въ крестъ Христовъ; и относительно себя показать, что ему, какъ имѣющему повелѣніе проповѣдать язычникамъ, должно въ видахъ распространенія истины защищать то, что тотъ [Петръ] дѣлалъ ради исполненія своего служенія. Вотъ этого совершенно не понялъ извѣстный житель Батаней, богохульный Порфирій; въ первой книгѣ своего произведенія противъ насъ онъ высказалъ упрекъ, что будто Петръ былъ пори-

цаемъ Павломъ за то, что онъ не прямою стопою шелъ при проповѣданіи Евангелія: онъ хотѣлъ на Петра набросить клеймо заблужденія, а Павлу бросить упрекъ въ злословіи. и вообще обвинить ихъ обоихъ въ измышленіи ложнаго ученія, такъ какъ будто бы сами предстоятели церквей разногласили между собою. Съ помощью молитвъ вашихъ мы теперь касаемся только слегка смысла этого мѣста, а въ своемъ мѣстѣ изслѣдуемъ его болѣе подробно. Но уже время приступить къ раскрытію каждаго мѣста въ отдѣльности, полагая въ основу слова самого Апостола.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Глава I.—Стихъ 1: *Павелъ Апостолъ* [т. е. посланный] *не отъ людей и не чрезъ человека, но отъ Іисуса Христа и Бога Отца, Который воздвигъ Его отъ мертвыхъ.*—Не вслѣдствіе гордости,—какъ полагаютъ нѣкоторые,—а по необходимости онъ представляетъ себя, какъ Апостола [посланника] не отъ людей, и не чрезъ человека, а чрезъ Іисуса Христа и Бога Отца, и это именно съ тѣмъ, чтобы такимъ величіемъ [пославшей его] власти привести въ смущеніе тѣхъ, которые болтали на вѣтеръ (*ventilabant*), что Павелъ стоитъ внѣ числа двѣнадцати, и прибавляли, что онъ явился неизвѣстно откуда, или что онъ былъ поставленъ на служеніе (*ordinatum*) старѣйшими [его]. Но можно думать, что косвеннымъ образомъ здѣсь сказано и относительно Петра, и другихъ [Апостоловъ], что ему, Павлу, проповѣданіе Евангелія вручено не Апостолами, а самимъ Іисусомъ Христомъ, Который и ихъ поставилъ Апостолами. А все это поставлено въ началѣ посланія для того, чтобы никто не могъ ему, Павлу, возражать,—когда онъ говоритъ противъ тягостей Закона въ защиту благодати Евангелія,—[въ такомъ, напр., родѣ]: „Но это Петръ сказалъ“, „а это постановили Апостолы“, „а это опредѣлили твои предшественники“. И дѣйствительно, въ даль-

нѣйшей рѣчи эту мысль, теперь предпосланную скрыто, онъ дѣлаетъ болѣе очевидно: это тогда, когда онъ указываетъ, что онъ ничего не усвоилъ себѣ отъ тѣхъ, которые, повидимому, имѣютъ нѣчто, и когда пишетъ, что въ лице противосталъ Петру, утверждая, что ему нѣтъ никакой нужды дѣлать уступки лицемѣрію Іудеевъ. Поэтому, если нѣкоторымъ кажется безразсудствомъ, что онъ,—будь то даже въ скрытомъ видѣ,—говорилъ противъ Апостоловъ, въ то время, какъ самъ направился [или: направлялся] въ Іерусалимъ съ цѣлію сравнить свое благовѣствованіе съ ихъ [Евангеліемъ], чтобы какъ-нибудь не обратить въ ничто свои прошедшіе и настоящіе труды (*ne forte in vascum curreret aut cuscarrisset*),—[поэтому] мы обратимъ свое вниманіе на слѣдующее. До того дня патріархи Іудеевъ посылали Апостоловъ [къ Галатамъ]; отъ нихъ то, по моему мнѣнію, тогда развращенные изъ Галатовъ приняли обычай соблюдать предписанія Закона, а можетъ быть и другой кто изъ Іудеевъ, вѣровавшихъ во Христа, направился въ Галатію, и увѣрялъ, что Петръ, первоверховный изъ Апостоловъ, и Іаковъ, братъ Господень, соблюдаютъ обряды по предписанію Закона. Посему для необходимаго отличія тѣхъ,—которые посылаются отъ людей,—Апостолъ отъ себя,—посланнаго Христомъ,—дѣлаетъ такое вступленіе: *Павелъ Апостолъ не отъ людей и не чрезъ человека; а Апостолъ, т. е. посланный*.—слово свойственное и Еврейскому языку: это также значить и *Silas* [или: *Silai*], которому дано отъ посланія имя: *посланный*. По свидѣтельству Евреевъ, между ними также есть пророки и нѣкоторые святые мужи, которые одновременно суть и апостолы, и пророки, а другіе только пророки. Такъ (*denique*) Моисею говорится: *Я пошлю тебя къ фараону (Исх. III, 10, 11)*, и онъ отвѣчаетъ: *усмотри другого, котораго Ты пошлешь*; также и Исаіи говорится отъ Бога: *Кого Я пошлю, и кто пойдетъ къ этому народу (Ис. VI, 8)*; [сіи два] являются и апостолами, и пророками. Посему также Іоанна Крестителя должно называть и пророкомъ, и апосто-

ломъ, хотя Св. Писаніе говоритъ: *Человѣкъ былъ посланъ отъ Бога, котораго имя: Іоаннъ* (Іоан. I, 6). А въ посланіи къ Евреямъ (гл. III) [Апостолъ] Павелъ вопреки своему обыкновенію не называлъ и своего имени, и не предпослалъ наименованія себя Апостоломъ; это потому, что онъ имѣлъ въ виду говорить о Христѣ: *Итакъ, имѣя Первосвященника [великаго] и Посланника [Апостола] исповѣданія нашего Іисуса*; кромѣ того было и неприлично представлять Павла Апостоломъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ долженъ былъ получить имя Апостола. Но есть четыре рода апостоловъ. Одинъ родъ это—тѣ, которые *не отъ людей и не чрезъ человѣка*, а *отъ Іисуса Христа и Бога Отца*; другой родъ это—тѣ, которые *отъ Бога, но чрезъ человѣка*; третій это—тѣ, которые *отъ человѣка, а не отъ Бога*; четвертый это—тѣ, которые *и не отъ Бога, и не чрезъ человѣка, и не отъ человѣка*, а отъ самого себя. Къ числу Апостоловъ перваго рода относится Исаія и прочіе пророки, и самъ Апостолъ Павелъ, который не отъ людей и не чрезъ человѣка, а посланъ отъ Іисуса Христа и Бога Отца; ко второму роду [относится] Іисусъ, сынъ Навина, который поставленъ Апостоломъ, правда, отъ Бога, но чрезъ человѣка Моисея. Къ третьему роду относится тотъ, который поставленъ (*ordinatus*) по благорасположенію и стараніямъ людей. Такъ (*Ut*) нынѣ мы видимъ весьма многихъ, которые призваны къ священству не по Божественному суду, а по подкупленному голосу простого народа. Къ четвертому роду относятся лжепророки и лжеапостолы, о которыхъ Апостолъ говоритъ: *Лжеапостолы этого рода, дѣлатели неправды, преображающіе себя въ апостоловъ Христовыхъ* [суть тѣ], *которые говорятъ: „Сіе говоритъ Господь“*. А Господь не послалъ ихъ (2 Коринѣ. XI, 13)¹⁾. Но Апостолъ Павелъ не таковъ,

¹⁾ Въ указанномъ мѣстѣ нѣтъ словъ: *которые говорятъ* и т. д. смотр. 2 Коринѣ. XI, 13 по греческому, латинскому и славянскому текстамъ

потому что онъ посланъ и не отъ людей, и не чрезъ человека, а отъ Бога Отца чрезъ Іисуса Христа. Изъ этого подтверждается та,—въ опроверженіе ереси Евіона и Фотина,—мысль, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Богъ; въ самомъ дѣлѣ (dum) Апостолъ, посланный для проповѣданія Евангелія Іисусомъ Христомъ, отрицаетъ посланіе свое отъ человека. Этимъ мѣстомъ пользуются и другія ереси, которыя, доказывая, что плоть Іисуса Христа была только призрачною (putativam), утверждаютъ, что Христосъ былъ Богомъ, а не человекомъ; то же должно сказать и о новой ереси, которая утверждаетъ, что дѣло Христа было дѣломъ только наполовину (dimidiatam). Такимъ образомъ вѣра Церкви поставлена подъ удары столькихъ ложныхъ ученій, что, если она будетъ исповѣдать Христа человекомъ, то неожиданно выступаютъ Евіонъ и Фотинъ; если же она усиливается доказать, что Онъ есть Богъ, то внезапно выплываютъ [какъ пузыри въ кипятокѣ] сочинители новаго ученія: Манихей и Маркіонъ. Посему пусть они одновременно вмѣстѣ выслушаютъ, что Христосъ есть и Богъ, и человекъ. Это не то, что въ Немъ одно—Богъ, а другое—человекъ, а то, что, бывший всегда Богомъ, ради нашего спасенія удостоилъ Самъ сдѣлаться человекомъ. Должно знать, что въ „Апостолѣ“ Маркіона¹⁾ не написано: и чрезъ Бога Отца, такъ какъ онъ хотѣлъ показать, что Христосъ воздвигнутъ [изъ мертвыхъ] не отъ Бога Отца, а Самъ Собою, соотвѣтственно тому, что сказано Имъ: *Разорите храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его* (Іоан. II, 19), какъ и въ другомъ мѣстѣ: *Никто не возметъ души Моей отъ Меня, но Я полагаю ее Самъ Собою. Я имѣю власть положить ее, и имѣю власть снова принять ее* (Іоан. X, 18).

¹⁾ Здѣсь разумѣется сборникъ десяти посланій Апостола Павла, которыми пользовались маркіониты.

Стихъ 2: *И всѣ братья, находящіеся со мною церквамъ [или: Церкви] въ Галатіи.*—Въ началѣ другихъ посланій поставляются Сосеенъ, Сильванъ, иногда Тимофей; и только въ этомъ въ виду важности значенія весьма многихъ Апостолъ называетъ всѣхъ братьевъ. Можетъ быть они и сами были изъ числа обрѣзанныхъ, и со стороны Галатовъ не считались достойными презрѣнія. Дѣйствительно, вѣдь для исправленія народа весьма много значить мнѣніе многихъ и согласіе ихъ въ одномъ дѣлѣ. А относительно его словъ: *къ церквамъ въ Галатіи* должно замѣтить и то, что здѣсь только вообще онъ пишетъ не къ одной Церкви, одного города, а къ церквамъ всей области, также и то, что онъ называетъ ихъ церквами, хотя потомъ обличаетъ ихъ, какъ подвергшіяся заблужденію. Изъ этого послѣдняго должно заключить, что церковью можетъ быть называемо нѣчто двоякое: и та церковь, которая не имѣетъ скверны или порока и есть по-истинѣ тѣло Христово, и та, которая во имя Христова собирается, не имѣя полноты совершенныхъ добродѣтелей (*Ефес. V. 27*). Такимъ же образомъ (*quomodo*) и мудрые въ двоякомъ отношеніи называются такъ: и тѣ, которые отличаются полною и совершенною добродѣтелью, и тѣ, которые начинаютъ и могутъ быть отнесены къ движущимся впередъ. О совершенныхъ говорится: *Пошлю къ вамъ мудрыхъ (Лук. XI, 49)*. О недостижныхъ мудрости говорится: *Обличай премудраго и возлюбитъ тебя (Притч. VIII, 9)*. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, который имѣетъ полную и совершенную добродѣтель не нуждается въ исправленіи. Соотвѣтственно такому значенію должно имѣть въ виду также и прочія добродѣтели, т. е. (*quod scilicet*) крѣпкій, благоразумный, благочестивый, неперсочный, праведный и воздержный понимаются то въ полномъ значеніи слова, то въ ограниченномъ смыслѣ.

Стихъ 3: *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа.*—Не такъ, какъ въ прочихъ посланіяхъ, онъ полагаетъ благодать Бога Отца и Го-

спода нашего Іисуса Христа и миръ, чрезъ который безъ нашихъ, имѣющихъ значеніе заслуги дѣлъ (*absque opere merito*) и прежніе грѣхи намъ прощены, и послѣ прощенія поданъ миръ; наоборотъ, онъ уже благоразумно ведетъ дѣло [обличенія] противъ тѣхъ, которые были прежде расположены въ пользу Закона и думали, что могутъ оправдаться отъ дѣлъ [Закона]; это съ тою цѣлію, чтобы они знали, что они спасены по благодати и должны твердо стоять въ томъ, что начали дѣлать.

Стихъ 4: *Который предалъ Себя Самого за наши грѣхи, чтобы исторгнуть насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго по волю Бога и Отца нашего, Которому слава во вѣки вѣковъ Аминь.*—Ни Сынъ не предалъ Себя за наши грѣхи безъ воли Отца, ни Отецъ не предалъ Сына безъ воли Сына. Но въ томъ и проявилась воля Сына, чтобы исполнить волю Отца, какъ Онъ Самъ говоритъ въ Псалмѣ: *Я восхотѣлъ исполнить волю Твою, Боже Мой (Псал. XXXIX, 9).* А Сынъ предалъ Себя, чтобы бывшую въ насъ неправду Самому замѣнить оправданіемъ. Премудрость предала Себя, чтобы побѣдить неразуміе. Святость и Крѣпость принесла Себя въ жертву, чтобы уничтожить скверну и немощь. При этомъ Онъ освободилъ насъ не только въ будущей жизни, какъ мы вѣруемъ соотвѣтственно данному намъ упованію, но даже и здѣсь, въ этой жизни, когда мы, умирая со Христомъ, преобразуемся новыми чувствованіями; перестаемъ быть отъ міра сего, который соотвѣтственно этому (*merito*) и не любить насъ. Спрашивается: какимъ образомъ настоящій вѣкъ названъ злымъ, лукавымъ? Дѣло въ томъ, что нѣкоторые еретики находятъ обыкновенно въ этомъ поводъ къ тому, чтобы утверждать, что Творецъ свѣта и будущаго вѣка былъ одинъ, а творецъ тмы и вѣка настоящаго—другой. А мы утверждаемъ, что лукавымъ называется не столько самый этотъ вѣкъ, слагающійся изъ дней и ночей, годовъ и мѣсяцевъ, сколько то, что происходитъ въ [этомъ] вѣкѣ

по соотвѣтствію имени (δρῶνός); какимъ образомъ говорится, что для каждаго дня достаточно его злобы (Мѡ. VI, 34), и что дни Іакова были кратки и бѣдственны (Быт. XLVII, 9)? Не потому, конечно, что промежутокъ времени жизни Іакова былъ несчастнымъ, а потому, что пережитое имъ было перенесеніемъ различныхъ испытаній. Конечно, то время, когда онъ былъ въ тяжелой работѣ ради полученія себѣ женъ и перекошилъ многія притѣсненія (Быт. XXIX—XXXI), для Исава было временемъ спокойствія, и такимъ образомъ одно и то же время для одного было хорошимъ, а для другого—дурнымъ; и въ Екклесіастѣ написано: *Не говори, что дни мои прѣжніе* (prigres) [или: худшіе—rejoges] *были хороши сравнительно съ этими* (Еккл. VII, 10), только съ тою цѣлію, чтобы различить [доброе] отъ злого. Посему и Іоаннъ говоритъ: *Всѣ міръ во злѣ лежитъ* (Іоан. V, 19). Это не то значить, что самъ міръ есть зло, а то, что зло въ мірѣ бываетъ отъ людей, которые говорятъ: *Будетъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ* (Ис. XXII, 17); да и самъ Апостолъ Павелъ говоритъ: *Испытывая время, потому что дни—лукавы* (Ефес. V, 16). Поэтому подвергаются ругательствамъ и тѣнистыя горы, когда онѣ наполнены разбойническими дѣлами, не потому, что земля и лѣса впадаютъ въ грѣхъ, а потому, что мѣстамъ этимъ присвоено безславіе за челоувѣкоубійство. Мы ненавидимъ и мечъ, которымъ пролита кровь челоувѣческая, и чашу, въ которой растворенъ ядъ, не вслѣдствіе грѣха меча или чаши, а вслѣдствіе того, что заслужили ненависть тѣ, которые ихъ употребили во зло. Подобно этому и вѣкъ, который есть извѣстное количество времени, не самъ по себѣ называется добрымъ или злымъ, а соотвѣтственно качествамъ тѣхъ, которые живутъ въ теченіе его. Посему должно съ презрѣніемъ относиться къ измышленіямъ и баснямъ Валентина, который сочинилъ тридцать своихъ эоновъ (αἰῶνας=вѣковъ), потому что Священное Писаніе говоритъ о вѣкахъ (αἰῶνας); онъ утверждаетъ, что

эоны—живыя существа (animalia), и соовѣтственно четверицамъ, восьмерицамъ, десятирицамъ и двадцатерицамъ составилъ такое же число вѣковъ, какое породила плодовитая нечистота Энеиды. Должно также спросить: какое различіе между *вѣкомъ* и *вѣкомъ вѣка*, или *вѣкомъ вѣковъ*, и гдѣ говорится о маломъ количествѣ времени, а гдѣ идетъ рѣчь о вѣчности, потому что на Еврейскомъ языкѣ *olam* (עולם), т. е. *вѣкъ*, обозначаетъ вѣчность тамъ, гдѣ пишется съ вставкою буквы *l* (*vaul*), а тамъ, гдѣ пишется безъ буквы *l* (*vau*) обозначаетъ пятидесятый годъ, который они называютъ *юбилейнымъ*. Вотъ почему тотъ Еврей, который ради жены своей и дѣтей и изъ любви къ господину своему назначается въ рабство чрезъ прокалываніе уха, получаетъ повелѣніе быть въ рабствѣ *на вѣкъ*, въ смыслѣ: до пятидесятаго года (*Исх.* XXI, 6) Также и Моавиты, и Аммониты не вступаютъ въ Церковь Господню до пятаго и десятаго поколѣнія и *на вѣкъ*: потому что съ наступленіемъ юбилея наступалъ конецъ всѣмъ тяжелымъ условіямъ и обязательствамъ (*Второз.* XXIII, 3). Нѣкоторые утверждаютъ, что значеніе словъ: *во вѣки вѣковъ*, то же самое, что и словъ: *во святомъ святыхъ, во небесахъ небесъ, во дѣлахъ дѣлъ, во пѣсняхъ пѣсней*; и какъ есть различіе *неба* въ отношеніи къ тѣмъ, которымъ принадлежитъ небо, и различіе *святилища* во отношеніи къ тому, что болѣе свято, чѣмъ святилище, и различіе дѣяній, которыя по превосходству лучше другихъ дѣяній и пѣсней, которыя возвышаются надъ всѣми пѣснями; такъ есть различіе и между вѣками, которые по сравненію съ вѣками суть вѣка по преимуществу. Итакъ, подъ настоящимъ вѣкомъ разумѣютъ тотъ, который должно исчислять, начиная отъ времени, когда созданы небо и земля, и который протекаетъ до времени окончанія міра, когда Христосъ имѣетъ судить всѣхъ. А иногда отодвигаютъ и далѣе, дѣлая шагъ въ прошедшее, и разсуждая о вѣкахъ прошедшихъ и будущихъ: были ли они добры, или злы, или же будутъ тако-

выми; при этомъ вступали въ разсмотрѣніе столь глубоко-мысленныхъ вопросовъ, что составили даже книги и необъятные свитки (*infinita volumina*) для ихъ разрѣшенія.—А окончаніе предисловія Павла сдѣлано Еврейскимъ словомъ: *Amen* (אמן), которое семьдесятъ переводятъ [обыкновенно] словомъ *ἔννομον*, т. е. *да будетъ*; а Акила словомъ *πεποιστωμένος*—*истинно*, или: *вѣрно*; это слово въ Евангеліи часто употребляется Спасителемъ: Онъ рѣчь Свою утверждаетъ словомъ *amen* (Аминь)

Стихъ 6: *Я удивляюсь, что вы столь скоро отдаетесь (transferimini) отъ Того, который призвалъ васъ къ благодати Иисуса Христа, въ слѣдъ другого благовѣствованія, которое есть не что иное, какъ то, что являются нѣкоторые, возмущающіе васъ и желающіе извратить благовѣствованіе Христово.*—Слово отдаленіе (перенесеніе—*translatio*) въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ книгѣ Бытія (*Быт* V, 24), гдѣ [говорится]: *Богъ удалилъ (transtulit) Эноха, и онъ не былъ найденъ* Послѣ того также въ книгѣ Царствъ (3 *Цар.* XXI, 26), гдѣ говорится, какъ жена царя Ахава Іезавель отдала его отъ истиннаго богопоклоненія къ почитанію идоловъ, чтобы онъ сталъ дѣлать все, подобно тому, что дѣлалъ Аморей, котораго Господь разсѣялъ предъ лицомъ сыновъ Израиля. Но хотя и то, и другое дѣйствіе есть удаленіе (*translatio*), однакоже первое [Эноха] есть дѣло Божіе, а [Ахава]—дѣло діавола. Кто похищается (*trausfertur*) Богомъ, тотъ не бываетъ найденъ врагами своими, и не можетъ его похитить строящій козни; вотъ это, по моему мнѣнію, и значить: *и не былъ найденъ*. А кто похищается діаволомъ, тотъ переносится въ то, что, повидимому, есть, а на самомъ дѣлѣ не существуетъ. И мудрецы міра сего увлеченными (*translatos*) называютъ тѣхъ, которые переносятся отъ одного ученія къ другому; такъ и извѣстнаго Діонисія называли они *Transpositus* или *Translatus* [*Μεταθέρμενος*—перенесенный, переложенный съ мѣста на мѣсто], т. е. от-

ступившій отъ прежняго убѣжденія (decreto) къ противоположному; это тотъ Діонисій, который первоначально проповѣдалъ ученіе, что скорбь не есть зло; а потомъ, подъ давленіемъ несчастій и терзаемый скорбью, сталъ утверждать, что скорбь есть величайшее изъ всѣхъ золъ.—Итакъ [Апостолъ] Павелъ удивляется, что [Галаты] увлечены отъ свободы Евангелія въ рабство дѣль Закона; а потомъ удивляется тому, что они увлечены столь скоро, потому что не одна и та же отвѣтственность лежитъ на томъ, который съ трудомъ поддается увлеченію со стороны другого, и на томъ, который увлекается быстро; то же самое (ut) и во время мученичества: не одна и та же вина лежитъ на томъ, кто безъ борьбы и истязаній быстро переходитъ къ отреченію отъ вѣры, и на томъ, кто чрезъ дыбы (equuleos), четвертовальныя колеса (fiduculos) и огонь растерзанъ и вынужденъ отречься отъ того, во чтó вѣровалъ. Проповѣданіе Евангелія было еще сравнительно новымъ; еще не великъ былъ промежутокъ послѣ того, когда Апостолъ увлекъ Галатовъ отъ идоловъ къ Христу. Итакъ онъ удивляется, какимъ образомъ они столь скоро отступили отъ Того, по имени Котораго недавно еще сдѣлались Христіанами. Это мѣсто заключаетъ въ себѣ оборотъ рѣчи, называемый *перестановкою* словъ (ὑπερβατον), которая въ своемъ собственномъ порядкѣ можетъ быть прочитана такимъ образомъ: „Я удивляюсь, что вы такъ скоро отвлеклись отъ Христа Іисуса, Который призвалъ васъ къ благодати“, говоря: *Я пришелъ призвать къ покаянію не праведныхъ, но грѣшныхъ* (Марк. II, 17). И дѣйствительно, мы спасены благодатію, а не чрезъ Законъ (Ефес. II, 8, 9). А увлечены вы къ другому Евангелію, которое не есть иное, потому что все, чтó ложно, не можетъ быть твердо стоящимъ (non subsistit); а то, чтó противно истинѣ, не существуетъ, какъ видно изъ слѣдующаго: *Не передавай, Господи, державы Своей тѣмъ, которые не существуютъ* (Есѣир. XIV, 12)? И Господь призвалъ то, чего не было, чтобы вызвать

къ бытію небывшее. Если же о тѣхъ, которые вѣровали въ одного и того же Бога и имѣли одно и то же Писаніе, говорится, что они увлечены къ другому Евангелію, которое не есть Евангеліе, то *что* мы должны думать о Маркіонѣ и другихъ еретикахъ, которые отвергають Творца міра и придумываютъ, что Іисусъ Христосъ есть Христосъ [Помазанникъ] Другого Бога. Они погрѣшаютъ и падаютъ не только въ толкованіи Закона и буквального смысла (*litterae*), или въ [ученіи о] борьбѣ плоти и духа; но даже они не согласны въ [ученіи объ] основномъ (*toto*) правѣ Церкви. Но прекрасно говорить [Апостолъ]: *Это только нѣкоторые, возмущающіе васъ и желающіе извратить Евангеліе Христово.* Они желаютъ, говорятъ оны, подмѣнить Евангеліе, извратить и произвести возмущеніе; но они этого не въ силахъ сдѣлать, потому что оно таково по природѣ, что не можетъ быть инымъ, какъ только истиннымъ. Всякій истолковывающій Евангеліе иначе по духу и мысли, чѣмъ содержится въ написанномъ, приводитъ вѣрующихъ въ смущеніе и извращаетъ Евангеліе Христово, такъ что стоящее впереди онъ отодвигаетъ назадъ, а то, что стоитъ позади, обращаетъ впередъ. Если кто слѣдуетъ только буквѣ, такъ стоящее позади ставитъ впереди; а если кто прилѣпляется къ толкованіямъ Іудеевъ, тотъ отодвигаетъ назадъ то, что по природѣ своей поставлено впереди. Сверхъ того (*песпон*) и усвоеніе Галатамъ слова *увлечение* (*translatio*) весьма подходитъ [къ нимъ]. ибо слово *Галатія* на нашемъ языкѣ значитъ именно увлечение, перенесеніе (*translatio*).

Стихъ 8 и 9: *Но хотя бы мы или [даже] ангелъ съ неба сошелъ благовѣствовать вамъ [нѣчто] сверхъ того, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ отлученъ. Какъ мы сказали прежде, такъ и теперь я снова повторяю: Если кто-либо будетъ благовѣствовать вамъ [нѣчто] сверхъ того, что вы приняли, да будетъ отлученъ.*—Эти слова Апостола могутъ быть приняты, какъ нѣкоторое преувеличе-

ніе (hyperbolice), а не въ томъ значеніи, будто апостолъ или ангелъ съ неба могли бы проповѣдать иначе, чѣмъ прежде сказали. Но даже если бы и такъ могло быть, что измѣнились бы и апостолы, и ангелы, однако не должно отступать отъ того, что однажды было принято. [Такъ должно думать] особенно, когда самъ Апостолъ показываетъ твердость своей вѣры, говоря въ другомъ мѣстѣ: *Я знаю, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни владыки, ни настоящее, ни будущее, ни крѣпость, ни высота ни глубина, и никакая другая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей, которая во Христа Иисуса Господя нашемъ* (Римл. VIII, 38). *Истину говорю вамъ, не могу, такъ какъ совѣсть моя даетъ мнѣ свидѣтельство.* (Римл. IX, 1). Несомнѣнно, что это сказано не тѣмъ, кто могъ бы когда-нибудь отступить отъ вѣры во Христа и отъ любви къ Нему. Но тѣ, которые хотятъ видѣть въ этихъ словахъ истину дѣйствительную, а не предположеніе (καὶ ἐπὶ λόγῳ dictum), т. е., которые хотятъ видѣть мысль, что и Апостолы и даже Ангелы могутъ обратиться къ злу, представляютъ въ доказательство то, что и самъ Апостолъ Павелъ зналъ, что и онъ можетъ пасть, если будетъ жить болѣе нерадиво; это видно изъ его словъ: *Но я покоряю и порабошаю тѣло свое, чтобы, проповѣдуя другимъ, мнѣ самому не оказаться осужденнымъ* (1 Коринѣ. IX, 27); [это видно и изъ того,] что и Ангелы, которые не сохранили своего первоначальнаго состоянія¹⁾, но оставили свое жилище, были спо-

¹⁾ Греческ. ἀρχή, латинск. principatus, въ славянскомъ переведено: *начальство*, въ русскомъ: *достоинство*; въ переводѣ этого мѣста на новыя языки замѣтно нѣкоторое разногласіе: англійскій и польскій переводятъ: *первоначальное состояніе* (first estate, pierwszego stanu); французскій и итальянскій: *своего происхождения, начала, роду* (leur origine, loro origine, т. е. состоянія по роду, происхожденію); нѣмецкій и чешскій: *своего княжества* (ihr Fürstenthum, svého knížetství). Мы удержали переводъ большинства, который вполне соотвѣтствуетъ греческому ἀρχή и латинскому principatus; по нашему мнѣнію греческому ἀρχή болѣе соотвѣтствуетъ латинское principium, а не principatus.

собны къ измѣненію; въ вѣчныхъ узахъ подъ мракомъ соблюдаются они на судъ великаго дня (*Иуд.* I, 6). Только естество Бога одного неизмѣнно, о чемъ пишется такъ: *Ты же—тотъ же самый* (*Псал.* CI, 28), и Самъ Онъ говоритъ о Себѣ: *Я—Богъ вашъ, и не измѣняюсь* (*Малах.* III, 6). Что палъ свѣтоносный (*lucifer*), который восходитъ утромъ, [это такъ же извѣстно, какъ и то], что Посланный нѣкогда ко всѣмъ народамъ былъ сокрушенъ на землѣ. Извѣстный ученый мужъ Тертуліанъ искусно писалъ относительно этого мѣста противъ Апеллеса и его сестры Филумены, которою овладѣлъ нѣкоторый ангелъ діавольскаго духа и развращенный; [онъ писалъ], что это тотъ ангелъ, противъ котораго задолго прежде рожденія Апеллеса Духъ Святыи пророчески изрекъ отлученіе (анаѹему) чрезъ уста Апостола. Затѣмъ *ἀνάθεμα* есть понятіе (*verbum*) собственно Еврейское и употреблено какъ въ книгѣ Иисуса Навина, такъ и въ книгѣ Числъ (*Нав.* VI, 17, 18; *Числ.* XXI, 2, 3), когда Господь повелѣлъ, чтобы все, что было въ Іерихонѣ и принадлежало Модіанитамъ, считалось подъ заклятіемъ и отлученіемъ. Спросимъ тѣхъ, которые Христа и Апостола Павла считаютъ Одного—Сыномъ, а другого рабомъ благаго и еще въ то время неизвѣстнаго (?) Бога, Который не хотѣлъ ни злословить (*nesciat maledicere*=проклинать), ни осуждать кого-либо: какимъ образомъ Апостолъ Его употребляетъ слово Іудеевъ, т. е. [слово] Творца, и выражаетъ пожеланіе (*velit*), чтобы погибъ или апостолъ, или ангелъ, хотя Самъ Онъ не хотѣлъ мстить. А прибавленіе его: *Какъ мы сказали прежде, такъ и снова я повторяю*, показываетъ, что и въ началѣ Апостолъ предостерегалъ отъ того же самаго, т. е. провозглашалъ отлученіе тѣхъ, которые будутъ учить иначе, и теперь послѣ того, какъ обнаружилась такая проповѣдь, онъ произноситъ отлученіе, которое раньше предсказалъ. Поэтому онъ произнесъ отлученіе и себѣ, такъ какъ его обвиняли, будто онъ въ Іудеѣ дѣлаетъ одно, а среди язычниковъ проповѣдуетъ

гое, и противъ Ангела, который, какъ это извѣстно было [всѣмъ], по достоинству выше даже его предшественниковъ Апостоловъ. Такъ что, по его словамъ, и значеніе (auctoritas) Петра и Іоанна не должно считаться столь великимъ, когда онъ [Павель] ни для себя, учившаго ихъ [Галатовъ] раньше, ни для Ангела не считалъ позволительнымъ проповѣдать иначе сравнительно съ тѣмъ, чему они были научены раньше. Итакъ онъ обозначилъ по имени только себя и Ангела, а прочихъ указалъ безъ имени: *если кто-либо*, говоритъ онъ, *будетъ благовѣствовать вамъ*, чтобы общимъ словомъ [кто-либо] не нанести обиды своимъ предшественникамъ, и, однако, въ скрытомъ видѣ указать ихъ имена.

Стихъ 10: *Въ самомъ дѣлѣ, буду ли я склонять къ себѣ¹⁾ теперь лишь людей или Бога, или я стремлюсь быть пріятнымъ для людей? Если бы я еще угрожалъ людямъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ.*—Не будемъ думать, что Апостолъ учить насъ по его примѣру презирать сужденіе людей, ибо въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *Итакъ имѣя страхъ Господень, мы склоняемъ къ себѣ людей, и Богу мы открыты* (2 Корнѣ. V, 11), и извѣстное слово: *Будьте беззазорными для Іудеевъ и язычниковъ, и для Церкви Божіей* (1 Корнѣ. X. 32), какъ и я угождаю всѣмъ во всемъ, стремясь не къ тому, что мнѣ полезно, но многимъ, чтобы они спаслись (ст. 33). Но если возможно, чтобы мы одинаково угодили Богу и людямъ, то людямъ должно угождать; если же мы не иначе угождаемъ людямъ, какъ чрезъ неугодное Богу, то должны скорѣе угождать Богу, чѣмъ людямъ. Съ другой стороны, Апостолъ и

¹⁾ Греческое πείθω и латинское: suadeo имѣютъ значеніе: *уговаривать, убѣждать*, и такимъ образомъ склонять на свою сторону; а не: *препираться* (славянское) или: *искать благоволенія* (русск.), которыми переведено это мѣсто. Славянское *препирати* болѣе близко къ смыслу.

самъ присоединяетъ причину того, почему онъ угождаетъ людямъ, говоря: *Стремясь не къ тому, что мнѣ полезно, а къ тому, что полезно многимъ, чтобы они спаслись.* А тотъ, кто, побуждаемый любовію, которая не ищетъ своего, а чужого, угождаетъ всѣмъ, чтобы они спаслись, тотъ несомнѣнно угождаетъ Богу, Который заботится о спасеніи людей. Въ его рѣчи есть и особенное слово *теперь лишь* (modo), нарочито присоединенное здѣсь, показывающее: слѣдуетъ ли, смотря по обстоятельствамъ (pro tempore), угождать или не угождать людямъ; такимъ образомъ тотъ, кто теперь не угоденъ людямъ вслѣдствіе проповѣди евангельской истины, впослѣдствіи будетъ угоденъ имъ вслѣдствіе спасенія весьма многихъ людей. Нѣкогда Павелъ былъ угоденъ Іудеямъ, какъ настоящій ревнитель отеческихъ преданій, ибо онъ прежде безупречно исполнялъ Законъ и имѣлъ пламенную ревность къ обрядамъ и обычаямъ предковъ въ такой степени, что даже принималъ участіе въ побіеніи Стефана камнями, и въ Дамаскъ стремился, чтобы лишить свободы тѣхъ, которые отреклись отъ Закона (*Дѣян.* VП, 58; VШ, 1; IX, 1, 2). Но послѣ превращенія своего изъ гонителя въ сосудъ избранный и начала проповѣданія той вѣры, гонителемъ которой онъ нѣкогда былъ, онъ сталъ ненавистнымъ для Іудеевъ, которые прежде любили его. Вотъ это и значать его слова: „Развѣ я стремлюсь угождать Іудеямъ, вслѣдствіе ненависти которыхъ ко мнѣ я сдѣлался угоднымъ Богу? Вѣдь если бы я былъ угоденъ имъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ; потому что я утверждалъ бы Законъ, разрушая благодать Евангелія; по этой же причинѣ я не стремлюсь къ сохраненію Закона. Я не могу одинаково угождать Богу и Іудеямъ, потому что тотъ, который бываетъ угоденъ имъ, не бываетъ угоденъ Богу“. Да и самое слово *suadere* взято изъ обыкновеннаго словоупотребленія (humano usu),—именно когда кто-либо имѣющее у него и однажды усвоенное имъ себѣ старается вну-

шить и другимъ,—это слово употребляется въ весьма многихъ мѣстахъ Писанія, къ числу которыхъ относится и слѣдующее: *Убѣжденіе* (suasio) *происходитъ не отъ того, Который призвалъ васъ* (Галат. V, 8); то же самое и въ книгѣ Дѣяній Апостоловъ: *Итакъ приходили къ нему въ страннопріимницу многіе Іудеи, которымъ онъ изъяснялъ, подкрѣпляя свидѣтельствами, царство Божіе и убѣждая ихъ относительно Іисуса* [свидѣтельствами] *изъ Закона Моисеева и пророковъ до самаго вечера* (Дѣян. XXVIII, 23). Все это онъ дѣлалъ потому, что о немъ былъ распространенъ слухъ, будто онъ тайно соблюдаетъ предписанія закона и въ Іерусалимѣ присоединяется къ числу Іудействующихъ

Стихи 11, 12: *Ибо я извѣщаю васъ, братіе, что благовѣствованіе, провозвѣщенное Мною, не есть по происхожденію отъ человека, потому что не отъ человека я принялъ его и научился ему, но чрезъ откровеніе отъ Іисуса Христа.*—На основаніи этого мѣста сокрушается ученіе Эвіона и Фотина, [ибо это мѣсто свидѣтельствуешь,] что Христосъ есть Богъ, а не человѣкъ только. Въ самомъ дѣлѣ, если благовѣствованіе Павла происходитъ не отъ человека, и если онъ принялъ его и научился ему не отъ человека, а чрезъ откровеніе Іисуса Христа, то, безъ сомнѣнія, Іисусъ Христосъ, открывшій Павлу благовѣствованіе, не есть человѣкъ. А если Онъ не есть человѣкъ, то слѣдуетъ, что Онъ—Богъ. Но этимъ мы не отвергаемъ того ученія, что Онъ воспринялъ [естество] человека, а отвергаемъ только то ученіе, по которому Онъ былъ только человекомъ. Спрашивается: Приняли ли Церкви всего міра благовѣствованіе отъ Бога, или отъ человека? Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ былъ наученъ чрезъ откровеніе Христова, а не получилъ знаніе чрезъ проповѣдь человѣческую? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ, что тѣ, которые могутъ сказать: *Развѣ вы ищите доказательства Того, Который, какъ Христосъ,*

говоритъ во мнѣ (2 Корнѣ. XIII, 3), и: *Но живу уже не я, а живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. II, 20),—[эти] учили не столько сами, сколько [живущій] въ нихъ Богъ, который говоритъ святымъ: *Я сказалъ: вы—боги, и вы всѣ—сыны Вышняго* (Псал. LXXXI, 6), и вслѣдъ затѣмъ о грѣшникахъ: *Вы же, какъ люди, умрете и падете, какъ одинъ изъ первенствующихъ*. Итакъ, когда говоритъ Павелъ и Петръ, которые не умираютъ, какъ люди, и не падаютъ, какъ одинъ изъ первенствующихъ, то очевидно, что они—боги. А тѣ, которые суть боги, преподаютъ благовѣстіе не человѣческое, а Божіе. Маркіонъ и Василидъ, и прочая еретическая зараза не имѣютъ благовѣствованія Божія, потому что они не имѣютъ Духа Святаго, безъ Котораго проповѣдуемое ими благовѣстіе является человѣческимъ. И при этомъ не будемъ думать, что Евангеліе заключается въ словахъ Писанія, а въ его смыслѣ, не въ поверхностномъ значеніи, а во внутреннѣйшемъ содержаніи, не во внѣшнихъ покровахъ (foliis) рѣчи, а въ корнѣ его смысла. О Богѣ говорится у пророка: *Слова Его благи въ отношеніи къ нему* (Мих. II, 7, по LXX). Писаніе тогда полезно для слушающихъ, когда оно не провозглашается безъ Христа; когда оно не предлагается безъ Отца, и когда проповѣдающій не внушаетъ его другимъ безъ Духа [Святаго]. Въ противномъ случаѣ по слову Іезекіиля (Іезек. XIII, 18) и діаволъ, говорящій отъ Писаній, и всѣ ереси приготавливаютъ себѣ изъ него удобную опору (consuunt servicalia=сшиваютъ изголовье), которую подкладываютъ подъ руку (subitum) людей всякаго возраста. Также и самъ я,—который говорю,—если я имѣю въ себѣ Христа, то имѣю благовѣствованіе не человѣческое; а если я—грѣшникъ, то мнѣ говорится: *Господь сказалъ грѣшнику: Почему ты провозглашаешь оправданія Мои, и принимаешь въ уста свои Заветъ Мой? А самъ возненавидѣлъ наставленіе и бросилъ позади себя слова Мои* (Псал. XLIX, 16, 17) и проч. слѣдующее за тѣмъ. Весьма опас-

но проповѣдать въ Церкви, потому что вслѣдствіе превратнаго толкованія изъ благовѣствованія Христова можетъ быть сдѣлано благовѣствованіе человѣческое, или, —что еще хуже, — дѣвольское. А между *воспринимать* и *научаться* есть то различіе, что воспринимаетъ благовѣствованіе тотъ, которому оно сначала внушается и въ которомъ возводится на степень вѣры, такъ что онъ вѣритъ, что написанное принадлежитъ вамъ. А научается тотъ, кто познаетъ ясно и раздѣльно представленное въ немъ подъ образами гаданій и притчей, и познаетъ не по откровенію человѣческому, а по откровенію отъ Христа, Который открылъ Павлу, или чрезъ Павла, въ которомъ говоритъ Христосъ. И самое слово *ἀποκάλυψις*, т. е. *откровеніе*, есть слово свойственное исключительно Писанію, а не заимствованное у Грековъ отъ какого-либо изъ свѣтскихъ мудрецовъ. Поэтому, кажется мнѣ, какъ въ другихъ словахъ, которые LXX толковниковъ перевели на Греческій языкъ съ Еврейскаго, такъ и въ этомъ особенно, они стремились къ тому, чтобы выразить особыя свойства иностранной рѣчи, изыскивая новыя слова для новыхъ предметовъ, и дать значеніе, когда что-либо тайное и прикровенное, по удаленіи вѣшняго покроя, дѣлалось яснымъ и выводилось на свѣтъ. Для объясненія этого вотъ примѣръ. Моисей бесѣдовалъ съ Богомъ съ открытымъ лицомъ, т. е. безъ покроя (*Исх.* XXXIII, XXXIV); но, обращаясь къ народу, онъ возлагалъ на свое лице покрывало, потому что народъ не имѣлъ силы смотрѣть прямо въ лицо ему (*Числ.* IV). Такъ же и предъ ковчегомъ Завѣта была растянута завѣса; и когда она была удаляема, то скрытое прежде выставлялось на видъ, и, —воспользуемся этимъ самымъ словомъ, — *открывалось* (*revelabantur*). Итакъ, если тѣ, которые привыкли читать сочиненія краснорѣчивыхъ людей свѣтскихъ, начнутъ издѣваться надъ новизною и безыскусственностію нашей рѣчи, то мы отошлемъ ихъ къ книгамъ Цицерона, относящимся къ философскимъ вопросамъ; и они увидятъ, какъ велика была

необходимость употреблять тамъ столь большое число диковинныхъ словъ, которыхъ ухо латинскаго человѣка никогда не слышало; и это тогда, когда онъ переводилъ съ греческаго языка, который близокъ къ намъ. А что должны были перенести тѣ, которые пытались выразить особенности трудныхъ Еврейскихъ оборотовъ? И тѣмъ не менѣе въ столь многихъ свиткахъ Писаній находится гораздо меньше словъ, которыя дышатъ новизною, чѣмъ тѣхъ, которыя Цицеронъ собралъ въ [своей] маленькой книгѣ. Затѣмъ, какъ мы сказали и въ началѣ, при толкованіи словъ: *Павелъ, посланный не отъ людей и не чрезъ человека*, такъ и теперь слово его можетъ быть понято прикровенно въ отношеніи къ Апостолу Петру и прочимъ его, Павла, предшественникамъ въ томъ смыслѣ, что онъ, имѣющій наставникомъ въ благовѣствованіи только одного Христа, не былъ подвигнутъ какимъ-либо закономъ или властію (*quod nullius pro Lege et auctoritate moveatur*). Далѣе: онъ указываетъ на то откровеніе, въ которомъ,—во время пути въ Дамаскъ,—удостоился слышать голосъ Христа и пораженный слѣпотою тѣлесныхъ очей, сталъ созерцать свѣтъ міра.

Стихи 13, 14: *Ибо вы слышали о моей жизни въ Иудействѣ нѣкогда: какъ я чрезмѣрно былъ юнителемъ Церкви Божіей и разоралъ ее, и превосходилъ въ Иудействѣ многихъ [своихъ] сверстниковъ въ родѣ моемъ [какъ] болѣе чѣмъ должно ревнующій о моихъ отеческихъ преданіяхъ.*—Такое сообщеніе весьма полезно для Галатовъ, именно о томъ, что Павелъ, опустошитель Церкви Божіей и ревностнѣйшій защитникъ Иудейства, внезапно обратился къ вѣрѣ во Христа. И это въ то время, когда Распятый только что былъ проповѣданъ въ мірѣ, и когда новое ученіе было гонимо и язычниками, и Іудеями всего [тогдашняго] міра. Дѣйствительно, они могли сказать: „Если тотъ, кто съ малаго возраста былъ наставленъ въ правилахъ жизни (*disciplinis*) фарисеевъ; кто въ іудейскихъ преданіяхъ превосходилъ всѣхъ

своихъ сверстниковъ,—[если онъ] теперь защищаетъ Церковь, которую когда то весьма сильно преслѣдовалъ, и предпочитаетъ имѣть благодать и новое ученіе Христа вопреки ненависти всѣхъ, а не [сохранять] старину Закона ради похвалы со стороны многихъ; то что же дѣлать намъ, сдѣлавшимся Христіанами непосредственно изъ язычества? И прекрасны его слова: *Чрезмѣрно преслѣдовалъ Церковь Божию*, такъ что и изъ этого возникаетъ удивленіе [къ нему], потому что не каждый изъ тѣхъ, которые даже были значительными преслѣдователями Церкви Божіей, обратился къ вѣрѣ, а только тотъ, который превосходилъ въ гоненіи прочихъ. И мудро передаетъ онъ въ своемъ повѣствованіи, что онъ не столько служилъ Закону Божию, сколько отеческимъ, т. е. фарисейскимъ преданіямъ, которыя учатъ ученіямъ и заповѣдямъ человѣческимъ (*Мѡ XV, 9; Мрк. VII, 7—9*). Какъ прекрасны подборъ и значеніе выраженій: *Вы слышали*, говорить, *о моей жизни въ Иудействѣ нѣкогда*; „о жизни“ не: „о благодати“, „нѣкогда“, а не: „теперь“, „въ Иудействѣ“, а не: „въ Законѣ Божіемъ“; *Какъ я чрезмѣрно былъ гонителемъ Церкви Божіей и опустошалъ ее*. Онъ былъ гонителемъ не такъ, какъ прочіе, а „чрезмѣрно“. И онъ какъ будто не удовлетворялся сильнымъ преслѣдованіемъ, но опустошалъ Церковь, какъ будто былъ хищникомъ или разбойникомъ. Также не говоритъ онъ: *Церковь Христову*, какою тогда ее самъ считалъ [или: считали], т. е. происходящую отъ Того, Котораго презиралъ и преслѣдовалъ, а: *Церковь Божию*, соотвѣтственно своей настоящей вѣрѣ; причемъ или указываетъ въ Христѣ Бога, или говоритъ, что она—Церковь Того же самаго Бога, Который нѣкогда далъ Законъ. *И превосходилъ въ Иудействѣ многихъ* [своихъ] *сверстниковъ въ родѣ моемъ*, [какъ] *болѣе чѣмъ должно ревнующій о своихъ отеческихъ преданіяхъ*. И опять онъ называетъ себя превосходящимъ не въ Законѣ Божіемъ, а въ Иудействѣ, и [превосходилъ] не всѣхъ, а весьма многихъ, и не старѣй-

шихъ себя, а своихъ сверстниковъ, такъ что дѣлаетъ указаніе и на свои ревностныя занятія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоняетъ возможность упрекнуть его въ хвастовствѣ. А говоря объ отеческихъ преданіяхъ, но не о заповѣдяхъ Божіихъ, онъ показываетъ въ себѣ и фарисея изъ фарисеевъ, и имѣющаго ревность Божію, но не по разуму (поп secundum scientiam). Даже до настоящаго времени люди, понимающіе Священное Писаніе по-Иудейски преслѣдуютъ Церковь Христову и опустошаютъ ее; они развращены не Закономъ Божіимъ, а преданіями человѣческими.

Стихъ 15 [и начало 16]: *Когда же благоугодно было Тому, Который избралъ меня отъ чрева матери Моей, и призвалъ меня чрезъ благодать Свою, чтобы открыть во мнѣ Сына Своего для того, чтобы я благовѣствовалъ о Немъ среди язычниковъ.*—Не только въ этомъ мѣстѣ, но и въ посланіи къ Римлянамъ Павелъ пишетъ, что онъ избранъ для благовѣстія Божія. И Іеремія,—прежде чѣмъ зачатъ былъ и образовался въ чревѣ матери своей, представляется, какъ извѣстный и освященный отъ Бога (*Іерем* I, 5); также и отъ лица Праведника, или, какъ нѣкоторые думаютъ отъ лица Христа, говорится: *На тебя оставленъ я отъ чрева; отъ утробы матери моей Ты—Богъ мой* (*Псал.* XXI, 11). А противъ грѣшниковъ Давидъ восклицаетъ: *Ибо вотъ въ беззаконіяхъ я зачатъ, и въ грѣхахъ зачала меня мать моя* (*Псал.* L, 7); и въ другомъ мѣстѣ: *Со времени пребыванія во чревѣ нечестивые отчуждены* [отъ Бога] (*Псал.* LVII, 4); наконецъ въ томъ и другомъ значеніи [говорится]: *Богъ Іакова возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ* (*Малах.* I, 1, 2), прежде чѣмъ дѣти родились [*Римл.* IX, 11—13]. Еретики находятъ въ этомъ мѣстѣ основаніе для признанія нѣсколькихъ различныхъ природъ,—именно: духовной, душевной и земной (χοιχην), изъ которыхъ одна спасается, другая погибаетъ, а третья занимаетъ средину между тѣми двумя; они представляютъ дѣло такъ, что праведникъ ни-

когда не былъ бы избранъ, прежде чѣмъ не сдѣлалъ бы какого либо добра, ни грѣшникъ не возбуждалъ бы ненависти прежде совершенія преступленія, если бы природа спасаемыхъ и погибающихъ не была различна. На это мы можемъ отвѣтить просто, что это бываетъ по божественному предвѣденію, такъ что тотъ, въ комъ Онъ предусматриваетъ будущаго праведника, бываетъ возлюбленъ, прежде чѣмъ родится изъ чрева, а будущаго грѣшника Онъ ненавидитъ прежде, чѣмъ тотъ согрѣшитъ; но это не значитъ, что Богъ бываетъ несправедливъ въ любви и ненависти Своей, а только то, что Онъ по достоинству (*debeat*) разсматриваетъ ихъ не иначе, какъ зная впередъ, что они будутъ или праведниками, или грѣшниками; что Онъ судить не такъ, какъ люди, только о настоящемъ, ибо для Него и будущее есть уже совершившееся, и что Онъ произноситъ Свой приговоръ по послѣдствіямъ дѣйствій, а не по началу ихъ. Это есть наиболѣе простое объясненіе, и безъ другихъ болѣе возвышенныхъ разъясненій оно можетъ быть до нѣкоторой степени достаточно для читателя. Впрочемъ тѣ,—которые стремятся утверждать, что Богъ несправедливъ, на основаніи того, что мы немного выше сказали: *Отъ чрева* [матери] *грѣшники отчуждены* [отъ Бога], присоединяютъ также и далѣе слѣдующія слова: *Они заблуждаются отъ утробы* [матери], *говорятъ ложь*. Эти люди указываютъ на слѣдующее: Какъ это грѣшники заблуждаются прямо отъ чрева матери и говорятъ ложь, когда они еще не могутъ имѣть ни словъ, ни смысла? Или: какова же правда предвѣденія Божія, если Онъ прежде рожденія одного любить и сохраняетъ, а другого ненавидитъ? Или же таковыя [еретики] причину такого дѣйствія Божія относятъ къ прежней жизни, будто каждый по заслугъ своей съ самаго рожденія причисляется къ добрымъ или злымъ ангеламъ. Они болтаютъ, что все это мѣсто объ Іаковѣ и Исавѣ, о которомъ мы сейчасъ упомянули, написано Римлянамъ такъ, что на него невозможно дать удовлетворительнаго

отвѣтъ безъ усиленнаго труда и приѣма чемерицы Хризиппа [т. е. успокоивающаго средства]. Не одно и то же сказать: *Чтобы открыть Сына Своего во мнѣ* сравнительно съ тѣмъ, если бы сказать: *Чтобы открыть Сына Своего мнѣ*. Дѣйствительно, если кому-нибудь открывается что-нибудь, тому можетъ быть открыто только то, чего въ немъ прежде не было; а если въ комъ-нибудь открывается, то открывается уже прежде бывшее въ немъ, и уже послѣ того, какъ ему открыто. Подобное этому находимъ въ Евангеліи: *Среди васъ стоитъ нѣкто, Котораго вы не знаете* (Іоан. I, 26). И въ другомъ мѣстѣ: *Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человека, приходящаго въ міръ* (Іоан. I, 9). Изъ этого видно, что по природѣ всѣмъ людямъ присуще познаніе о Богѣ, и что никто не рождается [духовно] безъ Христа и не имѣетъ въ себѣ премудрости, справедливости и другихъ добродѣтелей. Поэтому хотя многіе безъ вѣры Христовой и Евангелія дѣйствуютъ въ нѣкоторомъ отношеніи мудро и даже свято, напр. [ut], повинуются родителямъ, протягиваютъ руку неимущему, не угнетаютъ ближнихъ, не похищаютъ чужого; тѣмъ не менѣе они болѣе повинны предъ судомъ Божиимъ, ибо, имѣя въ себѣ зародыши (principia) добродѣтелей и сѣмена Божественныя, они не вѣруютъ въ Того, безъ Котораго не могутъ быть. Но открывшійся въ Павлѣ Сынъ Божій можетъ быть понятъ и въ другомъ смыслѣ (aliter),—именно въ томъ, что чрезъ его проповѣдь язычникамъ сдѣлался извѣстнымъ Тотъ, Котораго они прежде не знали.

Стихъ 16 [окончаніе]: *Тотчасъ же я не положился на плоть и кровь,—или, какъ еще лучше имѣется въ Греческомъ: Не посоветовался* (contuli, греч. προσαυθέρην) *съ плотію и кровію* [или: *не доверился плоти и крови*]. Я знаю, что многіе думаютъ, будто это [плоть и кровь] сказано объ Апостолахъ; дѣйствительно и Порфирій возражаетъ, что послѣ откровенія Христова Павлу не было бы пристойно

идти къ Апостоламъ и совмѣстно съ ними обсуждать дѣло проповѣди,—т. е. послѣ наученія отъ Господа получить наставленіе отъ плоти и крови. Но сохрани меня Богъ отъ того, чтобы считать Петра, Іакова и Іоанна плотію и кровію, которыя не могутъ наслѣдовать царства Божія (1 Корнѳ. I, 26, 28; [XV, 50]). Дѣйствительно, если бы *духовные* Апостолы были плотію и кровію, то что мы должны думать тогда о *тѣлесныхъ* (χρῆματς)? Итакъ несомнѣнно, что Апостолъ Павелъ послѣ откровенія не положился на плоть и кровь въ томъ смыслѣ, что не хотѣлъ бросать бисера предъ свиньями и давать святыню псамъ (Мѳ. VII, 6). Посмотри, чтѣ написано о грѣшникахъ: *Не останется Духъ Мой въ людяхъ сихъ, потому что они—плоть и кровь* (Быт. VI, 3). А если съ такими, которые суть плоть и кровь,—не открывшія Петру Сына Божія (Мѳ. XVI, 16),—Апостолъ не совѣтовался о благовѣствованіи, которое ему открыто, но мало-по-малу отъ плоти и крови обратился къ духу; то именно онъ ввѣрилъ имъ сокровенныя святыни (occulta sacramenta) благовѣствованія. Но кто-нибудь, можетъ быть, скажетъ: „Если онъ непосредственно не посовѣтовался о Евангеліи съ плотію и кровію, то подразумѣвается, чтѣ послѣ того онъ посовѣтуется съ плотію и кровію, и то значеніе мѣста, по которому отрицается принадлежность Апостоловъ къ плоти и крови, не можетъ держаться, потому что, какъ я сказалъ, тотъ, кто въ началѣ не совѣтовался съ плотію и кровію, по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи посовѣтуется съ ними“. Такое предположеніе вынуждаетъ насъ указать такое различіе: мы не должны соединять слово „тотчасъ же“ (*statim* или: *continuo*) съ словами „плоти и крови“, но связывать ихъ съ вышестоящими: *Когда же благоугодно было Тому, Который избралъ Меня отъ чрева матери и потомъ: Чтобы открыть во мнѣ Сына Своего и наконецъ: Чтобы я благовѣствовалъ Его тотчасъ же язычникамъ,* такъ что слова: *Не доверился плоти и крови* являются

собственно началомъ; и преимущественно такъ именно нужно думать, потому что тотъ, который непосредственно послѣ откровенія отъ Христа, чтобы возвѣститъ Евангеліе язычникамъ, не терялъ времени въ какомъ-нибудь промедленіи, идя къ Апостоламъ и совѣщаясь съ людьми объ откровеніи Господнемъ; но удалился въ Аравію, а потомъ, спустя три года проповѣданія, снова возвратился въ Дамаскъ, и вотъ тогда (*tunc demum*), отправившись въ Іерусалимъ, увидалъ Петра, Іакова и Іоанна.

Стихъ 17: *И не пошелъ въ Іерусалимъ къ Апостоламъ, предшественникамъ своимъ.*—Если Апостолъ говоритъ: *Не доверился плоти и крови*, то какая нужда была повторять то же самое въ словахъ: *И не пошелъ въ Іерусалимъ къ Апостоламъ, своимъ предшественникамъ?* Итакъ должно держаться того значенія, которое мы выше изложили

Но пошелъ въ Аравію, и снова возвратился въ Дамаскъ.—Повидимому порядокъ событій не совпадаетъ въ томъ отношеніи, что Лука въ Дѣянїяхъ св Апостоловъ сообщаетъ (Дѣян. IX, 19—27) такъ: когда Павелъ, увѣровавъ въ Христа, многіе дни дерзостно проповѣдалъ Евангеліе въ Дамаскъ, то противъ него были устроены козни, и онъ ночью въ корзинѣ былъ спущенъ съ стѣны, а потомъ прибылъ въ Іерусалимъ, пытаясь присоединиться къ ученикамъ. Когда же они избѣгали его, боясь къ нему приступить, то онъ былъ приведенъ къ Апостоламъ Варнавою, и у нихъ сообщилъ, какъ видѣлъ Господа на пути, и какъ въ Дамаскъ съ твердою вѣрою дѣйствовалъ во имя Господа [*или съ прибавленіемъ: Іисуса*]. *Былъ съ ними*, говоритъ онъ, *входя и исходя изъ Іерусалима и съ твердою вѣрою дѣйствуя во имя Господа. Бесѣдовалъ также и состязался съ Греками, а они пытались убить его; когда же братія узнали [объ этомъ], то отвели его въ Кесарію и потомъ отпустили въ Тарсъ* (Дѣян. IX, 28—30). А въ посланіи Апостолъ говоритъ, что онъ сперва ходилъ въ Аравію и, снова

возвратившись въ Дамаскъ, пришелъ, — спустя три года, — въ Іерусалимъ, видѣлъ Петра и провелъ у него пятнадцать дней. и не встрѣтился ни съ кѣмъ другимъ изъ Апостоловъ, кромѣ Іакова, брата Господа. А что это было дѣйствительно такъ, чтобы вѣровали ему (потому что не бывшимъ съ нимъ это могло показаться сомнительнымъ), онъ утверждаетъ свои слова клятвою: *А то, что я говорю вамъ, вотъ передъ Богомъ, я не измышляю.* Мы, согласно съ повѣствованіемъ Луки, можемъ думать, что Павелъ дѣйствительно былъ въ Іерусалимѣ, но не какъ у Апостоловъ, своихъ предшественниковъ, чтобы научиться отъ нихъ чему-либо, а съ тѣмъ, чтобы отклонить [отъ себя] опасность преслѣдованія, которую онъ навлекъ на себя въ Дамаскъ ради проповѣди Евангелія; и такимъ образомъ онъ пришелъ въ Іерусалимъ, какъ пошелъ бы въ какой-либо другой городъ. А оттуда онъ поспѣшно удалился въ Аравію вслѣдствіе козней, или [снова] въ Дамаскъ, откуда спустя три года возвратился въ Іерусалимъ, чтобы повидаться съ Петромъ. Конечно, могло быть и такъ: непосредственно послѣ крещенія и подкрѣпленія себя пищею, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней пробылъ съ учениками въ Дамаскъ и къ изумленію всѣхъ въ Іудейскихъ собраніяхъ (синагогахъ) непосредственно сталъ проповѣдать, что Іисусъ есть Сынъ Божій, а потомъ пошелъ въ Аравію и изъ Аравіи возвратился въ Дамаскъ, гдѣ и пробылъ въ теченіе трехъ лѣтъ, о которыхъ, какъ о дняхъ многихъ, свидѣтельствуется и Писаніе такъ: *Когда исполнились многіе дни, Іудеи составили совѣщаніе, чтобы умертвить Его* (Дѣян. IX, 23). Но Савлу сдѣлались извѣстны ихъ замыслы, поэтому они день и ночь сторожили двери, чтобы умертвить Его. Поэтому то ученики взяли его ночью и чрезъ стѣну выпустили, спустивъ его въ корзину. А когда онъ пришелъ въ Іерусалимъ, то сдѣлалъ попытку присоединиться къ ученикамъ. Апостолъ Лука можетъ быть потому опустилъ свѣдѣнія объ Аравіи, что [Павелъ] не достигъ тамъ ничего достойнаго проповѣди

Апостольской и предпочелъ сообщить въ краткихъ словахъ, то, что, по его мнѣнію, было достойно Евангелія Христова. Если даже онъ провелъ время въ Аравіи и безъ особыхъ послѣдствій (*frustra*), то и этого не должно относить къ медлительности Апостола, а къ тому, что можетъ быть было какое-либо повелѣніе и даже заповѣдь отъ Бога относительно молчанія. Ибо и послѣ того мы читаемъ, что Павлу, вышедшему съ Силою, было запрещено отъ Духа Святаго проповѣдать въ Азіи (*Дѣян. XVI, 6*) Иначе: *Но пошолъ въ Аравію и снова возвратился въ Дамаскъ.* Какую пользу приносить мнѣ это сообщеніе, если я прочитаю, что Павелъ непосредственно послѣ откровенія Христова отправился въ Аравію, а изъ Аравіи тотчасъ возвратился въ Дамаскъ, ибо я не знаю, почему онъ ходилъ туда, или: какую пользу принесло его хожденіе и возвращеніе? Самъ Апостолъ даетъ мнѣ поводъ къ высшему пониманію [этого мѣста] въ томъ же самомъ посланіи, когда разсуждаетъ объ Авраамѣ, Агари и Саррѣ: *Дѣйствительно, это выражено иносказательно, ибо здѣсь два Завѣта,—именно: одинъ отъ горы Синайской рождающій въ рабство, это—Агарь, потому что Синай есть гора въ Аравіи; она соединена [духовно] съ тою, которая нынѣ въ Іерусалимѣ* (*Галат. IV, 24, 25*). И онъ учитъ, что Ветхій Завѣтъ, т. е. сынъ рабыни установленъ въ Аравіи, что значить: *униженная и близкая къ паденію.* Такимъ образомъ Павелъ, какъ только увѣровалъ, обратившись къ Закону, къ Пророкамъ, къ тайнствамъ Ветхаго Завѣта, уже склонявшася къ закату, искалъ въ нихъ Христа, проповѣдать Котораго язычникамъ онъ получилъ повелѣніе. Но, открывъ Законъ, онъ не долго оставался въ немъ, а возвратился въ Дамаскъ, т. е. къ крови и страданіямъ Христовымъ, а оттуда подкрѣпленный чтеніемъ пророчествъ направился въ Іерусалимъ, т. е. къ мѣсту *видѣнія и міра*, не столько для того, чтобы научиться чему-нибудь отъ Апостоловъ, сколько для того, чтобы сравнить свое ученіе Еван-

гелія съ ученіемъ ихъ [Апостоловъ]

Стихъ 18: *Потомъ спустя три года пошелъ въ Іерусалимъ, чтобы увидѣть Петра*,—не съ тѣмъ [конечно], чтобы посмотрѣть на его глаза, щеки, или выраженіе лица, или видѣть: худой ли онъ, или тучный, съ орлинымъ или прямымъ носомъ, покрыто ли его чело волосами, или онъ плѣшивый, какъ объ этомъ сообщаетъ Климентъ въ своихъ „Періодахъ“ Я не признаю, чтобы для Апостольской строгости было важнымъ дѣломъ послѣ столь долгаго—трехлѣтняго—приготовленія желать знакомства съ какою-нибудь человѣческою стороною Петра Но онъ [Павель] созерцалъ его тѣми очами, которыми мы видимъ его въ настоящее время въ его посланіяхъ. Тѣми же очами онъ созерцалъ Кифу, которыми самъ Павель нынѣ созерцается нѣкоторыми благоразумными людьми. А если кому-либо это кажется не такъ, тотъ пусть все это свяжетъ съ вышеуказаннымъ смысломъ: съ тѣмъ, что апостолы ничего ему не сообщили; потому что, если онъ и получилъ повелѣніе идти въ Іерусалимъ, то идти для того, чтобы повидать Апостола не ради наученія отъ него, такъ какъ и у него самого былъ тотъ же самый источникъ (аистоген) проповѣди, но ради возданія чести первому Апостолу.

И пробылъ у него дней пятнадцать.—Ему не было нужно продолжительныхъ наставленій, такъ какъ онъ столь долгое время готовился къ свиданію съ Петромъ. И хотя нѣкоторымъ кажется излишнимъ дѣломъ обращать вниманіе на счетъ чиселъ въ Писаніи, но я полагаю, что не безъ пользы [будетъ замѣтить, что] пятнадцать дней, въ теченіе которыхъ Павель былъ у Петра, обозначаютъ полное знаніе, законченное ученіе. Дѣйствительно, и въ Псалтири есть пятнадцать стиховъ и пятнадцать степеней, чрезъ которыя приступаютъ къ Богу для пѣнія. и праведникъ восходитъ, чтобы пребывать въ жилищахъ Божіихъ Также и Езекиа удостоивается получить знаменіе съ помощію

ступеней, когда ему было дано для жизни пятнадцать лѣтъ (*Исайи*, XXXVIII); и празднества Божіи начинались съ пятнадцатаго дня. И кромѣ того (такъ какъ мы слѣдуемъ двоякому пониманію) когда онъ указываетъ пятнадцать дней, то дѣлаетъ это затѣмъ, чтобы показать, что не велико было время, въ теченіе котораго онъ чему-нибудь могъ научиться отъ Петра; такъ что все сводится къ одному и тому же пониманію, съ котораго онъ и началъ: т. е. онъ наученъ не отъ человѣка, а отъ Бога.

Стихъ 19. *А другого изъ Апостоловъ не видѣлъ никого, кромѣ Іакова, брата Господа.*—Я вспомнилъ, что когда я былъ въ Римѣ, то по побужденію братьевъ писалъ книгу о непрестанномъ дѣвствѣ святой Маріи. Въ ней мнѣ было необходимо вести продолжительное разсужденіе о тѣхъ, которые названы братьями Господа. Поэтому, каково бы ни было написанное нами, мы должны имъ довольствоваться. Теперь для насъ достаточно только того, что онъ [Іаковъ] названъ братомъ Господнимъ по превосходному своему нраву. по несравненной вѣрѣ и по необыкновенной (non mediam) мудрости, а также потому, что онъ первымъ предстоительствовалъ въ той Церкви, которую прежде другихъ составили увѣровавшіе во Христа Іудеи. Впрочемъ, и остальные Апостолы называются братьями Господа, напр., (sicut) въ Евангеліи: *Иди, [и] скажи братьямъ Моимъ: Иду къ Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему* (*Іоан* XX, 17) И въ Псалмѣ: *Богъищу имя Твое братьямъ Моимъ: посреди Церкви буду воспѣвать Тебя* (*Псал.* XXI, 22). Но преимущественно братомъ называется этотъ, такъ какъ ему Господь, отходя къ Отцу, вручилъ сыновъ матери Своей. И подобно тому, какъ Іовъ и прочіе патріархи называются служителями Божіими, но Моисей называется такъ, какъ будто имѣющій нѣчто болѣе превосходное,—такъ что относительно его написано: *Но не какъ Моисей служитель Мой* (*Евр.* III, 5); такъ и бла-

женный Іаковъ въ особенномъ значеніи названъ братомъ Господнимъ (какъ мы прежде сказали). А когда помимо Апостоловъ еще и другіе нѣкоторые называются Апостолами, то причина этого заключается въ слѣдующемъ: Всѣ видѣвшіе Господа и потомъ проповѣдавшіе его, были названы Апостолами, какъ это написано въ посланіи къ Коринѣянамъ: *Что Онъ явился Кифѣ, послѣ этого извѣстнымъ (illis) одиннадцати*¹⁾, *потомъ явился болѣе чѣмъ пятистамъ братій одновременно (simul), изъ которыхъ многіе остаются въ живыхъ еще и до настоящаго времени, а нѣкоторые уже уснули [умерли]: потомъ явился Іакову, потомъ всѣмъ Апостоламъ* (1 Корнѣ. XV, 5 и далѣе). Дѣйствительно, съ теченіемъ времени, понемногу и въ другихъ мѣстахъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ Господь избралъ, были поставлены Апостолы (ordinati sunt apostoli), какъ объ этомъ говоритъ извѣстное слово къ Филиппійцамъ: *Но я счелъ необходимымъ послать къ вамъ брата Епафродита, сотрудника и соратника своего, а вашего Апостола и служителя въ нуждѣ моей* (Филип. II, 25). О такомъ же случаѣ пишется и къ Коринѣянамъ: *Или Апостолы Церквей, слава [или: въ славу] Божія* (2 Корнѣ. VIII, 23)²⁾. Сила и Іуда также названы Апостолами отъ Апостоловъ. Поэтому очень сильно заблуждался тотъ, который думалъ, что этотъ Іаковъ есть Апостолъ, братъ Іоанна, который, какъ извѣстно, пролилъ кровь за Христа послѣ Стефана,—по свидѣтельству (juxta fidem) книги Дѣяній Апостольскихъ (Дѣян. XII, 2). А этотъ Іаковъ былъ первымъ епископомъ Іерусалима и имѣлъ про-

¹⁾ Греческ текстъ: τοῖς δώδεκα (русскій: двѣнадцать); по примѣру греческаго переводятъ на новыя языки: двѣнадцать. Но латинскій и славянскіи удерживаютъ: undecim, единонадесятизмъ.

Примѣч. переводчика.

²⁾ Греч. и слав. имѣютъ: δόξα Χριστοῦ = слава Христова.

Примѣчаніе переводчика.

званіе *Праведный*,—человѣкъ, извѣстный такою святостью и пользовавшійся въ народѣ такою славою, что къ краю одежды его ревностно стремились прикоснуться. Это и есть тотъ, который впослѣдствіи былъ сброшенъ Іудеями съ вершины храма,—имѣлъ преемникомъ Симона, котораго также предали ради распятаго Господа. Итакъ онъ [Павель] говоритъ, что кромѣ этихъ не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ Апостоловъ, чтобы не оказалось противорѣчія,—именно: хотя и не былъ наставленъ Петромъ, однако у него были другіе Апостолы въ качествѣ наставниковъ. Но онъ не видался съ ними, и не потому, что руководствовался пренебреженіемъ (*contemptui*), а потому, что они разсѣялись по всему міру для проповѣди Евангелія.

Стихъ 20: *А то, что я пишу вамъ, вотъ предъ Богомъ, я не лгу.*—Это должно понимать или просто: „То, что я говорю вамъ, истинно, и,—Богъ мнѣ свидѣтель,—не поддѣлано мною ни искусно составленными словами, ни какою-нибудь ложью“; или же это должно понимать въ болѣе возвышенномъ значеніи: „То, что я пишу вамъ, находится предъ лицомъ Божиимъ, то есть достойно созерцанія Божія“. А почему достойно созерцанія Божія? Именно потому, что я не лгу. И такъ какъ *очи Господа обращены на праведниковъ* (*Псал. XXXIII, 16*), а отвращаетъ Онъ лице Свое отъ лица нечестивыхъ; то написанное нынѣ потому предъ лицомъ Божиимъ, что я пишу, не примѣняя лжи. Если бы я лгалъ, то это не было бы предъ лицомъ Божиимъ. И это,—что теперь онъ пишетъ къ Галатамъ,—можетъ быть понимаемо не только относительно того, что онъ пишетъ имъ, но и о всѣхъ вообще посланіяхъ, потому что не должно то, что онъ пишетъ, и его слова, и сердце не находятся въ несогласіи между собою.

Стихъ 21: *Потомъ я пришелъ въ области Сиріи и Виликіи.*—Послѣ посѣщенія Іерусалима онъ пошелъ въ Сирію, которая значитъ для насъ: *возвышенная, превосходная,*

а оттуда перешелъ въ Киликію, которую пожелалъ принять въ вѣру во Христа, провозглашая ей призывъ къ покаянію, ибо имя Киликіи значитъ *принятіе*, или *горестный плачъ*.

Стихъ 22—24: *Но я по лицу не былъ извѣстенъ Церквамъ Іудей, которыя были во Христа Іисусъ; а только онъ слышали, что нѣкогда преслѣдовавшій насъ нынѣ благовѣствуетъ вѣру, которую когда то старался искоренить, и прославляли Бога за меня.*—Церкви, бывшія въ Іудеѣ, знали Павла только по слуху, и весьма многія изъ нихъ видѣли въ немъ скорѣе гонителя, чѣмъ Апостола. Но Сирія, части Киликіи, Аравія и Дамаскъ случайно знали его также и лично, потому что учитель язычниковъ проповѣдалъ благовѣствованіе Христово не Іудеямъ, а язычникамъ. А все то, что онъ дѣлалъ, было слѣдующее: онъ имѣлъ цѣль показать, что никогда онъ изъ преслѣдователя не могъ бы сдѣлаться славнымъ въ глазахъ тѣхъ, которыхъ прежде преслѣдовалъ, если бы его проповѣдь не была одобрена приговоромъ тѣхъ самыхъ, которые раньше знали его злобу (*eum talium poeverant*). И онъ скрыто возвращается къ этой цѣли, утверждая, что въ Іудеѣ онъ трудился столь краткое время, что вѣрующимъ былъ неизвѣстенъ даже въ лице. Этимъ онъ показываетъ, что для него учителемъ не былъ ни Петръ, ни Іаковъ, ни Іоаннъ, но Христосъ, открывшій ему Евангеліе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что прежде онъ представляется гонителемъ Церкви, а здѣсь—вѣры, тамъ—людей, а здѣсь—дѣла, такъ что теперь [*или: тогда, т. е. tunc вмѣсто nunc*] съ большимъ удобствомъ говорится: *Благовѣствуетъ вѣру, которую нѣкогда старался искоренить*. Въ самомъ дѣлѣ о Церкви не могло быть сказано подобнымъ образомъ.

Глава II.—Стихи 1, 2: *Потомъ, спустя четырнадцать лѣтъ, снова ходилъ въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита. А ходилъ по откровенію, и совѣщался съ ними о благовѣствованіи, которое я проповѣдую язычни-*

камъ и отдельно съ тѣми, которые казались [выдающимися], чтобы случайно не подвизаться мнѣ или не подвизался я напрасно.—То что латинскій переводчикъ выше перевелъ словомъ *успокоился* (*acquievi*)—въ томъ мѣстѣ, въ которомъ написано: *Тотчасъ я не успокоился* [не положился] *на плоти и крови*, въ настоящемъ мѣстѣ гораздо лучше [чѣмъ то слово] перевелъ словомъ: *совѣщался* [сносился]. Но по правдѣ сказать, греческое слово ἀνεθέμην значитъ нѣчто иное, чѣмъ понимается это у насъ,—именно: оно обозначаетъ то, что мы совѣщаемся съ другомъ о томъ, что знаемъ, и какъ бы влагаемъ въ его сердце (*sinum*) и совѣсть то, что знаемъ, чтобы совмѣстнымъ обсужденіемъ одобрить или не одобрить. Итакъ, спустя четырнадцать лѣтъ онъ отправился въ Іерусалимъ, и тотъ, который прежде пошелъ только, чтобы повидаться съ Петромъ, говорить, что теперь потому ходилъ, что имѣлъ въ виду посовѣтоваться съ Апостолами о благовѣствованіи, взявъ съ собою обрѣзаннаго Варнаву и изъ язычниковъ Тита, имѣвшаго крайнюю плоть не обрѣзанною, чтобы такимъ образомъ устами двухъ или трехъ свидѣтелей утвердилось (*staret*) всякое слово (*Втор. XIX, 15*). Но иное дѣло посовѣтоваться съ кѣмъ-либо, а иное дѣло научиться [отъ кого-либо]. Между совѣщающимися есть равенство; а между учащимъ и учащимся то различіе, что учащійся менѣе того, кто учитъ. Въ началѣ, по обращеніи къ вѣрѣ, онъ видѣлъ Апостоловъ только [такъ сказать] мимоходомъ. А спустя, —какъ самъ онъ говоритъ,—семнадцать лѣтъ, онъ бесѣдуетъ съ ними обстоятельно (*plane*) и смиренно старается узнать: не понапрасну ли онъ трудился, можетъ быть, или трудится. Онъ прибѣгнулъ къ Апостоламъ—предшественникамъ по двоякой причинѣ: съ одной стороны, чтобы показать смиреніе Павла, хотя онъ уже былъ во всемъ мірѣ учителемъ язычниковъ, а съ другой стороны, чтобы и Галаты узнали, что тѣ, которые предстательствовали въ Церквахъ Іудей, не отвергли его благовѣствованія.

А вмѣстѣ съ этимъ онъ показываетъ и то, что ради вѣры во Христа и свободы Евангелія онъ осмѣлился привести человѣка необрѣзаннаго Тита къ тѣмъ самымъ, которые знали о немъ многое: что онъ нарушалъ Законъ, возставалъ противъ Моисея и почти совершенно отвергалъ обрѣзаніе. И ни самъ онъ среди столь большого числа Іудеевъ и враговъ своихъ, которые въ пылу видимой ревности къ закону желали пролить его кровь, ни Титъ, не были вынуждены никакимъ страхомъ уступить необходимости, которая могла быть оправдана или въ виду мѣстныхъ условій, или въ силу значенія старѣйшихъ, или въ виду многочисленности Церквей, которыя изъ числа Іудеевъ вѣровали во Христа, или въ виду временныхъ обстоятельствъ,—именно, чтобы не подвергаться такой ненависти. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ спустя четырнадцать лѣтъ ходилъ въ Іерусалимъ, т. е. именно тогда, когда,—по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ—среди вѣрующихъ Антиохіи возникло разсужденіе по вопросу о соблюденіи или несоблюденіи Закона, и благоугодно было пойти въ Іерусалимъ и обождать рѣшенія старѣйшихъ, съ каковою цѣлю (quando) именно и были посланы самъ Павелъ и Варнава, и что объ этомъ именно и говорится въ латинскихъ собраніяхъ (codicibus) книгъ Св. Писанія: *И мы на время даже согласились подчиниться имъ* ¹⁾, *чтобы истина Евангелія пребывала твердою у васъ* (Галат. II, 5), т. е. именно въ томъ смыслѣ, что Павелъ и Варнава согласились на посланіе по дѣлу хотя вполне очевидно, но какъ будто еще сомнительному, съ тою цѣлю, чтобы благодать Евангелія была утверждена для вѣрующихъ

¹⁾ Греческій, латинскій (Вульгата), славянскій и русскій тексты передаютъ это мѣсто въ отрицательной формѣ: *Мы даже на время не согласились подчиниться имъ* (т. е. вкравшимся лжебратіямъ); а чтеніе, данное въ приводимыхъ бл. Іеронимомъ кодексахъ, предполагаетъ временное желаніе св. Апостола подчиниться рѣшенію Апостоловъ.

также и судомъ старѣйшихъ [Апостоловъ] и чтобы больше ни у кого не оставалось уже сомнѣнія относительно отѣны обрѣзанія, такъ какъ Апостоламъ было повелѣно снять иго Закона съ увѣровавшихъ во Христа язычниковъ. А слова его: *Совѣщался съ ними о Евангеліи, которое проповѣдую между язычниками, а отдельно [совѣщался] съ тѣми, которые казались [выдающимися], чтобы случайно не подвизаться мнѣ или не подвизался я напрасно,*—эти слова могутъ быть поняты и такъ, что онъ тайно обсуждалъ съ Апостолами благодать Евангельской свободы и отжившую старину уничтоженнаго Закона въ виду множества изъ Іудеевъ вѣрующихъ, но еще не могшихъ слышать, что Христосъ есть исполненіе и конецъ Закона; это тѣ, которые въ отсутствіе Апостола Павла распускали молву, будто бы напрасно трудится или трудился тотъ, который полагалъ, что не должно слѣдовать ветхозавѣтному Закону. И это Павелъ [дѣлалъ] не потому, что боялся, будто онъ въ теченіе семнадцати лѣтъ проповѣдалъ ложное благовѣствованіе, но потому, что хотѣлъ показать своимъ предшественникамъ, что онъ,—какъ это полагали не знающіе,—не понапрасну трудился или трудится.

Стихи 3—5: *Однако, и Титъ, бывший со мною даже не былъ вынужденъ обрѣзаться. Но и ради вкравшихся ложныхъ братій, которые вкрались для того, чтобы взывать о помощи противъ свободы нашей, которую мы имѣемъ о Христѣ Иисусѣ, и чтобы возвратитъ насъ въ рабство, мы не подчинились имъ ни на часъ, чтобы истина Евангелія твердо пребывала у васъ.*—Если Титъ, который былъ изъ язычниковъ, никакими страхами не былъ вынужденъ подвергнуться обрѣзанію въ Іерусалимѣ, т. е. въ главномъ городѣ Іудеевъ, въ которомъ Павелъ за порицаніе Моисея подвергся такой ненависти, что послѣ едва не былъ убитъ Іудеями,—это тогда, когда онъ былъ освобожденъ трибуномъ, и въ узахъ былъ отправленъ въ Римъ, къ Кесарю,—то какимъ образомъ

нѣкоторые думаютъ, что должно читать: *И имъ (quibus) мы на время подчинились, чтобы истина Евангелія пребывала твердо у васъ*, и что Титъ, прежде не могшій быть принужденнымъ къ обрѣзанію, наконецъ былъ вынужденъ и обрѣзанъ? Или что это за истина Евангельская въ томъ, чтобы дѣлать уступку лицемѣрію Іудеевъ, и соблюдать то, что прежде ты считалъ, какъ отбросы (σκύβαλον) и презиралъ, какъ нѣчто достойное осужденія, и видѣть *ничто* въ томъ, что въ дѣйствительности *ничто*. Наконецъ (sed) и самому смыслу этого посланія очень ясно противорѣчить то, что Апостолъ какъ будто призываетъ Галатовъ къ обрѣзанію. Всѣмъ построеніемъ своей рѣчи онъ хочетъ показать, что онъ,—Еврей изъ Евреевъ, нѣкогда соблюдавшій дѣла Закона, обрѣзанный въ восьмой день по закону фарисеевъ,—однако по благодати Христовой презираетъ все. Дѣйствительно, когда онъ пошелъ въ Іерусалимъ и когда ложные братья,—вѣрующіе [во Христа] изъ числа обрѣзанныхъ,—хотѣли, чтобы онъ обрѣзалъ Тита, то ни онъ, ни Титъ не уступили насилію, чтобы сохранить истину Евангелія. Поэтому, если онъ говоритъ, будто былъ вынужденъ необходимостію обрѣзать Тита, то какимъ образомъ онъ отклоняетъ Галатовъ отъ того обрѣзанія, отъ котораго въ Іерусалимѣ онъ не могъ избавить Тита, хотя этотъ послѣдній былъ изъ язычниковъ. Итакъ,—или нужно слѣдовать чтенію Греческихъ собраній св. Книгъ: *Имъ мы не подчинились даже и на время*, при чемъ (ut) послѣдовательно можетъ быть понятно изреченіе: *Чтобы истина Евангелія пребывала неизмѣнною среди васъ*; или же,—если угодно довѣриться какому-нибудь латинскому списку (exemplaris),—мы должны слѣдовать вышеуказанному значенію,—именно, что уступка на время состояла не въ томъ, чтобы обрѣзать Тита, а въ томъ, чтобы пойти въ Іерусалимъ. Такимъ образомъ Павелъ и Варнава подчинились желанію пойти въ Іерусалимъ, когда возникло въ Антиохіи раздѣленіе по вопросу о Законѣ, чтобы чрезъ посланіе отъ Апостоловъ

подтвердилось ихъ [Павла и Варнавы] сужденіе, и пребыла твердою у Галатовъ истина благовѣствованія, которая заключается не въ буквѣ, а въ духѣ, не въ плотскомъ смыслѣ, а въ духовномъ разумѣніи, и не въ очевидномъ Іудействѣ, а въ скрытомъ (occulto). Но должно знать, что излишней употребленный въ этомъ мѣстѣ союзъ *но* (autem) въ словахъ: *Но и ради вкравшихся ложныхъ братій*, и если онъ и читается, то не имѣетъ соотвѣтствующаго себѣ слова, которое его дополняетъ. Порядокъ расположенія и смыслъ мѣста такой: „Но даже и Титъ, хотя онъ былъ [по происхожденію] изъ язычниковъ, не былъ вынужденъ обрѣзаться“. И непосредственно затѣмъ онъ присоединяетъ причину, по которой (ut) онъ могъ быть противъ воли принуждаемъ къ обрѣзанію: *Ради вкравшихся, говорить, ложныхъ братьевъ, которые вкрались взывать о помощи противъ свободы нашей, которую мы имѣемъ во Христа Иисуса, чтобы подчинить насъ рабству*. Такъ какъ они устрашали кознями и хотѣли численностію [своею] отъ свободы Христовой привести въ рабство Закона, то мы даже на время не уступили имъ, чтобы обрѣзать Тита, особенно, когда нѣкоторая нужда ради церковнаго мира могла извинить насъ; а сдѣлали все это мы, чтобы у васъ не было никакого повода отступить отъ благодати Евангелія. Итакъ, если мы въ Іерусалимѣ,—когда между Іудеями было такъ много угрожающихъ братій ложныхъ, и когда тѣ, которые были старшими, противились имъ только отчасти,—[мы] не могли поддаться никакому насилию и убѣжденіямъ, чтобы соблюдать обрѣзаніе, которое, какъ мы знали, окончилось: то почему вы изъ язычниковъ, вы [живущіе] въ Галатіи, вы, противъ которыхъ не можетъ бы употреблена никакая сила, добровольно отступая отъ благодати, переходите къ уничтоженной уже древности Закона.

Стихъ 6: *У меня же нѣтъ никакого различія съ тѣми, которые выказываются чѣмъ-либо, каковыми бы они ни были когда-либо: Богъ не взираетъ на лицо человека.—*

Онъ говоритъ: Хотя Господь имѣлъ съ Собою Петра и Іоанна, и хотя они видѣли Его преобразившимся на горѣ (*Мѡ. XII; Марк. IX*), и хотя на нихъ положено основаніе Церяви; однако для меня въ этомъ нѣтъ ничего [важнаго], потому что я веду рѣчь не противъ тѣхъ, которые въ то время слѣдовали Господу, а противъ тѣхъ, которые нынѣ предпочитаютъ Законъ благодати Я не злословлю противъ предшественниковъ и ни въ какомъ отношеніи не обвиняю старѣйшихъ, а говорю только то, что Господь не смотритъ на лице человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не смотрѣлъ на Моисея, не смотрѣлъ на Давида, не смотрѣлъ и на другихъ; итакъ Онъ посмотритъ и на тѣхъ, которые повидимому на время уступили бы кому-либо, хотя они сами согласны со мною, ибо Петръ также говоритъ: *По истинѣ я познаю, что Богъ не есть смотрящій (асцептор) на лица; но во всякомъ мѣстѣ боящійся Его и дѣлающій правду пріятель Ему* (*Дьян. X, 34, 35*). Итакъ, тѣмъ самымъ доказательствомъ, которымъ святой Апостолъ Петръ послѣ крещенія Корнилія изъ язычниковъ, необрѣзаннаго, пользуется противъ тѣхъ, которые соблазнялись, и успокоиваетъ ихъ тѣмъ, что онъ не могъ отказать въ водѣ [крещенія] получившимъ Духа Святаго; [тѣмъ самымъ доказательствомъ] нынѣ святой Апостолъ Павелъ возражаетъ противъ самого Петра,—именно, что Богъ нелицепріятенъ, но судитъ каждаго по истинѣ Такимъ образомъ онъ осторожно и по немногу занимаетъ средину между восхваленіемъ Петра и упрекомъ [ему], такъ что воздастъ по заслугамъ предшественнику—Апостолу, и тѣмъ не менѣе дерзновенно противостаетъ ему въ лице, побуждаемый истиною.

Ибо мнѣ кажущіеся [выдающимися] ничего не посоветовали —Выше [онъ сказалъ] самъ совѣтовался съ ними и многое сообщилъ имъ о томъ, чего достигъ у язычниковъ; а они ему ничего не присоединили; только одобряя то, что сказано имъ, они подали ему [правую] руку въ знакъ обще-

нія и утвердили, что ихъ благовѣствованіе и благовѣствованіе Павла одно [и то же]. Снова необходимо замѣтить, что слово *посовѣтовали* (contulerunt) есть то же, о которомъ мы прежде говорили, на Греческомъ (προσᾱνέθεντο).

Стихи 7, 8: *Но, наоборотъ, когда они увидѣли, что мнѣ въвѣрено благовѣствованіе необрѣзаннымъ* (praeputii), *какъ Петру для обрѣзанныхъ,—ибо Содѣйствовавшій Петру въ посланничество* (apostolatium) *для обрѣзанныхъ содѣйствовалъ и мнѣ среди язычниковъ.—и когда они узнали о благодати, данной мнѣ; то Петръ и Іаковъ, и Іоаннъ, считавшіеся столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія, чтобы намъ [идти] къ язычникамъ, а имъ—къ обрѣзаннымъ.*—Здѣсь обратная разстановка словъ (ὑπέρβατον est), и съ пропускомъ многого сказаннаго въ срединѣ это мѣсто вкратцѣ можно прочесть такъ: „Мнѣ выдающіеся (qui videbantur) ничего не сообщили, а, наоборотъ, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія“. Впрочемъ, можетъ быть, онъ, Павелъ, не восхваляя себя, скрыто даетъ такой смыслъ: „Мнѣ казавшіеся чѣмъ то выдающимся ничего не присоединили; а, наоборотъ, мною имъ было сообщено, хотя они были болѣе твердыми въ благодати Евангелія“. А все вмѣстѣ, сказанное имъ, значить слѣдующее: „Одинъ и Тотъ же ввѣрилъ и мнѣ благовѣствованіе для необрѣзанныхъ, и Петру—для обрѣзанныхъ. Меня Онъ послалъ къ язычникамъ, а Петра поставилъ въ Іудеѣ. И ни язычники въ зрѣломъ уже возрастѣ не должны были испытывать страданій отъ бесполезнаго обрѣзанія, и воздерживаться отъ яствъ, къ которымъ всегда привыкали, и которыя Богъ создалъ для пользованія; ни тѣ, которые увѣровали изъ Іудеевъ и были обрѣзаны, и по привычкѣ, какъ бы второй природѣ, не должны были считать себя имѣющими нѣчто большее сравнительно съ остальными народами, но и не начали легкомысленно презирать того, чѣмъ нѣкогда они были славны. Итакъ Промыслъ Божій даровалъ обрѣзаннымъ одного Апостола, который, повидимому,

полагался на Законъ, а для находившихся въ необрѣзанномъ состояніи—другого Апостола, который благодать Евангелія считалъ не рабствомъ, а свободною вѣрою. Это такъ, чтобы ни по какому поводу не возникало препятствія для вѣры, и ни обрѣзанные, ни необрѣзанные не удерживались отъ вѣры во Христа. Мы говоримъ не то, что Петръ какъ будто забылъ о первыхъ [наставленіяхъ] и считалъ необходимымъ соблюдать помимо благодати Евангелія еще предписанія Закона, ибо Петръ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ самъ засвидѣтельствовалъ, что никакой человекъ не есть нечистый, и училъ, что въ томъ сосудѣ, который онъ видѣлъ спускающимся съ неба, и который поддерживался за четыре угла, не было различія между людьми, были ли то Іудеи, или язычники (*Дѣян.* X. 11—15; XI, 5—9); а [хотимъ сказать] то, что даже онъ, показывающій въ себѣ соблюдающаго Законъ, только понемногу отклонялъ Іудеевъ отъ прежняго образа жизни, потому что они не могли совсѣмъ неожиданно смотрѣть съ презрѣніемъ, какъ на ни къ чему непригодные отбросы на свои столькія усилія въ соблюденіи Закона и тщательное поведеніе [по предписаніямъ] въ прошедшей жизни. Изъ этого мы точно познаемъ, почему Петромъ, Іаковомъ и Іанномъ дана рука общенія Павлу и Варнавъ,—именно чтобы благовѣствованіе Христово не считалось различнымъ вслѣдствіе различнаго соблюденія [Закона], и чтобы общество обрѣзанныхъ и имѣющихъ крайнюю плотъ считалось однимъ и тѣмъ же. Онъ искусно (*pulchre*) построяетъ рѣчь, говоря: *Содѣйствовавшій Петру въ посланничество къ обрѣзаннымъ;* это съ тою цѣлію, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что онъ злословить Петра; но предпославши похвалы Петру, онъ хочетъ дать понять, что Петръ для того отчасти допускалъ обрѣзаніе, чтобы пріобрѣсти тѣхъ, которые изъ Іудеевъ [особенно] довѣрялись ему и соблюсти ихъ въ вѣрѣ во Христа и Евангеліи. Но при этомъ онъ подразумѣваетъ, что если тотъ [Петръ] невиновенъ въ соблюденіи на время того, чего

можно и не соблюдать, и дѣлаетъ это для того, чтобы не потерять довѣряющихся ему; то онъ [Павелъ] ради истины Евангелія долженъ сдѣлать еще больше, потому что ввѣренное ему состоитъ изъ необрѣзанныхъ: нужно, чтобы язычники, уstraшенные тяжестію и трудностями Закона не отступили отъ вѣры во Христа, такъ легко принятой ими (а Christi fide et credulitate). Здѣсь является скрытый вопросъ: Итакъ что же? Если бы Петръ нашелъ [кого-нибудь] изъ язычниковъ, развѣ онъ не привелъ бы ихъ къ вѣрѣ? Или: если бы Павелъ открылъ нѣкоторыхъ изъ обрѣзанныхъ, то неужели онъ не призвалъ бы ихъ къ крещенію Христову? Эти вопросы разрѣшаются такъ, что мы должны признавать одну главную заповѣдь, данную относительно Іудеевъ и язычниковъ, чтобы защищающіе Законъ имѣли того, за которымъ могли бы слѣдовать, и чтобы предпочитающіе Закону благодать не имѣли недостатка въ учителѣ и предводителѣ. А вообще они имѣли назначеніе собрать Церковь для Христа изъ всѣхъ народовъ. И дѣйствительно, мы читаемъ, что и святымъ Петромъ былъ крещенъ Корнилій язычникъ, и Павелъ проповѣдалъ въ собраніяхъ (synagogis) Іудеевъ весьма часто о Христѣ. *Петръ и Іаковъ, и Іоаннъ, которые считались столпами* (Дѣян. X, XIII, XVП?). Выше мы три раза читаемъ сказанное отъ Апостола: *И отдельно съ тѣми, которые казались [выдающимися], и: И отъ тѣхъ, которые казались чѣмъ то, и: Ибо мнѣ ничего не сообщали тѣ, которые казались чѣмъ то.* Посему я тщательно изслѣдовалъ, что значать слова его *казались* (videbantur); но теперь онъ освободилъ меня отъ всякаго затрудненія, присоединяя слова: *которые казались* (считались) *столпами*. Итакъ Апостолы суть столпы Церкви и особенно Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, изъ которыхъ два удостоились восходить на гору съ Господомъ; а изъ сихъ послѣднихъ одинъ въ Апокалипсисѣ говоритъ отъ лица Спасителя: *Того, кто побѣдитъ сдѣлаю столпомъ въ храмъ Бога Моего* (Апокал.

Ш, 12), уча такимъ образомъ, что тотъ, кто побѣдитъ врага, можетъ сдѣлаться столпомъ Церкви. А въ посланіи къ Тимоѳею Павелъ пишетъ: *Чтобы ты зналъ, какъ должно жить въ домъ Божіемъ, который есть Церковь Бога живаго, и притомъ (autem) столпъ и утверждение истины* (1 Тимоѳ. II, 15). Этими и прочими словами мы научаемся тому, что какъ апостолы, такъ и всѣ вѣрующіе такъ же, какъ и сама Церковь, называются въ Писаніяхъ столпомъ, и что нѣтъ никакого различія въ словахъ о тѣлѣ или о членахъ, такъ какъ и тѣло дѣлится на члены, и члены принадлежатъ тѣлу. Итакъ Петръ и Іаковъ, и Іоаннъ, почитавшіеся столпами, подали Павлу и Варнавѣ руку общенія; но Титу, который былъ съ ними не подали, потому что онъ еще не достигъ такой степени, чтобы можно было ему ввѣрить важное дѣло (mercimonia) Христова наравнѣ со старѣйшими, и чтобы и онъ занималъ такое же мѣсто дѣятельности, какое занимали Варнава и Павелъ.

Стихъ 10: *Только, чтобы мы помнили о бѣдныхъ, что именно я и позаботился дѣлать.*—Неимущіе святые, забота о которыхъ требуется отъ Павла и Варнавы, это суть изъ вѣрующихъ Іудеевъ, которые цѣну, вырученную отъ продажи имуществъ своего, положили къ ногамъ Апостоловъ для раздаянія бѣднымъ, или тѣхъ, которыхъ ихъ единоплеменники, родственники и родители считали отверженными, которыхъ бы необходимо подвергнуть очищенію, какъ отступниковъ отъ Закона и вѣрующихъ въ Распятаго. Сколько понесъ труда въ служеніи имъ святой Апостолъ Павелъ, свидѣтелями этого являются его посланія, ибо онъ пишетъ и Коринѳянамъ, и Ѳессалоникійцамъ, и всѣмъ Церквямъ изъ язычниковъ, чтобы онѣ приготовили даръ сей для отправленія въ Іерусалимъ, или чрезъ него самого, или чрезъ тѣхъ, которые имъ будутъ угодны. Поэтому теперь онъ смѣло (confidenter) говорить, *что я уже дѣлалъ именно это.* Впрочемъ подъ бѣдными можно разумѣть и другого рода людей,—именно тѣхъ, о

которыхъ говорится въ Евангеліи: *Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное* (Мѡ. V, 3), потому что таковыя также заслуживаютъ быть въ памяти Апостоловъ. Также и тѣ бѣдныя, о которыхъ пишется у Соломона: *Искуплѣніе для души чловѣка—его собственное богатство. Бѣдный же и угрозы не слышитъ* (Притч. XIII, 8) Въ самомъ дѣлѣ, онъ не можетъ услышать о будущемъ ужасѣ наказаній, онъ, бѣдный въ вѣрѣ, бѣдный въ благодати, не имѣющій ни богатства духовнаго, ни познанія въ священномъ Писаніи, которое сравнивается съ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Слѣдовательно, если не здоровые нуждаются во врачѣ, а больные, то и Апостоламъ, подавшимъ руку общенія, было благоприлично не презирать [таковыхъ] бѣдныхъ, не пренебрегать грѣшниками, но всегда помнить о нихъ, какъ Павелъ вспомнилъ и о томъ Коринѣянинѣ, котораго хотя и наказалъ на время,—въ первомъ посланіи,—чтобы чрезъ тѣло, трудившееся въ дѣлѣ покаянія, онъ спасся духомъ (1 Коринѡ. V, 5), а во второмъ посланіи снова призываетъ въ Церковь, чтобы онъ не былъ пораженъ бѣднѣею, чѣмъ должно скорбію; и просить онъ всѣхъ, чтобы они утвердили любовь къ нему и оказали милость брату, какъ и онъ самъ [Павелъ] оказалъ каждому изъ нихъ предъ лицомъ Христовымъ во исполненіе возложеннаго на него въ Іерусалимѣ условія, чтобы онъ всегда воспоминалъ о бѣдныхъ.

Стихи 11—13: *А когда Петръ прибылъ въ Антиохію, то я восталъ ему въ лице, ибо онъ подвергался упрекамъ. Дѣйствительно, прежде чѣмъ явились нѣкоторые отъ Іакова, онъ вкушалъ пищу съ язычниками, а когда тѣ явились, то онъ сталъ уклоняться и отдѣлился изъ боязни предъ тѣми, которые были изъ числа обрѣзанныхъ, и его притворству сочувствовали и прочіе Іудеи, такъ что даже и Варнава былъ увлеченъ ими въ ихъ притворство.*—Изъ того, что Петръ до прихода нѣкоторыхъ изъ Іерусалима вкушалъ пищу съ язычниками обнаруживается,

что онъ не забылъ о первомъ наставленіи: чтобы никакого человѣка никто не называлъ обыкновеннымъ (communem), или нечистымъ; но такъ какъ ради тѣхъ, которые думали, что Законъ еще должно соблюдать, онъ понемногу отклонился отъ сожителства съ язычниками (такъ что даже и прочіе изъ Іудеевъ, какъ и Варнава, проповѣдавшій съ Павломъ Евангеліе между язычниками, были вынуждены сдѣлать то же самое); но тѣ, которые въ Антиохіи увѣровали во Христа изъ язычниковъ и не были обрѣзаны, были побуждаемы перейти къ тяжкому игу Закона: они не понимали снисходительности Петра, посредствомъ которой онъ хотѣлъ спасти Іудеевъ, а думали, что такъ дѣло обстоитъ на основаніи Евангелія. Итакъ, когда Апостоль Павелъ увидѣлъ, что благодать Христова подвергается опасности, и что древній врагъ (bellator) пользуется новымъ способомъ къ борьбѣ; то для исправленія снисхожденія Петра [Іудеямъ] новымъ снисхожденіемъ противоположнаго качества онъ противопоставилъ ему открыто, но не съ тѣмъ, чтобы обличить его намѣреніе, а съ тѣмъ, чтобы чрезъ его открытое (in publico) порицаніе спаслись тѣ, которые увѣровали во Христа изъ язычниковъ, такъ какъ Павелъ возсталъ обличителемъ его [Петра]. Поэтому, если кто-либо подумаетъ, что Петръ дѣйствительно встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Павла, который ради истины Евангелія нанесъ безтрепетно оскорбленіе предшественнику [—Апостолу]; то такому не будетъ понятно (non ei stabit) то, что самъ Павелъ для Іудеевъ былъ Іудеемъ, чтобы пріобрѣсти Іудеевъ, и что онъ самъ является отвѣтственнымъ въ томъ же притворствѣ, когда онъ въ Кенхреяхъ остригъ голову совершенно (facto calvitio), понесъ приношеніе въ Іерусалимъ, обрѣзалъ Тимофея и ходилъ босымъ, — что несомнѣнно было изъ числа обрядовыхъ дѣйствій (saecrononiis) Іудеевъ (*Дьян* XVШ, 18; XVI, 3). Итакъ, если тотъ же самый, который былъ посланъ на проповѣдь къ язычникамъ, не считалъ бесполезнымъ говорить: *Не будьте соблазномъ*

для Іудеевъ и для церкви Божіей, какъ и я самъ встѣхъ уюждаю во всемъ, не ища того, что полезно только мнѣ, а многимъ, чтобы они спаслись (1 Коринѣ. 8 31), и однако дѣлалъ нѣчто бывшее противнымъ (contraria) Евангелію, чтобы не вводить Іудеевъ въ соблазнъ: то на какомъ основаніи, съ какимъ лицомъ осмѣливается дѣлать Петру, — бывшему Апостоломъ обрѣзанныхъ, — упреки тотъ, который самъ былъ Апостоломъ язычниковъ, и заслуживаетъ упрекъ въ томъ, что допускалъ самъ? Но, какъ мы прежде сказали, онъ всенародно (secundum faciem publicam) притворнымъ возраженіемъ противится Петру и прочимъ [братіямъ или же-братіямъ] съ тою цѣлію, чтобы изобличить притворство ихъ въ соблюденіи Закона, вредившее увѣровавшимъ изъ язычниковъ, и чтобы тѣ и другіе (uterque populus) спаслись, одни, восхваляя обрѣзаніе и слѣдуя Петру, а другіе, не желавшіе подвергаться обрѣзанію, — чрезъ открытое одобреніе свободы дѣйствій Павла. А слова: *подвергался упрекамъ*, съ прибавленіемъ: потому что онъ воздерживался отъ совмѣстнаго вкушенія пищи, сказаны для того, чтобы мы понимали, что Петръ не столько со стороны Павла заслуживалъ упрека, сколько со стороны тѣхъ братьевъ, съ которыми онъ прежде вкушалъ пищу, и отъ которыхъ послѣ того отдѣлился. А что притворство на время можетъ быть полезно и допустимо, это намъ показываетъ примѣръ царя Израильскаго Іегу (Ииуй); который могъ умертвить жрецовъ Ваала, только притворившись, что онъ хочетъ почитать поклоненіемъ идола; онъ говоритъ: *Соберите мнѣ встѣхъ жрецовъ Ваала; ибо если Ахавъ служилъ Ваалу во многомъ, то я буду служить во многомъ* (4 Цар. X, 19). Тоже и Давидъ, когда измѣнилъ лице свое предъ Авимелехомъ, и отпустилъ его, и ушелъ (1 Цар. XXI, 12—13)¹⁾.

¹⁾ Текст LXX называетъ этого царя 'Αἰχὼς (Аихусъ), а Вульгата: Achis

Примѣчаніе переводчика.

Не удивительно, если люди праведные нѣсколько притворствуютъ на время ради спасенія себя и другихъ, когда и Самъ Господь нашъ, не имѣя грѣха и плоти грѣховной, принялъ *подобіе* плоти грѣховной, чтобы, осудивши грѣхъ во плоти, сдѣлать насъ въ Себѣ правдою Божіею. Несомнѣнно, что Павелъ читалъ въ Евангеліи Господа, Который заповѣдуетъ: *Если согрѣшишь противъ тебя братъ твой, то иди и исправь его [наединѣ] между собою и тѣмъ однимъ. Если онъ тебя послушаетъ, то ты приобрѣлъ брата своего* (Лук. XVII, 3)¹⁾. Какимъ же образомъ,—если относительно малѣйшихъ братьевъ заповѣдано такъ поступать,—онъ осмѣлился бы всенародно обличать величайшаго Апостола столь неудержимо и настойчиво, если бы и самому Петру не угоденъ былъ такой способъ обличенія, и Павелъ не хотѣлъ обидѣть того, о которомъ прежде сказалъ: *Я пришелъ въ Иерусалимъ, чтобы видѣть Петра, и пробылъ у него пятнадцать дней; а другого изъ апостоловъ не видѣлъ никого; и затѣмъ: Содѣйствовавшій Петру въ посланническихъ къ обрѣзаннымъ; и наконецъ (infra): Петръ, и Іаковъ, и Іоаннъ, которые считались столпами, и прочее,* онъ говоритъ въ похвалу его. Нѣсколько разъ я, еще будучи юношею, участвовалъ въ Римѣ въ спорахъ и упражнялся въ составленіи возраженій предъ воображаемыми противниками, для чего я ходилъ предъ судилище, гдѣ и видѣлъ самыхъ выдающихся ораторовъ, спорившихъ между собою съ такимъ жаромъ, что часто, оставивъ свои дѣла, они обращались къ личнымъ порицаніямъ и взаимно терзали себя ядовитыми насмѣшками. Если они такъ дѣлаютъ, чтобы у защищаемыхъ не возбудить подозрѣнія въ измѣнѣ дѣлу, и обманываютъ окружающій народъ, то что мы подумаемъ о такихъ столпахъ Церкви,—Петрѣ и Павлѣ,—что должны были дѣлать

¹⁾ Болѣе близко этотъ текстъ подходитъ въ Мѣ. XVIII, 15.

Примѣчаніе переводчика.

такіе сосуды премудрости между разногласившими между собою Іудеями и язычниками, какъ не вступить въ видимый споръ, чтобы наступилъ миръ между вѣрующими, и священное несогласіе между ними привело къ единству вѣры въ Церкви. Есть такіе, которые подъ Кифою¹⁾, которому Павелъ противопоставилъ, какъ пишетъ, въ лице, видятъ не Апостола Петра, а другого, — изъ семидесяти учениковъ, — называвшагося этимъ именемъ. Они говорятъ, что Петръ никакимъ образомъ не могъ уклоняться отъ образа жизни совместно съ язычниками, такъ какъ онъ крестилъ и сотника Корнилія; а когда пришелъ въ Іерусалимъ, то, — во время выступленія противъ него обрѣзанныхъ, которые говорили: *Почему ты вошелъ къ людямъ, имѣющимъ крайнюю плотъ и вкушалъ пищу съ ними?* — онъ, рассказавъ о бывшемъ видѣніи, заключилъ свой отвѣтъ такъ: *Слѣдовательно, если имъ Богъ далъ таковую же благодать, какъ и намъ, увѣровавшимъ въ Господа Іисуса Христа; то кто былъ я, чтобы я могъ препятствовать Богу. Когда же они услышали это, то умолкли и прославили Бога говоря: Итакъ и язычникамъ Богъ далъ покаяніе къ жизни.* [Таковыя возражатели настаиваютъ на этомъ мнѣніи] потому особенно, что Лука, писатель о прошедшей жизни (*scriptor historiae*), не упоминаетъ объ этомъ недоразумѣніи ни однимъ словомъ и даже не говоритъ, чтобы Павелъ когда-либо былъ въ Антиохіи вмѣстѣ съ Петромъ; а съ другой стороны такимъ образомъ открывается возможность для злословія отъ Порфирія, если бы мы стали вѣрить, будто Петръ впалъ въ заблужденіе, или Павелъ дерзостно обличилъ первоверховнаго Апостола (*principem apostolorum*). Таковымъ толкователямъ прежде всего должно отвѣтить то, что я не знаю, чтобы намъ было из-

¹⁾ Въ Вульгатѣ во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ вставочнаго 8-го стиха 2-й главы, вмѣсто: Петръ, Петру, переведено: *Кифа* (*Cephas*) *Кифъ* (*Cephae*).

Примѣчаніе переводчика.

вѣстно имя какого-либо другого Киѳы, кромѣ того, который и въ Евангеліяхъ, и въ другихъ посланіяхъ Павла, а также и въ этомъ самомъ называется (*scribitur*) то *Киѳою*, то *Петромъ*. И это не потому, что имя *Киѳа* значить одно, а *Петръ*—другое, а потому, что называемое у Грековъ и Латинянъ словомъ *petra* Евреи и Сирійцы по родству языка своего называютъ *Киѳою*. Наконецъ, и все теченіе доказательства, скрыто направляемое въ отношеніи къ Петру, Іакову и Іоанну, опровергаетъ вышеизложенное пониманіе этого мѣста. А то, что Лука умалчиваетъ объ этомъ обстоятельстве нисколько не удивительно, потому что онъ, пользуясь свободою описателя прошедшихъ событій, умалчалъ и о многомъ другомъ, о чемъ передаетъ Павелъ, какъ о пережитомъ; а если одинъ почелъ достойнымъ что либо сообщить по известной причинѣ, а другой между прочимъ пропустилъ, то это еще не является сейчасъ же признакомъ противорѣчія между ними. Наконецъ, вѣдь мы принимаемъ [преданіе], что Петръ былъ первымъ епископомъ въ Антиохіи и оттуда перешелъ въ Римъ, о чемъ Лука совершенно умалчалъ. В крайнемъ случаѣ, если въ виду злословія Порфирія не нужно измыслить другого Киѳу, чтобы не подуматъ, что Петръ впалъ въ заблужденіе, то въ Св. Писаніи и многое другое должно быть исключено, потому что онъ подвергается нападеніямъ, такъ какъ не понимаетъ этого. Но если Христосъ повелитъ намъ, то противъ Порфирія мы выступимъ въ другомъ трудѣ; а теперь будемъ слѣдовать далѣе.

Стихъ 14: *Но когда я увидѣлъ, что они не прямою стопою идутъ къ истинѣ Евангелія, я сказалъ Петру въ присутствіи всѣхъ* —Какъ тѣ, которые, имѣя правильную поступь, хотя притворяются хромающими, но не имѣютъ недостатка въ ногахъ, а бываетъ нѣкоторая причина, по которой они хромаютъ; такъ и Петръ, зная, что ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе не значить ничего, а [важно] только исполненіе заповѣдей Божіихъ, первоначально вкушалъ пищу

вмѣстѣ съ язычниками, но на время сталъ уклоняться отъ нихъ, чтобы не потерять для вѣры Христовой Іудеевъ. Поэтому и Павелъ, такимъ же, какъ и тотъ, вышнимъ способомъ показываетъ видъ, противопоставляетъ ему въ лицѣ и говоритъ въ присутствіи всѣхъ,—не столько для того, чтобы обличить Петра, сколько для того, чтобы исправились тѣ, ради которыхъ Петръ высказывалъ притворство, или для того, чтобы устранить превозношеніе Іудеевъ и безнадежное положеніе язычниковъ. Поэтому, если кому-нибудь не нравится то толкованіе, что ни Петръ не погрѣшилъ, ни Павелъ не выступилъ съ дерзкимъ обличеніемъ противъ старѣйшаго только для вида (*ostenditur*), тотъ долженъ объяснить: на какомъ основаніи Павелъ нападаетъ въ дѣйствіяхъ другого на то, что допускалъ самъ въ себѣ?

Если ты, хотя ты и Иудей, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то какимъ образомъ ты принуждаешь язычниковъ иудействовать?—Онъ нападаетъ на Петра съ неопровержимымъ доказательствомъ, а въ дѣйствительности чрезъ Петра на тѣхъ, которые вынуждали его совершать то, что взаимно противорѣчить себѣ. Онъ говоритъ: „Если ты, Петръ, по природѣ Иудей, обрѣзанный съ малаго возраста, и соблюдающій совершенно всѣ (universi) предписанія Закона, нынѣ по благодати Христовой знаешь, что онѣ сами по себѣ не имѣютъ пользы,—но служатъ только примѣрами, и образами будущаго,—и если ты вкушаешь пищу съ тѣми, которые изъ язычниковъ, живя не по прежнему въ суевѣріяхъ, но свободно и безъ стѣсненія (indifferenter); то какимъ образомъ ты теперь принуждаешь иудействовать тѣхъ, которые приняли вѣру изъ язычниковъ, нынѣ отдаляясь отъ нихъ и раздѣляясь и разлучаясь съ ними, какъ будто съ оскверненными. Ибо если тѣ, отъ которыхъ ты отдаляешься, нечисты, и если ты отдаляешься отъ нихъ потому, что они не имѣютъ обрѣзанія, то ты насильственно понуждаешь ихъ къ тому, чтобы они приняли обрѣзаніе и сдѣлались Иудеями:

хотя самъ ты, будучи Іудеемъ, живешь по-язычески. И въ скрытомъ видѣ онъ указалъ причину, по которой возставалъ противъ него,—именно потому, что своимъ притворнымъ поведеніемъ онъ понуждалъ ихъ іудействовать, такъ какъ они желаютъ ему подражать.

Стихъ 15: *Мы по природѣ Іудеи, а не грѣшники изъ язычниковъ.*—Къ этому мѣсту придираются еретики, которые, измышляя нѣчто смѣшное и непригодное, говорятъ, что ни духовная природа не можетъ согрѣшать, ни земная не можетъ совершать что-либо праведное. Таковыхъ мы спросимъ: почему отъ доброй маслины отломились вѣтви, и почему отъ дикой маслины привились къ корню доброй маслины, если ни отъ доброй не можетъ ничего отпасть, ни отъ дурной ничего не можетъ возстать? Или: какимъ образомъ онъ самъ (vel) прежде преслѣдовалъ Церковь, если онъ былъ по природѣ духовнымъ; или почему послѣ онъ сдѣлался Апостоломъ, если [предположить, что] онъ рожденъ отъ земной природы? Поэтому, если они будутъ настоятельно утверждать, что онъ былъ по природѣ земнымъ, мы представимъ [имъ] его собственныя слова: *Мы по природѣ чада гнѣва, какъ и прочіе (Ефес. II. 3).* Тотъ есть Іудей по природѣ, кто происходитъ изъ рода Авраама, и обрѣзанъ родителями въ день восьмой. Но я изложу все доказательство въ краткихъ словахъ,—[именно] смыслъ здѣсь получается такой: „Мы, т. е. я и ты, Петръ, (онъ присоединяетъ свою личность, чтобы не показаться наносящимъ оскорбленіе), хотя по природѣ и Іудеи, такъ какъ дѣлаемъ то, что предписано Закономъ, а не грѣшники изъ язычниковъ,—которые суть грѣшники или вообще потому, что они служатъ идоламъ, или потому, что мы теперь считаемъ ихъ нечистыми,—такъ какъ знаемъ, что не можемъ спастись исполненіемъ Закона, но только вѣрою во Христа, то и увѣровали во Христа, чтобы вѣра во Христа, которую мы имѣли, [или: имѣемъ] подала намъ то, чего не далъ намъ Законъ. Поэтому если, отсту-

пивши отъ Закона, которымъ мы не можемъ спастись, мы переходимъ къ вѣрѣ, которая требуетъ не обрѣзанія плоти, а благоговѣйнаго чистаго сердца, и [если] еще теперь мы, отступая отъ язычниковъ, внушаемъ [agimus] то, что не получившій обрѣзанія является нечистымъ: то, слѣдовательно, вѣра во Христа, которою мы считаемъ возможнымъ спастись, является скорѣе служительницею грѣха, чѣмъ оправданія, — [вѣра], которая устраняетъ обрѣзаніе и безъ которой каждый бываетъ нечистымъ. Но сохрани [меня] Богъ, чтобы я, разъ устранивши что-либо и признавъ безполезность его для себя, снова сталъ защищать это. Разъ отступивъ отъ Закона, я умеръ для Закона, чтобы жить во Христѣ, и пригвоздившись ко кресту Его, и возродившись въ новаго человѣка, жить больше по вѣрѣ, чѣмъ по плоти, и со Христомъ выйти изъ міра. Я держусь того, къ чему однажды привязался. Христосъ не напрасно умеръ за меня; напрасною была бы моя вѣра въ Него, если бы я могъ безъ вѣры Его спастись древнимъ Закономъ.

Стихъ 16: *Но зная, что человекъ не оправдывается дѣлами Закона, а только чрезъ вѣру въ Іисуса Христа, чтобы оправдаться вѣрою, а не чрезъ дѣла Закона.* — Нѣкоторые говорятъ: „Если вѣрно то, что утверждаетъ Павелъ, т. е. что никто не оправдывается чрезъ дѣла Закона, но только чрезъ вѣру въ Іисуса Христа; то [нужно думать, что] патріархи и пророки, и святые, бывшіе до пришествія Христова, были несовершенны“. Таковыхъ мы можемъ убѣдить тѣмъ, что здѣсь говорится такъ: „Не получили оправданія тѣ, которые вѣровали, что оправданіе можно получить только чрезъ дѣла Закона. А святые, которые были отъ лѣтъ древнихъ, оправдались отъ вѣры во Христа. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдъ Авраамъ видѣлъ день Христовъ и возрадовался (Іоан. VIII, 56); и Моисей почиталъ поношеніе за Христа бѣлымъ богатствомъ, чѣмъ сокровища Египта, ибо онъ взиралъ на награду (Евр. XI, 26); и Исаія видѣлъ славу Христову

(Исаи VI), какъ говорить Евангелистъ Іоаннъ, и какъ вообще о всѣхъ Апостолѣ Іуда говорить: *Я хочу напомнить вамъ, уже знающимъ всѣ: что Іисусъ*¹⁾, *спасиій народъ изъ Египта, потомъ погубилъ неправовавшихъ* (Іуд. ст. 5). Слѣдовательно, осуждаются не столько дѣла Закона, сколько тѣ, которые увѣрены, что они могутъ оправдаться только чрезъ эти дѣла, потому что то же самое и Спаситель говорить ученикамъ: *Если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство небесное* (Мѡ V, 20). Въ этомъ мѣстѣ нужно обратить въ одно [или: разсмотрѣть], сколько есть въ Законѣ такихъ заповѣдей, которыхъ никто не можетъ исполнить. Наоборотъ, должно сказать и о тѣхъ заповѣдяхъ Закона, которыя могутъ быть исполнены тѣми, которые не знаютъ его. Но дѣлатели [исполнители] Закона не оправдываются потому, что не имѣютъ вѣры во Христа,—напримѣръ: не вступать съ мужемъ въ противоестественный порокъ (не dormire cum viro dormitatione mulieri), не прелюбодѣйствовать, не грабить, но почитать болѣе отца и мать и дѣлать прочее, что заповѣдано [въ Законѣ]. Поэтому, если о святыхъ мужахъ намъ представлять примѣры того, что они, ходя въ Законѣ, исполнили все, что было по Закону, то мы скажемъ: *Что Законъ положенъ не для праведника, но для неправедныхъ, непокорныхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ оскверненныхъ и нечистыхъ* (1 Тимоѡ. I, 9). А наученный отъ Бога не имѣетъ нужды получать наставленія даже въ любви, какъ говорить Павелъ: *О любви же я не считаю необходимымъ писать вамъ, ибо вы сами научены отъ Бога, чтобы любить другъ друга* (1 Тесс IV, 9).

Стихи 17, 18 [конецъ 16-го, 17 и 18]: *Потому что дѣлами Закона не оправдывается никакая (omnis) плоть.*

¹⁾ Въмѣсто *Іисусъ* Вульгаты, въ греческомъ, славянскомъ и русскомъ стоитъ: *Κυριοςъ, Господь*

Примѣчаніе переводчика.

Поэтому, если, ища оправданія во Христа, мы и сами оказались грѣшниками, неужели Христосъ—служитель грѣха. Боже сохрани (*Absit!* Ибо если то, что я разрушилъ, снова возстановляю, то я дѣлаю себя измѣнникомъ.—Отъ дѣла Закона не оправдается [или: не оправдывается] та плоть, о которой пишется: *Всякая плоть—сѣно; и всякая слава ея подобна цвѣтку полевому* (*Исаи*, XL, 6). А вѣрою во Христа оправдывается та плоть, о которой въ таинствѣ воскресенія говорится: *Всякая плоть узритъ спасеніе Божіе* (*Лук.* III, 6). Но и соотвѣтственно низшему (*humiliorem*) пониманію чрезъ исполненіе Закона оправдывалась нѣкогда не всякая плоть, а только тѣ люди, которые были въ Палестинѣ. А нынѣ отъ вѣры въ Іисуса Христа оправдывается всякая плоть, потому что Церковь Его основывается во всемъ мірѣ.

Стихъ 19: *А я чрезъ Законъ умеръ для Закона, чтобы жить для Бога.*—Иное дѣло умереть чрезъ Законъ [или съ прибавкою: для Закона], а иное дѣло умереть для Закона. Умирающій для Закона жилъ для него прежде смерти, соблюдая субботы и новомѣсячія, праздничные дни, имѣя образное представленіе о жертвахъ, Іудейскія баснословія и преданія о происхожденіи родовъ (*genealogias*). Но послѣ пришествія Христова, когда Законъ, о которомъ написано: *Мы знаемъ, что Законъ духовенъ* (*Римл.* VII, 14), отошелъ (*mortuus est*) чрезъ Евангельскій законъ для Закона прежняго, душа,—о которой соотвѣтственно словамъ посланія къ Римлянамъ написано: *Если вступитъ въ бракъ при жизни мужа, прелюбодѣйствуетъ*,—по смерти мужа своего, т. е. Вѣтхаго Закона, вступила въ брачный союзъ съ Закономъ духовнымъ, чтобы приносить плоды Богу. Поэтому и у пророка Осія говорится ей: *Отъ Меня нашелся плодъ твой* (*Ос.* XIV, 9). Въ ней же относится и извѣстное таинственное изреченіе: *Кто мудръ и пойметъ это, и разуменъ и познаетъ его.* Итакъ тотъ, кто чрезъ духовный Законъ умираетъ для За-

кона буквы, тотъ живетъ для Бога, такъ какъ не бываетъ безъ Закона Божія, но онъ живетъ въ Законѣ Христовомъ. А тотъ, кто изъ-за грѣховъ умираетъ для Закона, уже мертвъ въ дѣйствительности; но о немъ уже не можетъ быть сказано: *Чтобы жить для Бога*. А что кромѣ Закона буквы есть еще Законъ духовный, объ этомъ Апостолъ учитъ и въ другомъ мѣстѣ, говоря: *Итакъ, дѣйствительно, законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага* (Римл. VII, 12); и Іезекіиль говоритъ отъ лица Божія: *Я вывелъ ихъ, т. е. народъ Іудейскій, изъ земли Египетской и привелъ ихъ въ пустыню, и далъ имъ заповѣди Мои, и оправданія Мои показалъ имъ; ихъ пусть исполняетъ человекъ, и будетъ жить* (Іезек. XX, 10). Но о томъ Законѣ, который производитъ гнѣвъ, для котораго умеръ и Апостолъ онъ въ послѣдствіи говоритъ: *И я далъ (dedi) имъ заповѣди не благія и оправданія, въ которыхъ они не будутъ жить въ нихъ* (ст. 25). То же самое обозначается и въ Псалтири: *Такъ какъ я не постигъ знанія, то вступаю въ силу Божію* (Псал. LXX, 15).

Я пригвожденъ къ кресту съ Христомъ.—Такъ какъ онъ сказалъ, что чрезъ Законъ онъ умеръ для Закона, то показываетъ, какимъ образомъ онъ умеръ: *Я вмѣстѣ со Христомъ пригвожденъ* ко кресту, т. е. взявъ крестъ и слѣдуя за Христомъ и принося себя въ жертву въ самомъ страданіи: *Помяни меня, когда придешь въ царство Твое* (Лук. XXIII, 42, 43), и непосредственно затѣмъ слыша слова: *Нынѣ ты будешь со Мною въ раю*. Если кто, умертвивъ члены на землѣ и умерши для міра, еообразенъ будетъ смерти Христовой, тотъ пригвождается вмѣстѣ съ Іисусомъ и знаменіе (signum) смерти своей пригвождаетъ на древѣ страданій Господа

Стихъ 20: *Но живу уже не я, а живетъ во мнѣ Христосъ.*—Тотъ не живетъ, кто когда-то жилъ въ Законѣ, потому что онъ преслѣдовалъ Церковь; но живетъ въ немъ

Христосъ: премудрость, сила, слово, миръ, радость и прочія добродѣтели, которыхъ если кто-либо не имѣеть, то не можетъ сказать: *А живетъ во мнѣ Христосъ*. И все это [Апостолъ Павелъ] въ своемъ лицѣ говоритъ противъ Петра о Петрѣ.

А то, что я теперь живу плотію.—Иное дѣло быть во плоти, и [иное] жить во плоти. Дѣйствительно, *тѣ, которые существуютъ во плоти не могутъ угождать Богу* (Римл. VІІІ, 8, 9). Поэтому къ хорошо живущимъ говорится: *Но вы не существуете во плоти*.

Въ вѣрѣ живу въ Сына Божія, Который возлюбилъ меня и предалъ Себя за меня.—Къ Римлянамъ говорится о Богѣ, что Онъ Сына Своего не пощадилъ, но за насъ предалъ Его. А теперь о Христѣ говорится, что Онъ Самъ Себя предалъ: *Который возлюбилъ меня,*—говоритъ Онъ,—*и предалъ Себя за меня*. А въ Евангеліи, гдѣ перечисляются Апостолы прибавляется: *И Иуда Искаріотъ* [или: *Скаріотъ*], *который и предалъ Его* (Лук. VI, 16), и снова о немъ же: *Вотъ приблизился тотъ, который предастъ Меня* (Мѡ XXVI, 46). Относительно же главныхъ священниковъ и старѣйшинъ народа Писаніе упоминаетъ, что осудили Иисуса на смерть и, связавъ Его, повели и предали Пилату правителю (praesidi) (Мѡ. XXVІІ, и Марк. XV). А о Пилатѣ снова говорится: *Отпустилъ имъ Варавву, а Иисуса подвергнутого бичеванію, предалъ имъ, чтобы они распяли Его* (Іоанн. XIX). Итакъ: и Отецъ предалъ Сына, и Сынъ предалъ Самъ Себя, и Іуда и священники предали Его главнымъ [священникамъ], и наконецъ самъ Пилатъ предалъ Его, *преданнаго* въ его руки. Но: Отецъ предалъ Его, чтобы спасти погибшій міръ; Иисусъ Самъ Себя предалъ, чтобы исполнить волю Отца и Свою, а Іуда, священники и старцы народа, и Пилатъ по невѣдѣнію предали Жизнь смерти. Но хотя Она Сама предала Себя ради нашего спасенія, однако блаженъ и весьма счастливъ тотъ, который,—когда въ

немъ живеть Христось,—въ каждомъ помышленіи своемъ и дѣйствиіи можетъ сказать: *Я живу въ вѣръ въ Сына Божія, который возлюбилъ меня и предалъ Себя за меня*

Стихъ 21: *Я не отвергаю благодати Божіей Въ самомъ дѣлѣ, если оправданіе чрезъ Законъ, то Христось умеръ напрасно.*—Отвергаетъ благодать, какъ тотъ, который послѣ Евангелія живеть въ Законѣ, такъ и тотъ, кто оскверняется грѣхами послѣ крещенія. Но тотъ, кто по Апостолу можетъ сказать: *Благодать его во мнѣ не была тщетна* (1 Корнѣ XV, 40), [тотъ] съ увѣренностію можетъ сказать: *Я не отвергаю благодати Божіей* А слѣдующее затѣмъ весьма необходимо сказать противъ тѣхъ, которые послѣ вѣры во Христа считаютъ необходимымъ соблюдать заповѣди Закона, ибо именно имъ должно быть сказано: *Если оправданіе чрезъ Законъ, то слѣдовательно Христось умеръ* [или: *умеръ бы*] *напрасно.* Или можетъ быть они покажутъ намъ, какимъ образомъ Христось умеръ не напрасно, если дѣла оправдываютъ. Но если и найдутся такіе тупоумные, однако они не посмѣютъ сказать, что Христось умеръ безъ причины. Итакъ къ той части умозаключенія, которая предлагается здѣсь, т. е. къ словамъ: *Ибо если оправданіе чрезъ Законъ, то слѣдуетъ, что Христось умеръ напрасно,* мы должны присоединить то, что послѣдовательно можетъ быть прибавлено и не можетъ быть отвергнуто слѣдующее: „Но Христось умеръ не напрасно“ и потомъ можно сдѣлать такое заключеніе: „Слѣдовательно и оправданіе не чрезъ Законъ“.—До этого мѣста [рѣчь была] противъ Петра; а теперь онъ обращается къ Галатамъ.

Глава III.—Стихъ 1: *О, безмысленные Галаты, кто васъ оболстилъ* (*fascinavit*, обворожилъ).—Это мѣсто можетъ быть понято двояко. Галаты названы несмысленными или потому, что, переходя отъ высшаго къ низшему, они начали духомъ и окончили плотію, или потому, что каждая страна имѣла свои особенности. Апостоль подтверждаетъ, что Кри-

тыне всегда лживы, злые звѣри, лѣнныя чревоугодники (pigros ventres), какъ объ этомъ сказалъ поэтъ Енименидъ. По свидѣтельству латинскаго историка, Мавры тщеславны, Далматы жестоки. Всѣ поэты говорятъ о томъ, что Фригійцы робки. Философы хвалятся тѣмъ, что въ Аѳинахъ рождаются болѣе способные отъ природы люди. А что Греки легкомысленны, мысль объ этомъ внушаетъ Туллій у К. Цезаря въ такихъ словахъ: „Или легкомысленныхъ Грековъ, или свирѣпыхъ варваровъ“; а въ [своемъ разсужденіи] предъ Флаккомъ онъ говоритъ. „Врожденное легкомысліе и ученая пустота“. Даже Израильскій народъ все Св. Писаніе обвиняетъ въ грубости сердца и тупоуміи (dura servica). По моему мнѣнію, и Апостолъ выше приведенными словами упрекаетъ Галатовъ въ мѣстной [природной] особенности. Хотя нѣкоторые, входя въ обсужденіе глубокихъ вопросовъ, какъ будто съ цѣлію избѣжать еретическаго ученія, которое говоритъ о различіи природы, утверждаютъ, что Тиряне и Сидоняне, Моавиты и Аммониты, Идумеяне, Вавилоняне и Египтяне и всѣ народы, называемые въ Писаніяхъ, имѣли [дѣйствительно] нѣкоторыя особенности, но это вслѣдствіе предшествующихъ причинъ и по качествамъ прежнихъ дѣяній, такъ что справедливость Божія не подвергается сомнѣнію, такъ какъ каждый народъ признается или добрымъ или злымъ,—т. е. съ качествами, которыхъ другой народъ не имѣетъ. А мы, отклоняя эти глубокомысленныя разсужденія, послѣдуемъ тому, что сказано выше, и будемъ утверждать, что Апостолъ или упрекаетъ Галатовъ въ неразуміи, вслѣдствіе котораго они не могли различать между духомъ Закона и буквою, или же возстаетъ противъ ихъ природнаго (gentis—народнаго) порока, такъ какъ они непослушны и тупы, и нелегко усвояютъ мудрыя наставленія. А дальнѣйшія слова: *Кто оболѣстилъ васъ* (1 Коринѳ. XI ?) мы должны объяснить достойнымъ Павла образомъ (хотя Павелъ былъ и неискусенъ въ словѣ, но не въ мудрости), т. е. не въ томъ смыслѣ, что онъ признавалъ

ворожбу, которая по представленію простого народа приносить зло; но въ томъ смыслѣ, что онъ употребилъ простонародное выраженіе и какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ воспользовался обыденнымъ говоромъ. Мы читаемъ въ Притчахъ: *Подарокъ мучитъ глаза завистника*. То, что у насъ читается *завистникъ* (*invidus*), на греческомъ языкѣ выражается болѣе знаменательно словомъ *обольститель* (*fascinator*—чародѣя, ворожея, который можетъ сглазить). И въ книгѣ Премудрости, приписываемой Соломону, пишется: *Обольщеніе злобы помрачаетъ добро* (*Премудр. IV, 12*). Изъ этихъ примѣровъ мы научаемся, что или завистникъ терзается при видѣ чужого благополучія (*felicitate*), или тотъ, у котораго есть какое либо благо, подвергается нѣкоторому вреду, когда другой обворожаетъ (*fascinante*) его или завидуетъ (*invidente*) ему. Говорятъ, что ворожей прежде всего вредитъ дѣтямъ и дѣтскому возрасту и тѣмъ, которые еще не твердою стопою ходятъ по пути. Поэтому и нѣкто изъ язычниковъ говорить: „Я не знаю, какой глазъ обворожилъ моихъ нѣжныхъ агнцевъ“ (*Виргил. Эклог. 3*). Богъ видитъ, правильно ли это или нѣтъ, потому что можетъ быть, что и демоны служатъ этому грѣху, и отвращаютъ отъ добрыхъ дѣлъ тѣхъ людей, которыхъ видятъ или начинающими въ дѣлѣ Божіемъ, или совершенствующимися. У насъ теперь вопросъ идетъ о томъ, что,—по нашему мнѣнію,—Апостолъ взялъ примѣръ изъ общенароднаго мнѣнія. Такимъ образомъ подобно тому, какъ дѣтскій (*tenera*) возрастъ представляютъ подверженнымъ вреду отъ ворожбы, и Галаты, новорожденные (*puer per nati*) въ вѣрѣ во Христа, и питаемые еще молокомъ, а не твердою пищею (*1 Коринѳ. III*), подверглись порчѣ, какъ будто кто-то обворожилъ ихъ, и они ослабѣли чревомъ вѣры (*stomacho fidei nauseante*). Они извергли изъ себя яства Святаго Духа. Поэтому, если кто хочетъ возражать намъ, то пусть объяснитъ, какимъ образомъ изъ обычнаго

словоупотребленія заимствованы: долина велпкановъ ¹⁾ въ книгѣ Царствъ (4 Цар. XXIII, 10?), сирены ²⁾ и онокентавры ³⁾ у Исаи (Ис. XXXIV, 13, 14), Арктуръ, Оріонъ и Плеяды ⁴⁾ въ книгѣ Іова (Іов. IX, 9) и проч. тому подобныя выраженія, имѣющія свой источникъ и начало въ баснословныхъ преданіяхъ язычниковъ. Такимъ образомъ спросимъ Маркіона относительно этого мѣста, такъ какъ онъ отрицаетъ пророковъ: какимъ образомъ будетъ истолковано то, что далѣе слѣдуетъ?

Предъ глазами которыхъ преднаписанъ Іисусъ Христосъ распятый въ васъ.—Дѣйствительно, намъ по правдѣ былъ преднаписанъ Тотъ, о древѣ крестномъ, страданіи, заушеніяхъ и бичеваніяхъ Котораго предсказываетъ весь ликъ пророковъ; такъ что о крестныхъ страданіяхъ Его мы познали не изъ Евангелія только, въ которомъ Онъ изображенъ распятымъ, но задолго прежде, чѣмъ Онъ соблаговолилъ нійзойти на землю. И не малая похвала для Галатовъ въ томъ, что они такъ именно увѣровали въ Распятаго, какъ Онъ былъ преднаписанъ имъ, т. е. (scilicet) усердно читая пророковъ и познавая всѣ таинства Вѣтнаго Завѣта, они жизнію и повиновеніемъ заповѣдямъ Божіимъ пришли къ вѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ Священныхъ Книгъ (codicibus) читается: *Кто обольстилъ васъ не въроватъ истинѣ?* Но такъ какъ этого нѣтъ въ спискахъ Оригена (Adamantii), то мы опустили это.

¹⁾ Греческій, Вульгата, славянскій и русскій имѣютъ ἐν φαράγγι υἱὸν Εὐυόμ, — in convalle filii Euphom, — въ дебри сыновъ Еупномовыхъ, — въ долину сыновей Еупнома.

²⁾ Греческое σείρηνον, слав. сѣринонъ, въ латинскомъ переведено: dragonem, въ русск. шакаловъ.

³⁾ Въ русскомъ на этомъ мѣстѣ употреблено: *звѣри съ дикими кошками.*

⁴⁾ Русский текстъ имѣетъ *Асѣ, Кесиль и Хима* (Еврейскія слова).

Примѣч переводчика.

Стихъ 3: *Только слѣдующее я хочу узнать отъ васъ: дѣлами ли Закона мы приняли Духа, или чрезъ слухъ вѣры.*—Есть дѣйствительно, говорить онъ, многое такое, что можетъ убѣдить васъ въ необходимости оказывать предпочтеніе Евангелію предъ Закономъ; но такъ какъ вы несмысленны и рѣшительно не можете слушать этого, то я обращаюсь къ вамъ съ простою рѣчью и хочу узнать о томъ, что навязывается на вопросъ само собою: принятаго вами Духа Святаго дали ли вамъ дѣла Закона, соблюденіе субботы, обрѣзанія и новомѣсячій, преданныхъ вамъ, или напротивъ наставленіе въ вѣрѣ, чрезъ которое вы изъ язычниковъ стали вѣрующими? Но если нельзя отвергнуть того, что Духъ Святой и силы, которыя въ началѣ вѣры слѣдуютъ за воспріятіемъ Духа, даны намъ не чрезъ дѣла Закона, а чрезъ вѣру во Христа; то очевидно, что, начавши лучшимъ, вы повергаетесь въ худшее. Но тщательно размыслимъ о томъ, что онъ не сказалъ: *Хочу отъ васъ узнать, получили ли вы Духа чрезъ дѣла*, а съ прибавкою: *чрезъ дѣла Закона*, ибо онъ зналъ, что и Корнилій сотникъ получилъ Духа чрезъ дѣла (Дѣян. X), но не чрезъ дѣла Закона, котораго онъ не зналъ. Если же наоборотъ скажутъ: „Итакъ Духъ можетъ быть полученъ и безъ слушанія наставленій въ вѣрѣ“; то мы скажемъ, что Корнилій дѣйствительно принялъ Духа, но отъ слуха вѣры и по естественному Закону, который говоритъ въ сердцахъ нашихъ, что благое мы должны совершать, а чего злаго—избѣгать; чрезъ него нѣкогда были оправданы, какъ мы знаемъ, Авраамъ, Моисей и прочіе святые; его же можетъ усилить и совершеніе дѣлъ, и оправданіе чрезъ законъ, но не чрезъ Законъ плоти, который прошелъ. Но давая предпочтеніе вѣрѣ, мы не уничтожаемъ дѣлъ Закона (Римл. III, 31) и не говоримъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми: *Будемъ дѣлать зло, пока придетъ добро* (осужденіе таковыхъ справедливо), но мы предпочитаемъ благодать рабству; мы и говоримъ: „Что Іудеи совершаютъ изъ страха,

то мы дѣлаемъ по любви“. Они рабы, а мы—сыны; они принуждаются дѣлать добро, а мы предпринимаемъ его совершение добровольно. Итакъ вѣра во Христа не служитъ основаніемъ для позволительности преступленій противъ Закона; но изъ любви отъ вѣры умножается желаніе дѣлать добрыя дѣла, не потому, что мы страшимся Судіи, а потому, что знаемъ, какъ благоугодны они Тому, въ Котораго мы вѣруемъ. Можетъ быть, что кто-нибудь спроситъ: „Если вѣра происходитъ только отъ слышанія наставленій въ вѣрѣ, то какимъ образомъ могутъ сдѣлаться христіанами глухіе отъ рожденія?“ Дѣйствительно, Бога Отца каждый можетъ уразумѣть по величію и красотѣ тварей, и Создатель, слѣдовательно, познается чрезъ изученіе созданнаго. Но рожденіе Христа, его крестныя страданія, смерть, могутъ быть познаны только чрезъ устное проповѣданіе (ex auditu) Итакъ: или глухіе не—Христіане, или, если они Христіане, то ложно слово Апостола въ другомъ мѣстѣ: *Итакъ вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія*“ Тотъ, кто довольствуется простымъ отвѣтомъ, говоритъ на это слѣдующее: „Апостолъ не сказалъ вообще, что *вѣра всѣхъ* происходитъ отъ слуха, а только: *вѣра отъ слуха*, что можетъ быть понято и вообще, и въ частности въ томъ смыслѣ, что отъ слуха происходитъ вѣра, вѣра тѣхъ, которые слышатъ, которые вѣруютъ“. А тотъ, кто будетъ стараться удовлетворительно разрѣшить этотъ мелочный вопросъ, тотъ прежде всего пусть постарается указать на то, что глухіе могутъ научиться Евангелію чрезъ движенія рукъ, чрезъ наблюденіе за ежедневною жизнію, и такъ сказать, чрезъ подобныя слову тѣлесныя движенія. Поэтому то слово Божіе, для котораго вообще ничто не глухо, говоритъ преимущественно къ тѣмъ ушамъ, о которыхъ оно само говоритъ въ Евангеліи: *Кто имѣетъ уши, чтобы слышать, пусть слышитъ*, (Лук. VIII, 8), и въ Апокалипсисѣ: *Кто имѣетъ уши, пусть слушаетъ, что Духъ говоритъ Церквамъ* (Апокал.

II. 11). И пророкъ Исаія говоритъ: *Господь далъ мнѣ ухо* (Ис. VI, 33, 35) Это и есть тотъ другой человѣкъ, которому Богъ говоритъ въ тайнѣ, Который восклицаетъ въ сердцѣ вѣрующаго: *Авва, Отче* (Римл. VIII, 15); съ другой стороны (объ этомъ мы неоднократно говорили) какъ тѣло имѣетъ всѣ члены и чувства, такъ и душа имѣетъ также совершенно всѣ чувства и члены, и между ними уши, и если кто имѣетъ таковыя, то не очень нуждается въ этихъ тѣлесныхъ чувствахъ для познанія Евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ обратите вниманіе и на то, что здѣсь названный *Духъ* разумѣется безъ всякаго прибавленія: *Святый*, это тотъ Духъ, Котораго мы получаемъ по дару—отъ Бога, а не отъ людей, и о Которомъ въ другомъ мѣстѣ пишется: *Неразвращенный Духъ во всѣхъ* (Прем. XII, 1), и: *Самъ Духъ даетъ свидѣтельство [или: дастъ] духу нашему* (Римл. VIII, 16), и въ другомъ мѣстѣ: *Никто не знаетъ того, что есть въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ* (1 Корнѣ. II, 11), и у пророка Даніила: *Благословите, души и души праведныхъ, Господа* (Дан. III, 86).

Стихъ 3: *Вы такъ неразумны, что хотя начали Духомъ, нынѣ оканчиваете плотію.*—Если они приняли Духа святаго, то какимъ образомъ они неразумны? Это тотчасъ и разрѣшается въ томъ смыслѣ, что хотя они дѣйствительно приняли Духа Святаго, но Духъ былъ отнятъ у нихъ, когда они оканчивали плотію. Поэтому они безъ причины потерпѣли то, что потерпѣли. А для того, чтобы послѣ преступленія (reccatum) Духъ не оставилъ Давида, онъ молится въ словахъ: *Духа Твоего Святаго не отними отъ меня* (Псал. L, 13). Обратите вниманіе на то, что человѣкъ, слѣдующій буквѣ Писаній, называется окончившимъ плотію. Посему обращенное къ Коринѣянамъ слово: *Живя въ плоти, не будемъ воинствовать по плоти* (2 Корнѣ. X, 3) лучше понимать такъ, что воинствующими въ плоти называются тѣ, которые съ благоговѣніемъ относятся къ Вѣтхому Завѣту.

А тѣ, которые слѣдуютъ духовному пониманію, хотя и находятся въ плоти, потому что имѣютъ ту же самую букву, какъ и Іудеи, но воинствуютъ не по плоти, такъ какъ возвышаются отъ плоти къ духу. Поэтому когда вы будете видѣть, что увѣровавшій сначала [въ Евангеліе] изъ язычниковъ, и возложившій руку на рало Христово [плугъ, соха] подъ руководствомъ какого-либо разумнаго учителя, продолжаетъ путемъ Закона такъ идти къ Евангелію, что все написанное тамъ о субботахъ, опрѣснкахъ, обрѣзаніи, закланіи жертвъ понимаетъ достойнымъ Бога образомъ; а потомъ послѣ чтенія Евангелія подъ вліяніемъ убѣжденій какого-либо Іудея или единомысленника Іудеевъ, оставивъ тѣнь и туманныя иносказанія, начинаетъ понимать Писанія такъ, какъ они написаны; тогда объ этомъ человѣкѣ вы можете сказать: „Ты такъ неразуменъ, что хотя когда-то началъ духомъ, но теперь оканчиваешь плотію“.

Стихъ 4: *Столь многое претерпѣли вы безъ причины, если только безъ причины* ¹⁾ — Если мы посмотримъ на несчастныхъ Іудеевъ, въ какомъ суевѣріи и съ какою трудною для соблюденія осторожностію живутъ они среди прочихъ народовъ, говоря: „Не касайся, не вкушай, не притрогивайся“; то мы признаемъ истинность сказаннаго: *Столько претерпѣли вы безъ причины*. Но при этомъ Апостолъ не смягчаетъ своего приговора непосредственно, а только придаетъ ему видъ сомнѣнія: *если только безъ причины*, потому что здѣсь говорится о тѣхъ, которые послѣ Закона могутъ обратиться къ Евангелію. Лучше же это мѣсто понимать такъ, что Галаты, сперва увѣровавшіе въ Распятаго, перенесли много укоризнъ и со стороны Іудеевъ, и со стороны язычниковъ, и претерпѣли весьма великія преслѣдованія

¹⁾ Греческій: *εἰζῆ*, Вульгата: *sine causa*, Славянскій: *туне* Русскій: *напрасно*.

(non minimas persecutiones). Теперь они слышатъ обличеніе въ томъ, что они претерпѣли ихъ напрасно, если они **только** отвратятся отъ благодати Христовой. вмѣстѣ съ тѣмъ остается и та надежда, что пострадавшій за вѣру во Христа, а потомъ впавшій въ грѣхъ, пока согрѣшаетъ, какъ будто страдалъ безъ причины; эта надежда не дѣлаетъ безплодными прежнія страданія, если онъ снова обратится къ прежней вѣрѣ,—возвратится къ прежнему поведенію. Другой смыслъ (aliter): Если, говоритъ онъ, вы думаете, что обрѣзаніе должно быть послѣ благодати, то, живя до настоящаго времени безъ обрѣзанія, вы сдѣлали безплоднымъ все то, что претерпѣли. Впрочемъ, мнѣ кажется, что вы претерпѣли это не напрасно, такъ какъ я знаю, что Законъ послѣ Евангелія не имѣетъ силы. А можетъ быть и такъ: Не малый былъ вредъ отъ того, что вы, слѣдуя Закону объ обрѣзаніи, погубили столь великій прежній трудъ по вѣрѣ, а теперь къ этому ущербу присоединяется еще отвѣтственность за непостоянство, такъ что и въ прошломъ вы пострадали безъ причины, и въ будущемъ будете терпѣть мученія. Нѣкоторые же для объясненія этого мѣста допускаютъ такую натяжку: „Подумайте о прежней свободѣ благодати и о тяжести тепершняго соблюденія Закона. и вы увидите, какъ много сдѣлали вы понапрасну, хотя несомнѣнно плодъ этого заблужденія не должно считать погибшимъ, ибо вы были приведены къ нему ревностію по Богѣ. Дѣйствительно. не знающимъ можетъ быть оказано снисхожденіе, если вы, обратившись къ лучшему, покажете, что въ васъ колебалось ваше знаніе, а не рѣшимость къ подвигамъ.

Стихъ 5: *Итакъ, подающій вамъ Духа и производящій въ васъ силы* [дѣйствуетъ ли] *отъ слуха въры, или отъ долъ Закона.*—*Подающій* (qui tribuit), т. е. *совершающій* (administrat) должно быть понимаемо въ значеніи настоящаго [а не: *подавшій*], чтобы показать, что въ каждый отдѣльный часъ или мгновеніе достойнымъ всегда подаетъ

ся Духъ Святый; и чѣмъ больше кто-либо усовершенствуется въ ~~Божіей~~ любви, тѣмъ больше онъ имѣетъ въ себѣ силы Духа Святаго, которыя совершаютъ не дѣла Закона, а слушаніе вѣры. Это не значить то, что дѣла Закона должны быть презираемы, и что безъ нихъ должно стремиться къ простой вѣрѣ, а то, что самыя дѣла должны быть украшаемы вѣрою во Христа. Вѣдь извѣстно знаменитое (illa) изреченіе мудраго мужа: «Не вѣрующій живетъ праведностію, но праведный живетъ вѣрою». Вмѣстѣ съ тѣмъ показывается, что Галаты, принявъ послѣ вѣры Духа Святаго, имѣли дарованія силъ, т. е. пророчество, роды языковъ, исцѣленіе отъ болѣзней и прочее, что исчисляется въ посланіи къ Коринѳянамъ между духовными дарами (1 Коринѳ. XII, 7—11); и тѣмъ не менѣе,—послѣ принятія столь многихъ даровъ (можетъ быть потому, что они не имѣли благодатнаго дара различать духовъ),—они были опутаны сѣтями лжеучителей. Также необходимо обратить вниманіе и на то, что говорится о дѣйствіи силъ въ тѣхъ, которые не держатъ истины Евангелія, подобно тому, какъ и въ тѣхъ, которые, не слѣдуя Господу, совершали во имя Его чудеса, какъ объ этомъ особенно вопрошаетъ Господа Іоаннъ: *Учитель, мы видѣли нѣкого, который именемъ Твоимъ изгоняетъ бесовъ, и запретили ему, потому что онъ не слѣдуетъ за нами* (Марк. IX, 37). Это говорится противъ еретиковъ, которые видятъ оправданіе своей вѣры въ томъ, что они могутъ совершить какое-либо знаменіе. Хотя они будутъ и ѣсть, и пить во имя Господа,—потому что и они имѣютъ святотатственный жертвенникъ,—и будутъ хвалиться тѣмъ, что, призывая Спасителя, совершаютъ многія знаменія, однако въ день суда они по заслугамъ своимъ услышатъ: *Я не знаю васъ, отойдите отъ Меня дѣлающіе неправду* (Мат. VII, 23).

Стихъ 6: *Такъ Авраамъ вѣровалъ Богу, и [это] вѣрилось ему въ праведность.*—Отъ этого мѣста до словъ: *Тѣ, которые отъ вѣры, благословятся съ вѣрнымъ Авра-*

а момъ, Маркіонъ исключаетъ изъ своего „Апостола“. Но къ чему послужило то, что онъ это исключилъ, когда остальное, удержанное имъ, противорѣчитъ его безсмыслию? А Авраамъ вѣровалъ Богу, уходя изъ отечества своего въ землю, которой не зналъ (*Быт. XII и дал.*), твердо вѣруя въ то, что безплодная девятидесятилѣтняя Сара родить дитя; и принося въ жертву того самого Исаака, хотя слышалъ обѣтованіе Божіе о томъ, что въ Исаакѣ назначается (*vocaretur*) потомство (*semen*) ему, но нисколько не сомнѣвался въ исполненіи его. По справедливости вѣра вмѣняется въ праведность такому, который превзошелъ дѣла, предписанныя Закономъ и приобрѣлъ себѣ Бога [*или: приобрѣтеть себѣ Бога*] не страхомъ предъ Нимъ, но любовію къ Нему.

Стихъ 7: *Итакъ узнайте, что тѣ, которые отъ вѣры, суть дѣти Авраама.*—Болѣе полно онъ разсуждаетъ объ этомъ въ посланіи къ Римлянамъ, именно о томъ, что вѣра была вмѣнена Аврааму въ праведность не въ обрѣзаніи, а въ необрѣзаніи (*Римл. IV, 10*). И тщательно сохраняя эту мысль, онъ учитъ, что тѣ суть дѣти Авраама, которые вѣруютъ съ такими же мыслями, какъ необрѣзанный еще Авраамъ; ибо онъ радъ былъ видѣть и возрадовался, когда увидѣлъ день Господень (*Іоан. VIII*). Поэтому и къ невѣрующимъ Іудеямъ говорится: *Если бы вы были чадами Авраама, то дѣлали бы дѣла Авраама (тамъ же, ст. 39).* Но какія иныя (въ то время, когда это говорилось) дѣла требовалъ отъ нихъ Богъ, кромѣ вѣры въ Сына Божія, Котораго послалъ Отецъ съ словомъ: *Кто вѣруетъ во Меня, не во Меня вѣруетъ, а во Того, который послалъ Меня (Іоан. XII, 44).* Поэтому и въ другомъ мѣстѣ людямъ, гордившимся древностію и знатностію рода, дается такой отвѣтъ: *И не говорите, что мы имѣемъ отца Авраама. Ибо Господь можетъ со-творити дѣтей (suscitare filios) Аврааму и изъ камней сихъ (Мѡ. III, 9).* Никто не сомнѣвается, что тамъ подъ камнями разумѣются грубыя сердца язычниковъ, которыя послѣ того

смягчились и приняли знамя вѣры. Добрыя дѣла Авраама, которыми онъ былъ угоденъ Богу еще до обрѣзанія, ты, прилежный читатель, исчисли, и если кого найдешь съ подобными дѣланіями, то скажи имъ, что они дѣти Авраама, оправданные въ необрѣзаніи, потому что онъ принялъ знакъ обрѣзанія не по заслугамъ дѣлъ своихъ, но въ знакъ своей принадлежавшей вѣры. Но такъ какъ отъ сѣмени его долженъ былъ родиться Христосъ, въ Которомъ было обѣтовано благословеніе всѣхъ язычниковъ, и такъ какъ отъ времени Авраама до Христа имѣло пройти много вѣковъ; то Богъ, предохраняя отъ того, чтобы потомки возлюбленнаго Авраама не смѣшались съ прочими народами, и семейство его мало-помалу не обратилось въ неизвѣстное, нѣкогда отмѣтилъ стадо Израильское печатію обрѣзанія, чтобы оно, живя между Египтянами, Ассирійцами, Вавилонянами и Халдеями, отличалось отъ нихъ этимъ знакомъ. Затѣмъ въ теченіе сорока лѣтъ жизни въ пустынѣ никто не былъ обрѣзанъ, потому что они только одни жили въ пустынѣ безъ другой примѣси; но непосредственно послѣ перехода чрезъ Іорданъ народа и послѣ вторженія Іудейской толпы въ землю Палестины, обрѣзаніе сдѣлалось необходимымъ для предупрежденія будущаго сліянія съ язычниками. А то, что у вождя Іисуса [Навина] народъ снова пишется, какъ обрѣзанный (*Навин. V, 2—4*), имѣетъ то значеніе, что и въ пустынѣ прекратилось обрѣзаніе, которое благоразумно примѣнялось въ Египтѣ, и что отъ Господа Іисуса Христа вѣрующіе должны быть обрѣзаны духовнымъ обрѣзаніемъ.

Стихи 8, 9: *А Писаніе, провидя, что Богъ оправдаетъ язычниковъ отъ вѣры, предвозвѣстило Аврааму, что „въ тебѣ благословятся всѣ народы“. Итакъ тѣ, которые отъ вѣры, благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ* — Это значить не то, что само Писаніе, т. е. чернила и листы кожи, которые сами по себѣ не имѣютъ смысла, могутъ предузнавать будущее, но то, что Духъ Святый и тотъ смыслъ, ко-

торый скрывается подъ буквою, провозвѣстили имѣющее совершиться, спустя много вѣковъ. Затѣмъ: примѣръ, заимствованный изъ книги Бытія, такъ читается въ свиткѣ, одерживающемъ эту книгу (proptio volumine): *И благословятся о сѣмени твоемъ всѣ народы земли* (Быт. XXII, 17). То, что Апостолъ изъяснилъ о Христѣ, говоря: *Написано: „о сѣменахъ“, какъ бы о многихъ, но какъ бы о единственномъ, и сѣмени твоемъ, которое есть Христосъ,* — мы должны замѣтить и о всѣхъ почти свидѣтельствахъ, которыя взяты изъ Ветхозавѣтныхъ книгъ въ Новомъ Завѣтѣ, — именно, что апостолы и евангелисты передали ихъ памяти изъясняя только смыслъ, и часто измѣнивъ порядокъ расположенія [словъ], иногда пропустивъ [часть] ихъ, а иногда присоединивъ [другія]. Ни для кого нѣтъ сомнѣнія, что всѣ совершенно народы не были благословлены ни въ Исаакѣ, ни въ Іаковѣ, ни въ двѣнадцати патріархахъ и прочихъ, происшедшихъ отъ корня Авраамова; но въ Іисусѣ Христѣ, чрезъ Котораго всѣ народы восхваляютъ Бога, и благословляется на землѣ новое имя. Впрочемъ, можно также понять, что Апостолъ заимствовалъ примѣръ сѣмени и изъ другого мѣста книги Бытія, гдѣ пишется: *Вывелъ же вонъ (несомнѣнно, что Авраама) Богъ и сказалъ ему: Посмотри на небо и пересчитай звѣзды, если только можешь перечислить ихъ. И сказалъ ему: Такъ будетъ и сѣмя твое, и вѣровалъ Авраамъ Богу и вѣрилось [это] ему въ праведность* (Быт. XV, 5, 6). Итакъ тѣ, которые вѣруютъ, благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ, о которомъ говорится, по превосходной его вѣрѣ въ Бога, что онъ увѣровалъ въ Бога какъ бы первымъ. Такъ и Энохъ за преимущественную надежду на Бога и возвышенную по сравненію съ другими, изображается, какъ надѣявшійся призывать Господа Бога (Быт. IV, 26). Это не потому, что и Авель, о которомъ Господь говоритъ: *Голосъ крови брата твоего вопіетъ ко мнѣ* (Быт. IV, 10), и затѣмъ остальные не надѣялись при-

вынужденъ Бога, а потому, что каждый называется по той сторонѣ своей, которая въ немъ преимущественно обнаруживается.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ настоящее время во второй книгѣ толкованій на посланіе къ Галатамъ мнѣ кажется необходимымъ возвратиться къ тому, что я оставилъ незатронутымъ въ первой книгѣ. Когда говорилъ объ особенностяхъ язычниковъ, а именно: что такіе Галаты, или отъ кого и откуда они произошли; родились ли они на той землѣ, которую теперь населяютъ, или же она приняла ихъ какъ пришельцевъ; потеряли ли они свой языкъ вслѣдствіе союзовъ [съ другимъ народомъ], или же они и своего не потеряли, и научились новому Маркъ Варронъ, прилежнѣйшій изслѣдователь всѣхъ древностей, и прочіе, подражавшіе ему, сообщили многое, достойное памяти относительно этого народа. Но такъ какъ мы рѣшились не вводить необрѣзанныхъ въ храмъ Божій, да и, сознаваясь откровенно, мы уже много лѣтъ перестали читать это, то мы представимъ слова нашего Лактакція, который онъ даетъ объ этомъ народѣ въ третьемъ свиткѣ сочиненія къ Пробу. Онъ говоритъ: „Галлы въ древности назывались Галаты за бѣлизну тѣла, и Сибилла такъ ихъ называетъ. Это же хотѣлъ показать и поэтъ когда говоритъ: *Тогда они повязали золотомъ бѣлыя, какъ молоко, щени* (Виргил. Энеид. кн. VШ), когда могъ сказать: *бѣлыя*. Отсюда, конечно, и названіе области *Галатія*, ибо Галлы, нѣкогда являясь въ нее, смѣшивались съ Греками; поэтому страна первоначально называлась *Галлогреція*, а потомъ *Галатія*“. Неудивительно, если онъ это говорилъ о Галатахъ,—и упомянулъ, что они,—западный народъ,—пропустивъ столь большое пространство въ срединѣ земель,—сѣли на равнинахъ Востока; такъ какъ извѣстно и обратное, т. е. что выселившіеся изъ Греціи и съ Востока дошли до край-

нихъ предѣловъ Запада. Массилію [Марсель] основали Фокейцы, о которыхъ Варронъ говоритъ, что они знаютъ три языка, что они говорятъ по-гречески, по-латыни и по-галльски. Городъ Роду населили переселенцы изъ Родосцевъ, отъ чего получила свое имя рѣка Роданусъ [Рона]. Я провѣщаю Тиріанъ, основателей Карфагена, и городъ Агенора; я обхожу Фивы Либера, которыя онъ основалъ въ Африкѣ, это городъ, называемый нынѣ Фивеста (Thebestia); я оставляю ту часть Ливіи, которая наполнена Греческими городами. Перехожу въ Испанію: не переселенцы ли съ острова Занкinea основали Сагунтъ, и не рассказываютъ ли, что городъ Тартессонъ населили Іонійскіе Греки, нынѣ онъ называется Картея? А Испанскія горы: Кальпе, Идрунть, Пириней, а также острова: Афродисіады и Гимнезіи, называющіяся Балеарскими, развѣ не обнаруживаютъ слѣдовъ греческаго языка? Сама Италія, нѣкогда наполненная Греческимъ народомъ, называлась Великою Греціею. Конечно, никто не можетъ отрицать, что Римляне произошли отъ потомства Агійца Энея. Отсюда понятно, почему и на Западѣ находятся часто природныя качества живого Греческаго духа, и на Востокѣ проявляется варварская грубость. Мы не то хотимъ сказать, что въ [извѣстной] странѣ и въ томъ или другомъ мѣстѣ не рождаются различныя [по качествамъ] люди, а то, что по качествамъ большинства получаетъ названіе и то, что на него и не походить. Итакъ неудивительно, что Галаты называются и несмысленными и [сравнительно съ другими] болѣе медлительными въ пониманіи, хотя Иларій, — Рона [рѣка] латинскаго краснорѣчія, — по происхожденію Галлъ и Пиктавіецъ, въ стихотвореніи изъ Гимновъ (in Carmine Нуппогум) называетъ Галловъ невѣжественными. А то, что встрѣчаются плодовитые изъ нихъ въ краснорѣчіи, относится скорѣе къ плодамъ ихъ учителей краснорѣчія, чѣмъ къ качествамъ ихъ страны, тѣмъ болѣе, что Аквитанія хвалится своимъ греческимъ происхожденіемъ,

а Галаты происходятъ не изъ этой части страны, а изъ числа болѣе звѣроподобныхъ Галловъ. Павла и Евстохія, знаете ли вы знать, какимъ образомъ Апостолъ Павелъ каждую область обозначилъ соотвѣтственно ея особенностямъ? И до настоящаго времени остаются слѣды тѣхъ же нравовъ или добродѣтелей, или заблужденій [жителей этихъ странъ]. У Римскаго народа похваляется вѣра (Римл. I, 8). Въ какомъ другомъ мѣстѣ съ такимъ стараніемъ и постоянствомъ собираются люди въ храмы и къ гробницамъ мучениковъ? гдѣ возглашается „Аминь“ подобно грому небесному, и гдѣ разваливаются опустѣвшіе храмы идольскіе? Но это не значить того, что Римляне имѣютъ другую вѣру, чѣмъ какую имѣютъ остальные Церкви Христовы; а доказываетъ только то, что у нихъ болѣе благочестіе и простота въ вѣрѣ. Съ другой стороны они обличаются въ легкомысліи и гордости. Въ легкомысліи тамъ, гдѣ говорится: *Прошу васъ, братіе, чтобы вы остерегались отъ тѣхъ, которые производятъ раздоры и соблазны вопреки ученію, которому вы научились, и чтобы вы уклонялись отъ нихъ, ибо люди этого рода служатъ не Христу, Господу [или съ прибавл.: нашему], а своему чреву, и лъстивыми рѣчами и краснорѣчіемъ (benedictionibus) увлекаютъ сердца невинныхъ. Ваше же повиновеніе всѣмъ извѣстно во всякомъ мѣстѣ. Итакъ, я радуюсь о васъ, и желаю, чтобы вы были мудры для добра и просты для зла (Римл. XVI, 17—19); а въ гордости обвиняетъ тамъ, гдѣ говорится: Не гордись, но бойся... Не хочу, чтобы вы не знали, братіе, тайны сей, чтобы вы не были мудрыми въ своихъ собственныхъ глазахъ (ipsi vobis, Римл. XI, 20 и 25); и въ слѣдующихъ словахъ: Ибо я говорю по благодати, данной мнѣ, всѣмъ, находящимся среди васъ, не мудрствовать болѣе, чѣмъ должно мудрствовать, но мудрствовать трезвенно (Римл. XII, 3). Наконецъ, еще болѣе ясно: Радуются съ радующимися и плакать съ плачущими. про-*

являя взаимное согласіе (idipsum invicem sentientes), не высокоумствуя, но соглашаясь со смиренными, не будьте мудрыми въ своихъ собственныхъ глазахъ (apud vosmetipsos, Римл. XII, 15, 16). Также и особенности Коринѣянъ Апостолъ обозначаетъ тѣмъ, что женщины ихъ не покрываютъ головы, а мужчины умащаютъ волосы (1 Коринѣ XI, 4—15); что они безразлично [всякую пищу] вкушаютъ въ храмахъ [или: въ извѣстное время] (2 Коринѣ XI, 20). и надмившись свѣтскою мудростію, отрицаютъ воскресеніе плоти. Отчасти эти качества остаются у нихъ и до настоящаго времени, какъ въ этомъ съ несомнѣвностію можетъ убѣдиться тотъ, кто увидитъ Ахаію (1 Коринѣ IV). Македоняне похваляются за свою любовь и заботливость въ отношеніи къ братіи. Поэтому имъ пишетъ: *О вашей же любви къ братіи мы не имѣемъ нужды писать вамъ, ибо вы сами отъ Бога научились тому, чтобы любить себя взаимно; и, дѣйствительно вы дѣлаете это относительно всѣхъ братьевъ по всей Македоніи* (1 Тессал. IV, 9). Но вмѣстѣ съ тѣмъ они получаютъ упрёки въ томъ, что праздно ходятъ изъ дома въ домъ, и въ ожиданіи чужихъ яствъ, пока не понравятся каждому, ходятъ то туда, то сюда, и сообщаютъ, что дѣлается у каждаго [въ домѣ] Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ: *Просимъ же васъ, братіе, чтобы были вы въ болшемъ изобиліи и усердствовали о томъ, чтобы быть спокойными, дѣлать свое дѣло и работать своими руками, какъ мы заповѣдали вамъ, и честно ходили предъ вѣншими, и не желали ничего иного* (1 Тессал. IV, 10—12). А чтобы кто-либо не подумалъ, что это увѣщаніе есть только слѣдствіе обязанности его, какъ учителя, а не вызвано дѣйствительнымъ недостаткомъ народа, онъ во второмъ [посланіи] къ нимъ снова повторяетъ настойчиво: *Ибо даже когда мы были у васъ, мы говорили вамъ объ этомъ; если кто не хочетъ трудиться, пусть и не ѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы слышали, что между вами некоторые*

живутъ неспокойно, ничего не дѣлая, но поступая, какъ любопытные. Тѣмъ, которые таковы, мы возвышаемъ и склоняемъ ихъ во имя Господа Иисуса Христа, чтобы, трудясь въ безмолвіи, они ѣли свой хлѣбъ (2 *Тессал.* III, 10—12). Было бы очень долго, если бы я захотѣлъ обозрѣть по словамъ Апостола и всѣхъ Писаній, какъ добродѣтели отдѣльныхъ народовъ, такъ и ихъ пороки; ибо изъ того, что мы сказали, мы пришли къ тому, почему Галаты названы несмысленными и нечувствительными. Кто знаетъ Анкиру, главный городъ Галатіи, тотъ подобно мнѣ (шесим) знаетъ, сколь многіе расколы раздираютъ ее до настоящаго времени и сколь великимъ различіемъ въ ученіи она обезчещена. Я не стану говорить о Катаэригійцахъ, Офитахъ, Барбаритахъ и Манихеяхъ; ибо эти имена человѣческаго несчастія уже извѣсты. Но кто когда-либо въ какой-либо части Римскаго міра слышалъ названія Пассалоринкитовъ, Аскодробовъ [Аскодроговъ] и Артотиритовъ и другія еще болѣе удивительныя [раздѣленія], чѣмъ даже ихъ имена. И до настоящаго времени остаются слѣды ихъ безсмыслія. Одно изъ нихъ то, о которомъ мы сообщаемъ и такимъ образомъ исполняемъ давнее во вступленіи обѣщаніе,—именно то, что Галаты кромѣ Греческаго языка, на которомъ говорить весь Востокъ, имѣли свой собственный языкъ, почти такой же, какъ Тревиры [племя Галловъ]; впрочемъ не особенно важно то, что нѣчто кой-гдѣ они испортили, такъ какъ и жители Африки въ нѣкоторомъ отношеніи измѣнили Финикійскій языкъ, да и самый латинскій языкъ ежедневно измѣняется въ разныхъ странахъ съ теченіемъ времени. Но возвратимся къ взятому для рѣшенія вопросу.

Стихъ 10: *Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, живущіе дѣлами Закона, находятся подъ проклятiемъ, ибо написано: Проклятъ всякій, кто не пребудетъ постояннымъ во всемъ, что написано въ книгѣ Закона, чтобы исполнить это.*—Я имѣю такое обыкновеніе, что,—какъ только что-либо заимствуется

Апостолами изъ Ветхаго Заѣта,—я обращаюсь къ самымъ книгамъ (*originales libros*) и тщательно разсматриваю, какъ это заимствование записано въ своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ я нашелъ во Второзаконіи это самое мѣсто переведеннымъ Семьюдесятью толковниками такъ: *Проклятъ всякій человекъ, который не пребудетъ постояннымъ во всѣхъ словахъ Закона сего, чтобы соблюдать (faciat) ихъ; и скажетъ [или: говоритъ] весь народъ: „Да будетъ“*. (Втор. XXVII, 26). А у Акилы такъ: *Проклятъ тотъ, который не утвердитъ словъ Закона сего, чтобы исполнять ихъ. И скажетъ весь народъ: „Истинно“*. Симмахъ: *Проклятъ тотъ, который не утвердитъ словъ [или съ прибавл.: сихъ] Закона сего, чтобы исполнять ихъ. И скажетъ весь народъ: „Аминь“*. Затѣмъ Θεодотіонъ перевелъ такъ: *Проклятъ тотъ, который не поставитъ [предъ собою] словъ Закона сего, чтобы исполнять ихъ; и скажетъ весь народъ: Аминь“*. Изъ этого [сравненія] мы поймемъ, что Апостолъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, привелъ скорѣе смыслъ словъ, чѣмъ самыя слова; и кромѣ того неизвѣстно: прибавили ли Семьдесятъ слова: *всякій человекъ и: во всемъ*, или же такъ было въ древнееврейскомъ текстѣ, а потомъ было выброшено Іудеями. Къ этому предположенію побуждаетъ меня то обстоятельство, что слова: *всякій* и *во всемъ* по смыслу своему какъ будто необходимы для утвержденія того, что всѣ живущіе дѣлами Закона, находятся подъ проклятіемъ, и Апостолъ,—мужъ Еврейскаго образованія ученѣйшій въ Законѣ,—никогда не употребилъ бы ихъ, если бы ихъ не было въ Еврейскихъ свиткахъ. Поэтому перечитывая Еврейскія книги Самаританъ, я тамъ нашелъ слово *chol*, что значитъ *всякій* или *всѣмъ*, что согласно и съ переводомъ Семидесяти толковниковъ. И такъ напрасно Іудеи выбросили эти слова, чтобы не показаться, что они находятся подъ проклятіемъ, если не могутъ исполнить того, что написано [въ Законѣ], потому что древнѣйшіе списки другого народа свидѣтельствуютъ, что эти слова были

въ книгахъ. Но такъ какъ никто не можетъ исполнить Закона и совершить все то, что повелѣно, то и въ другомъ мѣстѣ Апостолъ свидѣтельствуется говоря: *такъ какъ это было невозможно для Закона, предъ которымъ вслѣдствіе плоти [человѣкъ] былъ немощенъ, то Богъ, посылая Сына Своего въ подобіи плоти грѣха изъ-за грѣха, осудилъ грѣхъ въ плоти* (Римл. VІІІ, 3). Если же это вѣрно, то намъ могутъ возразить: „Слѣдовательно и Моисей, и Исаія, и прочіе пророки, которые жили подъ дѣлами Закона, находятся подъ проклятіемъ?“ Тотъ, кто слышитъ слова Апостола. *Ибо Христосъ искупилъ насъ отъ проклятія Закона, сдѣлавшись проклятіемъ за насъ*, пусть не боится отвѣчать на это утвердительно и утверждать что каждый изъ святыхъ въ свое время былъ проклятіемъ за народъ. Но усвоивъ это преимущество и праведникамъ, мы не должны вазаться умяющими Спасителя, какъ будто Онъ ничего не имѣетъ особеннаго и превосходнаго, сдѣлавшись проклятіемъ ради насъ, когда и прочіе ради другихъ подверглись проклятію. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ нихъ, хотя самъ и сдѣлался проклятіемъ, не освободилъ никого отъ проклятія, кромѣ одного только Господа Іисуса Христа, Который безцѣнною кровію Своею искупилъ отъ законнаго проклятія и насъ всѣхъ, и тѣхъ,—я говорю о Моисеѣ и Ааронѣ, и о всѣхъ пророкахъ и патріархахъ. А чтобы вы не подумали, что это сказано мною какъ мое собственное мнѣніе (*ex meo sensu*), объ этомъ свидѣтельствуется Писаніе: *ибо Христосъ благодатию Божіею, или—какъ читается въ нѣкоторыхъ спискахъ (exemplaribus): безъ Бога,—умеръ за всѣхъ* (2 Корнѣ. V, 14, 15)¹⁾. Если же за всѣхъ то и за Моисея, и за всѣхъ пророковъ,

¹⁾ 2 Корнѣ V. 14 въ греческомъ читается такъ. Ἦ γὰρ ἀνὰ πρὸς τοῦ Χριστοῦ συνέχε: ἡμᾶς; Славянский: Ибо любы Божия обдержитъ насъ Слово Христосъ за всѣхъ умре (начало 15-го стиха) въ греческомъ нѣтъ (Смолур. Тх βιβλία . Ἐν Μοσχᾶ 1821).

изъ которыхъ ни одинъ не могъ разодрать ветхаго рукописанія, которое было написано противъ насъ, и пригвоздить его ко кресту (*Колос. VI, 14*): *Всѣ согрѣшили и имѣютъ нужду въ славу* (gloria, или: *въ благодати—gratia*) *Божіей* (*Римл. III, 23*) Еккліастъ также утверждаетъ эту мысль: *Человѣкъ не бываетъ праведенъ на землѣ, который дѣлалъ бы добро и не согрѣшалъ* (*Еккл. VП, 21*). Наконецъ, ясно учить объ этомъ и дальнѣйшее слово Апостола, что ни Моисей, ни другой какой-либо славный мужъ изъ древнихъ не могъ чрезъ законъ оправдаться предъ Богомъ. Ибо далѣе слѣдуетъ:

Стихи 11, 12: *Но такъ какъ предъ Богомъ никто не оправдывается въ Законъ, то очевидно, что праведникъ живетъ вѣрою. А Законъ не отъ вѣры; но кто будетъ исполнять написанное въ немъ (qui fecerit ea), тотъ будетъ живъ этимъ* —Доказательство (exemplum) того, что праведникъ живетъ отъ вѣры, а не отъ дѣлъ, Апостолъ представилъ изъ книги пророка Аввакума, такъ какъ Семьдесятъ толковниковъ перевели такъ: *Праведникъ же живетъ вѣрою Моею* (*Авв II, 4*), Акила и Θεодотіонъ: *Праведникъ же живетъ вѣрою Его*, т. е. *Божіею*. Итакъ необходимо имѣть въ виду, что онъ не сказалъ, что *человѣкъ* или *мужъ* живетъ вѣрою, чтобы не дать повода къ презрѣнію добрыхъ дѣлъ, но сказалъ: *Праведныи живетъ вѣрою*; это для того, чтобы тотъ, кто вѣренъ и имѣетъ жить вѣрою, не иначе могъ пристуцать къ вѣрѣ, или жить въ ней, какъ только сдѣлавшійся сначала праведникомъ, и чистотою жизни, восходя къ вѣрѣ какъ бы по нѣкоторымъ степенямъ. Итакъ, можетъ быть, что кто-нибудь будетъ праведнымъ, и однако не будетъ жить безъ вѣры Христовой? Если у читающаго возникнетъ сомнѣніе, то пусть онъ приметъ слова Павла, который говоритъ о себѣ: *По праведности, которая соответствуетъ Закону, безъ упрека* Итакъ, Павелъ былъ тогда праведенъ въ соотвѣтствіи съ Закономъ, но онъ еще не могъ жить, потому

что не имѣлъ въ себѣ Христа, Который говоритъ: *Я есмь жизнь* (Іоан. XI, 25), и вѣруя въ Котораго онъ потомъ началъ жить. Сдѣлаемъ и мы нѣчто подобное тому, что говорится: *Праведный живетъ вѣрою* и скажемъ: „Непорочный живетъ вѣрою, мудрый живетъ вѣрою, сильный живетъ вѣрою“ и произнесемъ соотвѣтствующее сужденіе и о прочихъ составныхъ частяхъ добродѣтелей въ опроверженіе тѣхъ, которые, не вѣруя во Христа, думаютъ, что они крѣпки и мудры, воздержны или справедливы: пусть таковыя знаютъ, что никто не живетъ безъ Христа, безъ Котораго всякая добродѣтель является недостаточною (*in vitio est*) Настоящее слово Апостола можетъ быть прочитано и такъ: *что праведникъ вѣрою* и уже потомъ прибавить: *живетъ* [или: *будетъ жить*]. А въ словахъ Апостола: *Законъ не отъ вѣры; но тотъ, кто соблюдаетъ предписанія его, тотъ будетъ жить этимъ*, очевиднѣйшимъ образомъ показывается, что онъ говоритъ не о простой жизни, а о жизни, которая имѣетъ отношеніе къ чему-нибудь *Праведникъ* подлинно *живетъ отъ вѣры* и не прибавлено: „въ этомъ“ или: „въ томъ“. Но живущій въ Законѣ, исполняя предписанія его, живетъ въ этомъ, т. е. въ томъ, что сдѣлалъ, что считалъ добромъ; наградою за его подвиги для него бываютъ только сдѣланныя имъ дѣла, или долготѣіе (по мнѣнію Іудеевъ) жизни, или избѣжаніе наказанія, которому подвергается преступникъ противъ Закона. Мы думаемъ, что слова: *Но живетъ этимъ* принадлежать не Апостолу, а пророку Іезекіилю, который говоритъ: *И вывелъ ихъ въ пустыню и далъ имъ заповѣди Мои, и оправданія Мои показалъ имъ, чтобы человекъ исполнялъ ихъ и былъ живъ ими* (Іезек. XX, 10. 11) Но хотя онъ и говоритъ, что будутъ жить тѣ, которые ходятъ въ заповѣдяхъ и оправданіяхъ, однако прибавляетъ слѣдующее: *И далъ имъ заповѣди не благія и оправданія, въ которыхъ они не будутъ жить въ нихъ* (ст. 25) Какая осторожность въ выраженіяхъ! Когда онъ сказалъ: *Далъ*

имъ заповѣди и оправданія, въ которыхъ они будутъ жить въ нихъ, то не присоединилъ: благія; а когда сказалъ: въ которыхъ они не будутъ жить въ нихъ, то прибавилъ: Я далъ имъ заповѣди не благія и проч. Но объ этомъ болѣе подробно въ толкованіяхъ на Іезекііля; а теперь возвратимся къ порядку рѣчи посланія [къ Галатамъ].

Стѣхъ 13: *Христосъ искупилъ насъ отъ проклятія Закона, сдѣлавшись за насъ проклятіемъ.*—На основаніи этого мѣста Маркіонъ снѣшить къ хуленіямъ могущества Творца. Онъ представляетъ Его кровожаднымъ, жестостимъ и мстительнымъ [или: судією, т. е. вмѣсто: vindicem,—judicem], и утверждая, что мы искуплены чрезъ Христа, Который есть Сынъ иного благого Бога. Если бы онъ [Маркіонъ] понималъ, какое различіе въ понятіяхъ *купить* и *искупить* (*emere et redimere*), то никогда простыхъ словъ Писанія онъ не сталъ бы извращать съ цѣлію богохульствъ своего ученія, потому что тотъ, кто покупаетъ, приобретаетъ чужое, а кто искупаеть, тотъ приобретаетъ въ собственномъ смыслѣ свое, но переставшее быть его принадлежностію. Итакъ Христосъ искупилъ насъ отъ проклятія на основаніи Закона [отъ влѣтвы законныя], которое опредѣлено согрѣшающимъ, которыхъ Онъ самъ порицаетъ чрезъ пророка въ слѣдующихъ словахъ: *Вотъ вы проданы за грѣхи ваши, и за беззаконія ваши Я отпустилъ мать вашу (Исаіи, L, 1).* То же самое повторяетъ и Апостолъ, говоря: *А я—плотскій, проданный подъ грѣхъ (Римл. VП, 14).* Съ другой стороны проклятія, записанныя въ книгѣ Левитъ и Второзаконіи, исполняются не Самимъ Богомъ, а провозглашается духомъ пророческимъ только то, что имѣетъ быть съ людьми, которые будутъ грѣшить. Поэтому, если онъ захочетъ побѣдить насъ [coarctare] словомъ Апостола: *Тѣ, которые живутъ дѣлами Закона, находятся подъ проклятіемъ, ибо написано: Проклятъ всякій, кто не пребудетъ постояннымъ во всемъ, что написано въ книгѣ Закона, чтобы исполнять*

это (Второз. XXVII. 26), и утверждать, что всѣ подзаконные были прокляты то мы спросимъ его: „Прокляты ли, или нѣтъ, тѣ, которые живутъ подѣ благодатию Евангелія Христова, если они не исполняютъ заповѣдей Его? Если онъ отвѣтитъ, что прокляты, то онъ въ Евангеліи будетъ имѣть то, что мы въ Законѣ. Если же онъ скажетъ, что не прокляты; тогда будетъ слѣдовать тотъ выводъ, что заповѣди Евангелія даны напрасно, и тѣ, которые ихъ будутъ исполнять, останутся безъ награды. Итакъ то и другое разрѣшается слѣдующимъ образомъ: какъ Христосъ освободилъ насъ отъ проклятія на основаніи Закона, сдѣлавшись проклятіемъ ради насъ; такъ избавилъ (eguit) Онъ насъ и отъ проклятія на основаніи Евангелія, проклятія положеннаго на тѣхъ, которые не исполняютъ заповѣдей Его, сдѣлавшись ради насъ проклятіемъ, зная такъ же, что не отпустится намъ и малѣйшая часть даннаго таланта, и взыщется съ насъ самый послѣдній квадратъ (Мѡ V, 26, и Мрк. XII, 2?).

Стихъ 14 [конецъ 13 и 14]: *Ибо написано: Проклятъ всякій, висѣющій на деревѣ, чтобы благословеніе Авраама во Иисусѣ Христѣ было и для язычниковъ для того, чтобы чрезъ веру мы получили обѣтованіе Духа.*—Прежде чѣмъ разсуждать о значеніи въ слововыраженіяхъ Апостола, намъ кажется справедливымъ въ немногихъ словахъ разъяснить свидѣтельство Второзаконія, изъ котораго Апостолъ взялъ эти слова, сопоставляя это мѣсто съ текстомъ другихъ изданій. Итакъ Семьдесятъ толковниковъ перевели это мѣсто такъ: *Но если въ комъ-либо будетъ грѣхъ, подлежащій по суду (et iudicium) смертной казни и онъ будетъ умерщвленъ, и вы повѣсите его на деревѣ: то тѣло его пусть не уснетъ* [non dormiet, греч. οὐκ ἐπιχοιμήσεται = не будетъ почивать, славян.: не пренощуетъ, русск. не должно почевать] на деревѣ, *но погребите (sepelientes sepelietis) его въ день тотъ; потому что проклятъ отъ Бога всякій, который будетъ висѣть на деревѣ, и не оскверняй земли*

своей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ въ наслѣдіе. Авила: И когда на мужъ будетъ грѣхъ, подлежащій смертному приговору [или: и смертный приговоръ], и онъ будетъ умерщвленъ, и ты повѣсишь его на дерево, то трупъ его не долженъ оставаться на деревѣ долго, но погребѣ его въ день тотъ, потому что проклятіе Божіе на томъ, кто повѣшенъ; и не оскверняй земли твоей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ въ наслѣдіе Симмахъ: Если же грѣхъ человека будетъ достоинъ смерти, и онъ будетъ умерщвленъ, и ты повѣсишь его на дерево, то трупъ его пусть не останется на-ночь на деревѣ, но погребѣ его въ самый тотъ день, потому что онъ повѣшенъ за хулу противъ Бога, и ты не оскверняй земли твоей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ въ наслѣдіе. Θεοδοτίωνъ: И когда на человекъ будетъ грѣхъ, заслуживающій смертнаго приговора, и онъ умретъ и ты повѣсишь его на дерево, то да не уснетъ (non dormiet) трупъ его на деревѣ, почему ты долженъ похоронить его въ тотъ самый день, потому что повѣшенный есть проклятіе Божіе, и ты не осквернишь земли (адата) своей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ въ наслѣдіе. Затѣмъ адата (אָדָמָה) на еврейскомъ языкѣ значить: земля, или почва. А въ томъ мѣстѣ, гдѣ Авила и Θεοδοτίωνъ перевели одинаково словами: ибо повѣшенный есть проклятіе Божіе, на еврейскомъ языкѣ стоитъ такъ: chi calaluth eloim thalui. Эти слова Евіонъ, извѣстный полухристіанинъ и полуіудей, перевелъ такъ: ὅτι ὕβρις Θεοῦ ἐκρεμάμενος, т. е.: потому что повѣшенный есть посрамленіе для Бога. Я помню, что въ въ преириательствѣ Ясона и Палиска, которое изложено на греческомъ языкѣ, я нашелъ такой переводъ λοιδορία Θεοῦ ἐκρεμάμενος, т. е. повѣшенный [есть] поруганіе для Бога. Еврей, нѣсколько научившій меня Писанію, сказалъ мнѣ, что это мѣсто можно прочесть и въ такомъ смыслѣ: По-

тому что Богъ повѣшенъ съ безчестіемъ. Мы потому собрали все это, что въ этомъ заключается весьма важный вопросъ, обыкновенно выставляемый Іудеями противъ насъ, какъ безчестіе,—вопросъ о томъ, что Спаситель нашъ и Господь сдѣлался проклятіемъ въ очахъ Божіихъ. Итакъ прежде всего должно обратить вниманіе на то, что не каждый висѣщій на древѣ сдѣлался проклятіемъ предъ Богомъ, а только тотъ, который согрѣшилъ и за преступленіе, достойное смерти, былъ осужденъ и вознесенъ на крестъ; онъ проклятъ не потому, что распятъ, а потому, что подпалъ такой отвѣтственности, что заслужилъ смерть чрезъ распятіе. Потомъ должно возразить также и то, что причина крестной смерти болѣе полно объясняется ниже, такъ какъ Писаніе говоритъ, что таковой преступникъ былъ распятъ за проклятіе и хулу противъ Бога, что болѣе ясно перевелъ Симмахъ словами: *Потому что повѣшенъ за хулу противъ Бога*. Наконецъ, спросимъ ихъ: „Если Ананія, Азарія и Мисаилъ, не хотѣвшіе поклониться идолу Навуходоносора, были повѣшены на древѣ (*Дан. Ш, ?*), а также девяностилѣтній Елеазаръ при царѣ Сирійскомъ Антиохъ и знаменитая мать съ семью сыновьями своими (*2 Маккав. VП, ?*); то должны ли они почитаться проклятыми, или же достойными всяческаго благословенія. Конечно, если бы Аманъ по своей заслугѣ не взошелъ на крестъ, который онъ приготовилъ для Мардохея, то, по моему мнѣнію, Мардохей восшелъ бы на него не такъ, какъ проклятый, а какъ мужъ святой. Этими и другими подобными соображеніями доказывается, что проклятъ тотъ, кто совершилъ преступленіе, достойное висѣлицы, а не тотъ который былъ распятъ вслѣдствіе несправедливости судей, вслѣдствіе насилія враговъ, или вслѣдствіе криковъ чернаго народа, или изъ зависти къ его добродѣтелямъ, или вслѣдствіе царскаго гнѣва. Нѣкогда и Навуеи (*Naboth или: Nabutham*) былъ осужденъ всѣмъ городомъ Іезавели на смерть, по письму Іезавели (*3 Цар. XXI, 8—11*);

однако кровь его въ прообразъ Христа спустя много вѣковъ была отмщена, ибо Господь говоритъ Осіи: *Назови имя его Израиль, ибо еще немного* (adhuc modicum), *и я взыщу кровь Іезраеля съ дома Іуя* (Ос. I, 4). Это противъ Іудеевъ. Впрочемъ возвращаясь къ своему недоразумѣнію (ut ad nos redeat disputatio), я не могу сказать (scire), почему Апостолъ въ словахъ Писанія: *Проклятъ отъ Бога всякій, который виситъ на древѣ* (Второз. XXI, 2) или пропустилъ нѣчто, или присоединилъ. Дѣйствительно, разъ уже онъ слѣдовалъ мнѣнію Семидесяти, то ему должно было,—какъ это и нами сдѣлано,—присоединить и имя Божіе. А если онъ какъ Еврей изъ Евреевъ считалъ самымъ вѣрнымъ то, чтó и очиталъ на собственномъ языкѣ, то онъ не долженъ былъ присоединять словъ: *всякій и: на древѣ*, которыхъ нѣтъ въ Еврейскомъ [спискѣ] Поэтому мнѣ кажется, что или Еврейскія книги нѣкогда имѣли нѣчто иное, чѣмъ теперь [имѣютъ], или Апостолъ,—какъ я уже прежде сказалъ,—излагалъ только смыслъ Писаній, а не слова ихъ; или же,—чтó болѣе имѣетъ правдоподобія,—и въ Еврейскихъ, и въ нашихъ собраніяхъ священныхъ книгъ кѣмъ-то прибавлено имя Божіе, чтобы покрыть насъ безславіемъ за то, что мы вѣруемъ во Христа, якобы проклятаго Богомъ. Итакъ я смѣло выступаю на это состязаніе и ссылаясь на книги утверждаю, что никто не былъ проклятъ отъ Бога, и что тамъ, гдѣ полагается проклятіе, тамъ никогда не присоединяется имени Божія. Змѣю говорится: *Проклятъ ты отъ всѣхъ змѣрей земныхъ* (Быт. III, 14); и Адаму говорится: *Проклята земля въ дѣлахъ твоихъ* (ст. 17); а Каину: *Проклятъ ты на землю* (Быт. IV, 11); и въ другомъ мѣстѣ: *Проклятъ отрокъ Ханаанъ, рабомъ будетъ братьямъ своимъ* (Быт. IX, 25); и еще въ другомъ мѣстѣ: *Проклятъ инопѣ ихъ, ибо онъ жестокъ, и ярость ихъ, ибо она свирѣпа* (Быт. XLIX, 7). Было бы очень долго, если бы я сталъ перечислять всѣ проклятія, которые

описываются въ книгахъ Левитъ, Второзаконія и Іисуса Навина; и однако ни въ одномъ изъ нихъ не прибавлено имени Божія, такъ что даже самъ Сатана, когда дастъ поручительство за Іова, что тотъ подъ гнетомъ величайшихъ страданій будетъ богохульствовать, высшую степень этого выразилъ словами: *Если онъ не благословитъ Тебя въ лице* (Іов. I, 41). И въ книгѣ Царствъ Навуею изображается побитымъ камнями потому, что онъ *благословилъ Бога и царя* (3 Цар. XXI, 10, въ Русск.: *хулилъ*). Впрочемъ никого не должно смущать, что Христосъ ради насъ сдѣлался проклятіемъ, потому что и Богъ представляется сдѣлавшимъ Его проклятіемъ; Онъ Самъ сдѣлалъ Его грѣхомъ за насъ (ибо Христосъ не зналъ грѣха); и Христосъ по происхожденію отъ полноты существа Отца уничтожилъ Себя, принимая внѣшній видъ раба (Филип. II, 7): Онъ по жизни былъ мертвъ, и премудрость Божія названа была безуміемъ, такъ что неразумное Божіе было мудрѣе людей (1 Корнѳ. I, 25) и въ шестьдесятъ восьмомъ псалмѣ Онъ говоритъ о Себѣ: *Боже, Ты знаешь мое неразуміе, и грѣхи мои не скрыты отъ Тебя* (ст. 6). Итакъ поношеніе Господа есть наша слава. Онъ умерщвленъ, чтобы мы жили; Онъ сошелъ въ адъ, чтобы мы взошли на небо; Онъ сдѣлался безуміемъ, чтобы мы стали мудростію; Онъ снялъ съ себя образъ и полноту Божества, чтобы въ насъ обитала полнота Божества, и мы изъ рабовъ сдѣлались господами. Онъ висѣлъ на деревѣ, чтобы пригвожденный къ нему могъ деревомъ уничтожить грѣхъ, который мы совершили чрезъ древо познанія добра и зла. Крестъ Его превратилъ горькія воды въ сладость, и поднялъ на верхъ сѣкиру, потерянную и потонувшую въ волнахъ Іордана (4 Цар. VI, 5—7). Наконецъ Онъ сдѣлался проклятіемъ, я говорю: *сдѣлался*, а не: *родился*, чтобы благословенія, обѣтованныя Аврааму, были переданы народамъ Самимъ Создателемъ (auctore) и Вождемъ, и обѣтованіе Духа исполнилось въ насъ черезъ вѣру въ Него, которую мы можемъ

понимать двояко: или въ смыслѣ духовныхъ дарованія добродѣтелей, или въ смыслѣ духовнаго пониманія Писанія (1 Корнѳ. IX)

Стихи 15—18: *Братіе, я говорю по человѣческому разсужденію: однако никто не презираетъ утвержденного человѣческаго завету и не опредѣляетъ большаго [въ немъ]. Аврааму даны обѣтованія и сѣмени его. Онъ не сказалъ: „сѣменомъ“ [потомкѣмъ], какъ бы о многихъ, а „сѣмени“, какъ бы объ одномъ, и сѣмени твоёмъ, которое есть Христосъ. А это я и называю заветомъ, утвержденнымъ отъ Бога; т. е. закона, явившагося спустя четыреста тридцать лѣтъ, Онъ не дѣлаетъ напраснымъ, чтобы обѣтованіе сдѣлалось безсильнымъ; ибо если наслѣдіе по Закону, то уже не по обѣтованію; но Аврааму по обѣтованію даровалъ его Богъ.*—Апостолъ сдѣлавшійся всёмъ для всѣхъ, считавшій себя обязаннымъ (debitor) служить грекамъ и варварамъ, мудрымъ и неразумнымъ, даже для Галатовъ, которыхъ прежде того называлъ носмысленными сдѣлался несмысленнымъ. Ибо въ отношеніи къ нимъ онъ не употребляетъ доказательствъ, которыя употреблялъ предъ Римлянами, а употребляетъ болѣе простыя, которыя могли быть поняты и неразумными, даже [взятыми] съ улицы людьми. А чтобы не показалось, что онъ дѣлаетъ это по неопытности и недостатку искусства, онъ сначала успокоиваетъ читателя и умиряетъ то, что имѣлъ сказать, предпославъ предисловіе: *Братіе, я говорю по челоѣкѣ* Дѣйствительно, то, что я имѣю сказать, я говорю по челоѣку, а не по Богу, не говорю по соотвѣтствію съ откровенной премудростію, и съ силами тѣхъ, которые могутъ питаться твердою пищею, а съ силами тѣхъ, которые по нѣжности своего чрева питаются влагою молока и совершенно не въ силахъ усвоить того, что велико (1 Корнѳ. VП, 2). Поэтому и въ обращеніи къ Коринѳянамъ, о которыхъ стало извѣстно, что у нихъ открылось прелюбодѣяніе, да такое, которое не встрѣчается даже среди язычниковъ, онъ сказалъ: *Я говорю, а не*

Господь (1 Корнѣ VП, 12); и во второмъ посланіи къ нимъ же: *То, что я говорю, говорю не по Господу, а какъ бы въ неразуміи* (2 Корнѣ. XI, 17) Нѣкоторые думаютъ что Апостолъ сказалъ: *Братіе я говорю по человѣку*, имѣя въ виду завѣщанія человѣческія, смерть завѣщателя и прочіе примѣры, взятые изъ жизни человѣческой; а мнѣ кажется, что эти слова предпосланы, какъ по тому побужденію, которое они указываютъ, такъ и по тому особенно, что слѣдуетъ далѣе, именно: *И не сказалъ: „сѣменамъ“* [потомкамъ], *какъ бы относительно многихъ, а какъ бы объ одномъ и сѣмени твоёмъ, которое есть Христосъ*. Перенесшись умомъ и памятію ко всѣмъ Писаніямъ, я нигдѣ не нашелъ, чтобы было написано: „сѣмена“, т. е. во множественномъ числѣ, но всегда въ единственномъ, или въ значеніи хорошему, или же въ дурномъ. Также и о томъ, что онъ говоритъ: *А это я называю завѣтомъ, утвержденнымъ отъ Бога*, всякій, тщательно сравнивши Еврейскіе свитки и прочіе изданія съ переводомъ Семидесяти толковниковъ, найдетъ, что тамъ, гдѣ написано: *Завѣтъ*, имѣется слово, значущее не: *Завѣтъ*, или завѣщаніе, а *договоръ*, что на Еврейскомъ языкѣ выражено словомъ *Verith* (בריתъ) Отсюда очевидно, что Апостолъ сдѣлалъ то, что обѣщалъ, употребляя не скрытый для Галатовъ смыслъ, а обыденный и простой, который,—если бы Апостолъ не предупредилъ, что онъ говоритъ *по человѣку*,—могъ не понравиться людямъ разумнымъ. Въ этомъ мѣстѣ должно разумѣть тѣ годы, которые протекли со времени, когда Господь сказалъ Аврааму: *И въ сѣмени твоёмъ благословятся всѣ народы* (Быт. XXII, 18) до того времени, когда явился законодатель Моисей. Протекло ли дѣйствительно четыреста лѣтъ, или какимъ образомъ въ книгѣ Бытія Господь обѣщаетъ самому Аврааму, что по прошествіи четырехъ сотъ лѣтъ потомки его имѣютъ выйти изъ Египта? Дѣйствительно, это вопросъ не маловажный, изслѣдованный многими, но, не знаю, рѣшен-

ный ли вполне кѣмъ-либо. Съ этимъ мѣстомъ согласно и то, что говорится въ той же книгѣ о Тамари и ея двухъ малюткахъ (*Быт. XXXVШ*), то именно, что первый, по имени Зара показалъ руку свою [изъ чрева матери], и повивальная бабка навязала красную нить. а потомъ когда эта рука подалась назадъ, выставилъ руку [свою] второй, по имени Фаресъ; это значить, что Израиль показалъ руку свою въ исполненіи дѣлъ Закона, а потомъ, запятнавъ ее кровію пророковъ и Самого Спасителя, отстранилъ ее; а потомъ уже выдвинулся народъ языческій, о которомъ въ Писаніи весьма часто говорится, что чрезъ него была разрушена и ниспровергнута преграда, отдѣлявшая Іудеевъ и язычниковъ, чтобы было одно стадо и одинъ пастырь, и чтобы была слава и честь, и миръ всякому человѣку, дѣлающему доброе прежде Іудею, и [потомъ] Греку. Простой же смыслъ этого мѣста тотъ, что,—какъ учить Апостоль,—не можетъ быть разрушено Закономъ, даннымъ послѣ, обѣтованіе, прежде Закона данное Аврааму, и [не должно] предпочитать позднѣйшее предъидущему: ибо за четыреста тридцать лѣтъ Аврааму дано обѣтованіе, что въ немъ благословятся всѣ народы. А соблюденіе Закона,—который если кто-либо исполняетъ, то живетъ въ немъ,—было предписано спустя тридцать лѣтъ на горѣ Синай Моисеемъ. Здѣсь можно сказать и наоборотъ: Къ чему же нужно было давать Законъ послѣ столькихъ лѣтъ отъ времени обѣтованія, если послѣ провозглашенія Закона могло возникнуть подозрѣніе, что обѣтованіе [договоръ] устранено. и наоборотъ, съ удержаніемъ значенія обѣтованія—мысль о томъ, что Законъ не имѣетъ никакой важности? Предвидя это возраженіе Апостоль, въ дальнѣйшей рѣчи самъ возражаетъ себѣ въ этомъ смыслѣ и даетъ отвѣтъ.

Стихи 19, 20: *Итакъ что же? Законъ данъ по причинѣ преступленій, доколѣ не придетъ сѣмя, для котораго дано обѣтованіе. онъ установленъ чрезъ Ангеловъ въ*

руку посредника; но посредникъ для одного не бываетъ. А Богъ одинъ.—Такъ какъ при остающемся въ силѣ обѣтованіи, Законъ, въ послѣдствіи данный чрезъ Моисея, кажется даннымъ напрасно, то Апостоль объясняетъ, почему онъ данъ: *ради преступленій*, говоритъ онъ. Дѣйствительно, послѣ возстанія народа въ пустынь, послѣ поклоненія тельцу и ропота противъ Господа законъ вступилъ въ силу, чтобы противодѣйствовать преступленіямъ, потому что *Праведнику законъ не назначенъ, а неправедникамъ, непокорнымъ, нечестивымъ и зѣшникамъ* (1 Тим. II, 9), и возвращаясь къ высшему [я говорю, что] послѣ идолопоклонства,—которому они предались въ Египтѣ, такъ что забыли Бога отцевъ своихъ и даже стали говорить: *Израиль вотъ боги твои, изведшіе тебя изъ Египта*,—порядокъ (чинъ—ritus) богопоклоненія и наказанія преступниковъ противъ Закона былъ установленъ рукою Посредника, [т. е.] Іисуса Христа, ибо все чрезъ Него и безъ Него не было ничего: не только небо земля, море и все, что мы видимъ, но даже и то, что чрезъ Моисея было наложено какъ бы ярмо Закона на жестокосердечный народъ (Іоан. I, 1—14). И Тимоѳею Апостоль пишетъ: *Ибо одинъ Богъ и одинъ посредникъ между Богомъ и людьми, человекъ Іисусъ Христосъ* (1 Тим. II, 5). Послѣ того, какъ ради нашего спасенія отъ чрева дѣвы благоволилъ родиться Посредникъ между Богомъ и людьми, человекъ Іисусъ Христосъ, Онъ названъ Посредникомъ. Но прежде чѣмъ Онъ принялъ тѣло человека, еще въ началѣ у Отца былъ Богъ Слово: Онъ называется только *посредникомъ* безъ прибавленія: *человекъ*, котораго Онъ еще не воспринималъ,—[посредникомъ] по отношенію ко всѣмъ святымъ, которымъ было Слово Божіе, именно: Еноху, Ною, Аврааму, Исааку и Іакову, а послѣ того Моисею и всѣмъ пророкамъ, о которыхъ упоминаетъ Писаніе. А слова его: *Законъ установленъ чрезъ Ангеловъ*, внушаютъ ту мысль, что во всемъ Вѣтхомъ Завѣтѣ, гдѣ сперва изображается го-

ворящимъ Ангелъ, послѣ того представляется, какъ будто это говорить Богъ. Дѣйствительно, изъ весьма многихъ служебныхъ духовъ одинъ какой нибудь Ангелъ былъ видимъ. но чрезъ него говорилъ Посредникъ, который говоритъ: *Я есмь Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова (Исх. III, 6)*. Неудивительно, если Богъ говоритъ въ Ангелахъ, если даже чрезъ Ангеловъ, находящихся въ людяхъ, Богъ,—по слову пророка Захаріи,—говоритъ въ пророкахъ: *И сказалъ Ангелъ, который говорилъ во мнѣ (Захар II, 3)*; а въ началѣ онъ сдѣлалъ замѣчаніе: *Сіе говоритъ Господь всемогущій*. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, и Ангелъ, который по слову Писанія говорилъ въ пророкѣ, не отъ своего лица осмѣливался говорить: *Сіе говоритъ Господь всемогущій*. Подъ рукою Посредника мы должны понимать могущество и силу Его. Онъ хотя по Божеству (*secundum Deum*) и самъ есть едино съ Отцемъ Своимъ, но по служенію Посредника понимается какъ отдѣльный отъ Него. Но такъ какъ порядокъ словъ здѣсь запутанъ и смыслъ затрудняется перестановкою словъ, то намъ кажется, что онъ долженъ быть возстановленъ такимъ образомъ: Законъ данъ чрезъ Ангеловъ рукою Посредника, по причинѣ преступленій установленъ чрезъ Ангеловъ, пока не придетъ сѣмя, которому дано обѣтованіе. Но несомнѣнно, что сѣмя обозначаетъ Христа, Который и по словамъ, находящимся въ началѣ Евангелія отъ Матѳея, представляется сыномъ Авраама,—ибо Писаніе говоритъ: *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова (Мѳ. I, 1)*.

Стихи 21—23: *Но, такимъ образомъ, Законъ противенъ ли обѣтованіямъ Божіимъ? Боже сохрани! Ибо если бы данъ былъ Законъ, который могъ бы животворить, то, дѣйствительно, праведность была бы отъ Закона. Но Писаніе все заключило подъ грѣхомъ, чтобы върующимъ было дано обѣтованіе по вѣрѣ въ Іисуса Христа. А прежде чѣмъ пришла вѣра, мы были заключены подъ*

стражу Закона для той вѣры, которая должна была открыться — Какъ посредникъ между Богомъ и людьми является среднимъ между дающимъ и принимающимъ Законъ, такъ и самый Законъ, данный послѣ обѣтованія, занялъ среднее мѣсто между обѣтованіемъ и исполненіемъ его. Онъ поэтому не долженъ разсматриваться, какъ исключаящій обѣтованіе, такъ какъ послѣдовавши за обѣтованіемъ, онъ, повидимому, уничтожаетъ его. Но изъ того, что онъ не могъ оживотворять и подавать того, что обѣщано было въ первоначальномъ обѣтованіи, очевидно, что онъ былъ данъ не для ниспроверженія обѣтованія, а для охраненія его. Ибо если бы былъ данъ Законъ, который могъ бы подавать жизнь, и осуществлять то, что [какъ бы] по договору давало обѣтованіе, то, дѣйствительно, Законъ могъ бы почестъся исключаящимъ обѣтованіе. А въ дѣйствительности (nunc) онъ данъ, какъ мы выше сказали, изъ-за преступленій, и скорѣе обличаетъ грѣшниковъ, которымъ онъ данъ послѣ обѣтованія какъ бы въ качествѣ стража (in custodiam) и, такъ сказать, 'темницы, чтобы не желавшіе въ невинности по свободѣ воли ожидать исполненія обѣтованнаго, встрѣчая препятствіе въ узахъ Закона и приведенные на служеніе Заповѣдямъ, сохраняемы были для наступленія будущей во Христѣ вѣры, которая представляла исполненіе (finem — конецъ) обѣтованія. Но Писаніе не должно почитаться виновникомъ грѣха въ силу того, что оно представляется заключившимъ все подъ грѣхъ, такъ какъ Заповѣдь, исходящая изъ [законнаго] права, скорѣе обнаруживаетъ и обличаетъ грѣхъ, чѣмъ служить его причиною. И это такъ же, какъ и судья не является создателемъ преступленія, налагая цѣпи на преступныхъ людей, ибо заключаетъ ихъ въ тюрьму и объявляетъ виновность своимъ властнымъ приговоромъ, чтобы потомъ, если онъ пожелаетъ, высшимъ снисхожденіемъ освободить ихъ, повинныхъ понести наказаніе.

Стихи 24.—26: *Итакъ Законъ былъ нашимъ воспитателемъ во Христѣ, чтобы мы были оправданы чрезъ вѣру; а когда пришла вѣра, то мы уже не подъ руководствомъ воспитателя. Ибо вы всѣ чада Божіи чрезъ вѣру, которая во Христѣ Иисусѣ* — Воспитатель назначается дѣтямъ, чтобы обуздывать живость ихъ ребяческаго возраста и сдерживать склонность ихъ сердца къ порокамъ, пока образуется воспріимчивое къ занятіямъ дѣтство и чрезъ дѣйствіе страхомъ наказанія будетъ подготовлено къ высшей человѣческой мудрости и управленію государствомъ. Тѣмъ не менѣе воспитатель не есть учитель и отецъ, и воспитываемый не ожидаетъ отъ него ни наслѣдія, ни познаній: воспитатель охраняетъ чужаго сына, имѣя оставить его послѣ наступленія законнаго времени для принятія наслѣдства. Да и самое имя воспитателя имѣетъ такое именно значеніе и [въ греческой формѣ: *педагогъ*] составлено изъ словъ: *водити* и *дѣтѣи*, потому что онъ руководствуетъ ихъ. Такимъ же образомъ и Законъ Моисеевъ былъ данъ народу, находящемуся въ дѣтскомъ состояніи, въ качествѣ строгаго воспитателя, чтобы охранять его и приготавливать къ будущей вѣрѣ, послѣ наступленія которой и послѣ нашего вѣрованія во Христа мы уже находимся не подъ руководствомъ воспитателя: защитникъ и попечитель отступили отъ насъ, и мы, вступая въ законный возрастъ уже именуемся истинными чадами Бога, Которому родилъ насъ не уничтоженный Законъ, а Мать Вѣра, которая во Христѣ Иисусѣ. Посему если кто захочетъ жить подъ руководствомъ воспитателя, когда онъ уже называется и наслѣдникомъ, и свободнымъ, и сыномъ, то пусть онъ знаетъ, что онъ уже не можетъ жить по законамъ дѣтскаго возраста. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ быть исполнено то предписаніе, которое гласитъ: *Трижды въ году пусть явится всякій человекъ мужскаго пола твоего предъ лицемъ Господа Бога твоего (Исх. XXIII, 17)*, послѣ того, какъ Іерусалимъ разрушенъ и даже пепель

храма разсѣянъ? Гдѣ приносятся жертвы спасенія и жертвы за грѣхъ? Гдѣ по подобію небесныхъ звѣздъ горитъ огонь всесоженія, когда жертвенникъ совершенно разрушенъ? Какое наказаніе можетъ быть опредѣлено теперь преступникамъ соотвѣтственно слову Писанія: *Удалите злаго изъ вашей среды* (Втор. XIII, 5), когда Іудеи находятся въ рабскомъ состояніи, а Римляне господствуютъ? При этомъ будетъ такъ, что они будутъ жить и не подъ властію отца и не подъ руководствомъ воспитателя, такъ какъ и Законъ не можетъ быть исполняемъ послѣ наступленія вѣры, и Вѣра не сохраняется, когда ищутъ руководителя въ Законѣ.

Стхи 27, 28: *Ибо тѣ, которые крестились во Христа, облеклись во Христа. Нѣтъ [теперь] Іудея, нѣтъ и Грека; нѣтъ раба, нѣтъ и свободного, нѣтъ мужчины, нѣтъ и женщины. Ибо всѣ вы одно во Христа, Іисусъ.*—Какимъ образомъ мы чрезъ вѣру, которая во Христѣ Іисусѣ, обращаемся въ чадъ Божіихъ (*nascamur filii Dei*), это онъ показываетъ словами: Тѣ, которые крестились во Христа, облеклись во Христа. А что Христосъ есть одѣяніе, это доказывается не только изъ этого мѣста, но и изъ другого, что говорить тотъ же Апостолъ: *Облекитесь въ Господа Іисуса Христа* (Римл. XIII, 14). Итакъ, если тѣ, которые крестились во Христа, облеклись во Христа, то очевидно, что тѣ, которые не облечены во Христа, не были и крещены во Христа, ибо къ тѣмъ, которые вѣрны и считаются послѣдовавшими крещенію Христову, сказано: *Облекитесь въ Господа Іисуса Христа* Если кто принимаетъ только это тѣлесное и видимое плотскими очами омовеніе водою, тотъ не есть облеченный въ Господа Іисуса Христа. Дѣйствительно, вѣдъ и извѣстный Симонъ Дѣяній Святыхъ Апостоловъ принялъ омовеніе водою, но такъ какъ онъ не имѣлъ Святаго Духа, то и не былъ облеченъ во Христа (Дѣян. VIII ?) Также и еретики и лицемѣры, и тѣ, кото-

рые ведутъ нечистый образъ жизни, хотя, повидимому, и получили крещеніе. однако я не знаю, имѣютъ ли они одѣяніе Христово. Итакъ будемъ обращать тщательное вниманіе на то, чтобы и среди насъ кто-либо не былъ избличаемъ въ томъ, что онъ не получилъ крещенія, но такъ какъ тотъ, кто однажды получить одѣяніе во Христа и положенный въ пламя [для испытанія], засіяетъ пламеннымъ свѣтомъ Святаго Духа, то онъ и не возбудитъ сомнѣнія въ томъ, есть ли онъ золото, или серебро. Пока жаръ такимъ образомъ охватываетъ все вещество (massam), бываетъ замѣтенъ одинъ огненный блескъ, и всякое различіе рода и тѣлесныхъ особенностей скрывается этого рода одѣяніемъ. Ибо нѣтъ ни Іудея, ни Грека. Подъ именемъ Грека мы должны разумѣть язычника, потому что слово Ἕλληγъ въ одно и то же время обозначаетъ и Грека, и язычника. И Іудей не бываетъ лучше потому, что онъ обрѣзанъ, ни язычникъ не бываетъ хуже вслѣдствіе того, что у него есть крайняя плоть; но какъ Іудей, такъ и Грекъ бываетъ лучше или хуже по качеству своей вѣры. Рабъ и свободный отличаются также не условіями жизни, а своею вѣрою, потому что и рабъ можетъ быть лучше свободного, и свободный — стоять выше раба, [и все это] по качеству вѣры. Подобнымъ же образомъ мужескій полъ и женскій отличаются по сравнительной слабости и крѣпости тѣлесной. Но (caeterum) вѣра опредѣляется силою духовнаго благорасположенія, и часто бываетъ, что и женщина служить причиною спасенія для мужчины, и мужчина въ дѣлѣ вѣры предшествуетъ женщинѣ. А когда дѣло обстоитъ такъ, т. е. когда всякое различіе происхожденія общественныхъ условій и тѣлеснаго несходства уничтожается крещеніемъ во Христа и облеченіемъ въ Него, тогда всѣ мы бываемъ едино во Христѣ Іисусѣ, такъ что какъ Отецъ и Сынъ суть едино въ Себѣ, такъ и мы есмы едино въ Нихъ.

Стихъ 29: *Если же вы Христовы, то вы—сымя Авраама, наследники по обѣтованію* —Такъ какъ обѣтованія были даны Аврааму и Сѣмени его. Которое есть Христосъ, то отсюда слѣдуетъ, что чада Христовы, т. е. сѣмя Его, называются также и сѣменемъ Авраама, будучи сѣменемъ сѣмени его. Вѣрно то, что когда только Господь нашъ ни называется сѣменемъ Авраама, это должно быть понимаемо въ тѣлесномъ смыслѣ, т. е. въ томъ, что Онъ родился отъ корня его. А когда мы, послѣ воспріятія ученія Спасителя, вѣруемъ въ Него и получаемъ благородство рода Авраама, которому дано обѣтованіе; тогда мы должны понимать названіе въ духовномъ смыслѣ, въ смыслѣ сѣмени вѣры и проповѣданія. Наконецъ, нужно также обратить вниманіе и на то, что когда говорится о Господѣ: *Аврааму даны обѣтованія и сѣмени его*, т. е. Іисусу Христу, то онъ употребляетъ слово *обѣтованія* во множественномъ числѣ. Когда же говорится о тѣхъ, которые суть сѣмя Авраама чрезъ Христа, *обѣтованіе* ставитъ въ единственномъ числѣ, какъ въ настоящемъ мѣстѣ: *Итакъ вы—сымя Авраама, наследники по обѣтованію*, потому что пристойно было, чтобы то, что о единомъ Христѣ говорится множественно, въ отношеніи ко многимъ людямъ было обозначено единственнымъ числомъ. Затѣмъ слѣдуетъ:

Глава IV.—Стихи 1, 2: *Я же говорю: Наслѣдникъ во все время, пока онъ наслѣдникъ, ничѣмъ не отличается отъ раба, хотя онъ и господинъ всего; но онъ находится подъ руководствомъ попечителей и распорядителей до времени предопредѣленнаго отъ отца.*—Этотъ наслѣдникъ, ничѣмъ не отличающійся отъ раба, хотя онъ—Господинъ всего, но находится подъ руководствомъ распорядителей и попечителей,—это есть весь родъ человѣческій до пришествія Христова и.—даже больше (*ut amplius dicam*),—до скончанія міра. Ибо, какъ всѣ въ первозданномъ Адамѣ умираютъ еще не родившись, такъ и всѣ тѣ, которые родились еще до

пришествія Христова, оживотворяются во второмъ Адамѣ. При этомъ дѣло обстоитъ такъ, что и мы въ лицѣ отцовъ нашихъ были въ рабствѣ Закона, и они по благодати будутъ спасены въ лицѣ дѣтей. Такое разумѣніе согласно съ Каѳолическою Церковію, которая утверждаетъ, что промышленіе Ветхаго и Новаго завѣтовъ, было одно и то же, и не различаетъ по періодамъ времени тѣхъ, которыхъ поставило въ одни и тѣ же условія. Всѣ мы воздвигнуты на основаніи апостоловъ и пророковъ, утверждаясь на одномъ и томъ же краеугольномъ камнѣ Іисусѣ Христѣ, Господѣ нашемъ, Который и тѣхъ, и другихъ объединилъ и, разрушивъ среднюю преграду, въ Своей плоти уничтожилъ вражду того и другого народа, и трудность исполненія древняго Закона замѣнилъ непорочностью Евангельскихъ ученій (*dogmatum, Ефес. II, 20*). Поистинѣ всѣ мы во Христѣ одинъ хлѣбъ, и на землѣ два соединились вмѣстѣ. И подобно тому, какъ мы утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, и патріархи утверждались на основаніи апостоловъ. А подѣ руководителями и правителями могутъ быть понимаемы и пророки, словами которыхъ мы ежедневно поучались о пришествіи Спасителя, подобно тому, какъ и Законъ Моисеевъ выше былъ разсмотрѣнъ, какъ воспитатель, а также и ангелы дѣтей, ежедневно созерцающіе лице Отца и ходатайствующіе за нихъ; объ этихъ ангелахъ сказано: *Пошлетъ ангеловъ Господа вокругъ болящихся Его, и избавитъ ихъ (Псал. XXXIII, 8)*. Подѣ ними можно понимать священниковъ и князей, которые тогда господствовали надѣ народами, а теперь даютъ правила, которымъ должно повиноваться. И по справедливости тѣ считаются подѣ руководствомъ защитниковъ и правителей, которые, имѣя духъ страха, еще не удостоились принять духа свободы и усыновленія. Въ самомъ дѣлѣ, дѣтскій возрастъ боится совершая грѣхъ, страшится воспитателя и не вѣритъ въ то, что онъ свободенъ, хотя по природѣ онъ и господствуетъ [надѣ всѣмъ]. Но соотвѣтственно двоякому пониманію, по которому воспита-

тели и распорядители, —какъ мы сказали,—суть или пророки, или ангелы, сіе дитя находится подъ руководствомъ защитниковъ и распорядителей до тѣхъ поръ, пока не исполнится законный возрастъ мужа совершеннаго. А законный возрастъ соотвѣтственно Римскимъ законамъ опредѣляется временемъ въ двадцать пять лѣтъ; такимъ образомъ опредѣляется время пришествія Христова для совершенствованія рода человѣческаго. И непосредственно послѣ его пришествія и послѣ того, какъ мы сдѣлались мужами совершенными, отъ насъ отошли руководитель и защитникъ. Тогда мы и воспользовались властію господина и имуществомъ наслѣдника, для котораго прежде мы считались чуждыми, хотя и родились въ этомъ достоинствѣ.

Стихъ 3: *Такъ и мы, пока были въ дѣтскомъ возрастѣ, были рабами въ подчиненіи составнымъ частямъ міра.*—Составными частями міра онъ называетъ тѣхъ же, о которыхъ прежде сказалъ, какъ о защитникахъ и распорядителяхъ, потому что поставленные сперва подъ руководство этихъ предстоятелей и, не понимая еще пришествія къ намъ Сына Божія, мы готовились чрезъ такое посредство. Нѣкоторые же думаютъ, что ангелы это суть тѣ, которые господствуютъ надъ четырьмя составными частями міра (*elementis*), т. е. надъ землею, водою, огнемъ и воздухомъ; и необходимо, чтобы тотъ, кто увѣруетъ во Христа, первоначально находился подъ ихъ управленіемъ. Весьма многіе полагаютъ, что подъ составными частями міра нужно понимать небо и землю и то, что находится между ними, потому что и Греческіе мудрецы, и варварскіе народы, и Римляне съ мерзостію всяческихъ суевѣрій поклонялись солнцу, лунѣ, морямъ, богамъ горъ и лѣсовъ; отъ нихъ мы освободились, когда пришелъ Христосъ, ибо мы понимали, что это суть твари, а не божества. Другіе подъ составными частями міра понимаютъ Законъ Моисеевъ и изреченія пророковъ, потому что чрезъ нихъ мы воспринимаемъ какъ бы начатки и предвари-

тельные познанія въ Писаніяхъ, [т. е.] страхъ Божій, который есть начало премудрости. Наконецъ, къ тѣмъ, которые уже должны быть совершенными, но, пренебрегши истиною, еще только прилѣпляются къ начаткамъ христіанскаго ученія, Апостолъ въ посланіи къ Евреямъ пишетъ: *Хотя вы по времени должны бы быть учителями, [но] вы снова имѣете нужду въ томъ, чтобы учиться тому, каковы суть начатки слова Божія* (Евр. V, 12). Наоборотъ, намъ могутъ возразить, что въ посланіи къ Колоссянамъ Апостолъ нѣчто другое называетъ составными частями міра, говоря такъ: *Смотрите, чтобы кто-либо не оболъстилъ васъ философією и пустымъ обманомъ, по преданію человѣческому, по составнымъ частямъ міра, а не по Христу* (Колос. II, 8). Но изъ того, что онъ прибавилъ: *по преданію человѣческому и: пустымъ обманомъ* онъ показываетъ, что въ посланіи къ Колоссянамъ и Галатамъ онъ называетъ не одно и то же составными частями міра. Дѣйствительно, когда пришла полнота времени, мы искуплены отъ этихъ составныхъ частей міра и, восходя къ высшему, приняли усыновленіе чадъ Божіихъ. Однако же о тѣхъ ничего не говорится, подобнаго тому, что далѣе слѣдуетъ; а просто составными частями міра называются Писанія. Итакъ, какъ мы сказали, Законъ Моисея и пророки могутъ быть понимаемы въ смыслѣ начатковъ письменности [или: Писанія], потому что чрезъ нихъ соединяются слоги и имена, и изучаются они не въ виду пользы отъ нихъ самихъ, а ради другой цѣли,—именно: чтобы мы могли прочесть составленную молитву, въ которой обращается вниманіе больше на смыслъ и расположеніе словъ, чѣмъ на первоначальные законы письма. Что же касается того, что Законъ и пророковъ мы истолковали въ смыслѣ начатковъ міра, то [нужно имѣть въ виду, что] міръ обыкновенно употребляется въ значеніи тѣхъ, которые живутъ въ мірѣ, какъ говоритъ тотъ же Павелъ: *Богъ былъ во Христѣ, примиряя міръ съ Собою* (2 Корин. V, 9); и въ Евангеліи:

И міръ былъ чрезъ Него, и міръ Его не позналъ (Іоан. I. 10). Нѣкоторые даже еще свободнѣе выступаютъ при толкованіи этого мѣста,—именно: такъ какъ Законъ имѣеть тѣнь будущихъ благъ, то они спрашиваютъ, будемъ ли мы сперва дѣтьми въ томъ другомъ мірѣ, о которомъ говоритъ Спаситель: *Я не отъ міра сего (Іоан. VIII, 23)*, и поставленные подъ начатки и основныя части затѣмъ понемногу дойдемъ ли до совершенства и снова займемъ ли мѣсто по усыновленію, которое нѣкогда утратили.

Стихъ 4: *А когда наступила полнота временъ, то Богъ послалъ Сына Своего, родившагося отъ жены и бывшаго въ подчиненіи Закону, чтобы искупилъ Онъ тѣхъ, которые были подъ властію Закона, для того, чтобы мы получили усыновленіе.*—Прилежно подумайте о томъ, что онъ не сказалъ: *родившагося чрезъ жену*, что Маркіонъ и другія еретическія ученія хотятъ [представить], говоря, что Христосъ принялъ призрачную плоть; а сказалъ: *отъ жены*, чтобы вѣровали, что онъ рожденъ отъ Нее, а не чрезъ Нее. А то, что онъ святую и блаженную Марію назвалъ женою, а не Дѣвою, это также мы встрѣчаемъ и въ Евангеліи отъ Матѳея (I, 19, 20, 24), [и тогда], когда она называется женою Іосифа (Лук. II, 5), и когда она отъ самого Господа встрѣчаетъ упрекъ какъ жена (Іоан. II, 4). Это потому, что не было нужды всегда съ осторожностію и предусмотрительнымъ опасеніемъ называть Марію Дѣвою, такъ какъ слово *жена* (*mulier*) скорѣе обозначаетъ отлічіе пола, чѣмъ супружество съ мужчиною, и по смыслу греческаго языка слово *γυνή* можетъ быть понимаемо и въ смыслѣ жена (*uxor, coniunx*), и въ смыслѣ женщина вообще. Но необходимо пересмотрѣть все (*ut cuncta praeteream*): какъ Онъ былъ и подъ Закономъ, чтобы искупить тѣхъ, которые находились подъ властію Закона, такъ и отъ жены восхотѣлъ Онъ родиться ради тѣхъ, которые родились отъ жены. Ибо

и крещеніе въ водахъ Іордана Онъ принялъ, какъ бы кающійся, хотя былъ свободенъ отъ грѣха, съ тѣмъ, чтобы научить, что и прочіе должны быть очищены чрезъ крещеніе и возродиться въ чадъ (Божіихъ) чрезъ новое усыновленіе отъ Духа. Совершенно не понимая этого, Іоаннъ Креститель возбранялъ Ему приступить въ крещенію, говоря: *Мнѣ должно отъ Тебя получитьъ крещеніе* (Мѡ. Ш, 14), но тотъ же часъ онъ получаетъ священнотаинственное наставленіе (*sacramentum docetur*): *Теперь оставь* (*sine modo*), *ибо тѣмъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду*; это для того, чтобы пришедшій для спасенія людей, не опустилъ ничего изъ того, что относится къ поведенію людей. Но кто-нибудь, можетъ быть, спросить и скажетъ: „Если онъ потому былъ въ подчиненіи Закону, чтобы искупить тѣхъ, которые были подъ властію Закона, то—такъ какъ было именно невозможно искупить тѣхъ, которые были въ подчиненіи Закону, если бы Онъ самъ не былъ подъ Закономъ,—слѣдуетъ, что или Онъ былъ внѣ Закона (*sine Lege*), чтобы искупить тѣхъ, которые не были подъ Закономъ, или если Онъ самъ не былъ внѣ Закона, то Онъ не искупаетъ и тѣхъ, которые не были въ подчиненіи Закону. Поэтому, если возможно было искупить стоявшихъ внѣ Закона, такъ что Онъ самъ не былъ внѣ Закона: то слѣдуетъ (*ergo*), что Онъ напрасно и излишне былъ въ подчиненіи Закону, чтобы искупить подзаконныхъ? Этотъ вопросъ кратко можетъ разрѣшить тотъ, кто воспользуется извѣстнымъ мѣстомъ: *И Онъ былъ сопричтенъ къ тѣмъ, которые были безъ Закона*. Ибо, хотя въ латинскихъ собраніяхъ св. Книгъ и неправильно издано это мѣсто, по простотѣ толкователей,—именно: *Онъ сопричтенъ къ беззаконнымъ* (*cum iniquis*, Лук. XXIII, 37); однако необходимо знать, что у Грековъ слово *ἄνομος*, которое употреблено здѣсь, имѣетъ одно значеніе, а слово *ἀδίκος*, которое имѣется въ латинскихъ собраніяхъ Священныхъ Книгъ,—другое; ибо словомъ *ἄνομος* обозначается тотъ, который живетъ безъ

закона и не связанъ никакимъ правомъ, а словомъ *ἄδικος* — человекъ несправедливый, или неправедный. Поэтому и самъ Апостолъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Хотя я не былъ безъ закона Божія; но былъ въ законъ Христовомъ* (1 Корнѣ. IX, 21); и несомнѣнно, что въ этомъ свидѣтельствѣ на греческомъ языкѣ написано: *ἄνομος*; и тотъ, который здѣсь правильно перевелъ, могъ то же самое слово и тамъ перевести подобнымъ же образомъ, если бы только не обманула его двусмысленность выраженія. А другой [переводчикъ] болѣе тщательно разсматриваетъ слово *искупилъ* (*redimeret*) и говоритъ, что искупленные обозначаютъ тѣхъ людей, которые сначала были изъ числа людей, стоящихъ на сторонѣ Божіей, а потомъ перестали быть таковыми; но тѣ, которые не были подъ Закономъ не столько *искуплены*, сколько *куплены*. Поэтому въ посланіи къ Коринѣянамъ, среди которыхъ распространилась вѣсть о прелюбодѣянніи и притомъ о такомъ прелюбодѣянніи, о которомъ не было слышно даже среди язычниковъ (1 Корнѣ. V, 1), Апостолъ пишетъ: *Вы куплены*, а не *искуплены*, именно потому, что они не были подъ Закономъ. Итакъ мы приняли всыновленіе чадъ Божіихъ и искуплены Христомъ, и перестали быть подъ рабствомъ основныхъ составныхъ частей міра и подъ властію попечителей. Но мы уже показали, какое различіе между *искупить* и *купить*. Подобнымъ же образомъ размыслимъ и о томъ, каково различіе между: *получить* и: *возвратить* всыновленіе чадъ [Божіихъ].

Стихъ 6: *А такъ какъ вы—сыны Божіи, то послалъ Богъ Духа Сына Своего, въ сердца наши, взывающаго: Авва Отче.*—Апостолъ очевидно называетъ Трехъ Духовъ: Духа Сына Божія, какъ въ настоящемъ мѣстѣ: *Послалъ Богъ Духа Сына въ сердца наши* (Римл. VIII, 16), и Духа Божія, какъ въ извѣстномъ мѣстѣ: *Которые только водятся Духомъ Божіимъ, тѣ суть сыны Божіи* (Римл. VIII, 14) и, наконецъ, Духа Святаго, какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: *Тѣла*

ваши суть храмъ Святаго Духа, который въ васъ (1 Корнѣ. VI, 19) Но что святой Духъ есть нѣкоторый иной въ отличіе отъ Духа Сына, объ этомъ есть ясное свидѣтельство въ Евангеліи: *Кто скажетъ слово противъ Сына человеческого, тому отпустится, а кто скажетъ противъ Духа Святаго, тому не отпустится ни здѣсь, ни въ будущемъ [вѣкѣ]* (Лук. XII, 10). Это [я говорю] потому, что многіе по невѣдѣнію Писанія,—что дѣлаетъ и Фирміанъ въ восьмой книгѣ посланій къ Димитріану,—утверждаютъ, что Духъ Святой часто называется то Отцемъ, то Сыномъ. И хотя мы весьма опредѣленно вѣруемъ въ [св.] Троицу, однако они, уничтожая Третье Лице, представляютъ, что это не [отдѣльное] Существо (substantia), а только [отдѣльное] наименованіе. Чтобы не заходить далеко,—потому что я составляю не собесѣдованіе (dialogus), а только толкованіе,—я кратко покажу, что и въ пятидесятомъ псалмѣ наименованы три Духа; ибо пророкъ такъ говоритъ: *Боже, сотвори во мнѣ сердце чистое и обнови Духа праваго въ утробѣ моей; не отвержи меня отъ Своего лица, и не отними у меня Духа Святаго. Дай мнѣ радость спасенія Своего и утверди меня Духомъ первоначальнымъ (principali)*. Духомъ первоначальнымъ онъ называетъ Отца, потому что Сынъ отъ Отца, а не Отецъ отъ Сына. А именемъ Духа праваго, Духа истины и правды онъ называетъ Христа Господа: Ибо Отецъ всякій судъ далъ Сыну (Іоан. V, 22), какъ говоритъ Давидъ: *Боже, дай судъ Твой царю и мощество Твое—Сыну Царя (Псал. LXXI, 1)*. Наконецъ яснымъ именемъ онъ вызываетъ Духа Святаго. Правда, Они по лицамъ и именамъ отличны, но по существу и природѣ соединены: и потому тотъ же самый Духъ по единству природы называется то Духомъ Отца, то Духомъ Сына.—Такимъ окончаніемъ Апостолъ заключилъ доказательство, на которомъ онъ пытается утверждаться,—именно, что мы уже не подъ Закономъ, а подъ благодатію Господа Іисуса. Выше онъ сказалъ: *Чтобы мы получили в ѡновленіе чадъ Божіихъ;*

теперь говорить, что мы—сыны Божіи, что́ доказывается Духомъ, Котораго мы имѣемъ въ себѣ, ибо никогда, говорить онъ, мы не осмѣлились бы сказать: *Отче нашъ, сущій на небесахъ; да святится имя Твое* иначе, какъ только по сознанию живущаго въ насъ Духа и громкимъ голосомъ чувствъ и ученія взывающего: *Авва, Отче* (Римл. VІІІ, 15). *Авва*—слово Еврейское, значающее то же самое, что́ и слово: *Отецъ*. И во многихъ мѣстахъ Писаній сохраняется то обыкновеніе, что еврейское слово ставится совмѣстно съ переводомъ его. Такъ Вартимей [переведено]—*сынъ Тимея*, Асеръ—*богатства*, Тавиѳа—*серна* (Дьян. ІХ, 36), и въ книгѣ Бытія Mesech—*доморощенный* (рабъ—не купленный, а родившійся отъ раба, принадлежащаго дому), и прочее, тому подобное. А такъ какъ *Авва* на Еврейскомъ и Сирскомъ языкѣ значить *Отецъ* и, съ другой стороны, такъ какъ Господь нашъ заповѣдуетъ въ Евангеліи, что никого кромѣ Бога не должно называть Отцемъ (Мѳ. V ?), то я не знаю, по какому праву (*qua licentia*) въ монастыряхъ мы и другихъ называемъ этимъ именемъ, и приучаемъ, чтобы насъ такъ называли. Если мы не клянемся, то и отцемъ другого кого-либо не должны называть; а если въ отношеніи къ понятію: отецъ вводимъ новое пониманіе, то вынуждаемся сдѣлать то же самое и въ отношеніи клятвы. При этомъ также необходимо замѣтить, что подъ воплемъ въ св. Писаніи разумѣется не изданіе голосомъ громкаго звука, а величіе познанія и ученія. Въ самомъ дѣлѣ, и въ книгѣ Исходъ Господь говоритъ Моисею: *Что ты вопіешь ко мнѣ?* (Исх. ХІV, 15), хотя при этомъ никакія слова раньше со стороны Моисея не были произнесены. Писаніе называетъ воплемъ поистинѣ сокрушенное сердце и рыдавшее за народъ со слезами. Итакъ подобно тому, какъ имѣющій Духа Сына Божія есть Сынъ Божій, наоборотъ, не имѣющій Духа Сына Божія не можетъ назваться сыномъ Божіимъ.

Стихъ 7: *Итакъ онъ уже не рабъ, но сынъ; посему если онъ сынъ, то и наследникъ чрезъ Христа.*—Имѣя,

говорить онъ, въ себѣ Духа Сына Божія, восклицающаго: *Авви Отче*, вы начали быть уже не рабами, но сынами; ибо прежде вы ничѣмъ не отличались отъ рабовъ, хотя по природѣ вы дѣйствительно были Божіи; но вы должны были жить подъ наблюденіемъ попечителей и руководителей, какъ бы не достигшіе зрѣлаго возраста; поэтому если вы теперь сыны, то вамъ должно принадлежать наслѣдство, такъ что, какъ вы сдѣлались сынами Божіими, принявъ Духа Божія, подобно этому, (ita) обратившись изъ рабовъ въ свободныхъ, вы сдѣлались наслѣдниками. совместно съ наслѣдникомъ Отца Іисусомъ Христомъ, Который говоритъ въ псалмѣ отъ лица принятаго Имъ челоуѣчества: *Господь сказалъ ко мнѣ: Ты—Сынъ Мой, Я нынѣ родилъ Тебя. Проси у Меня, и Я дамъ Тебѣ народы въ наслѣдіе Твое, и во владычество Твое концы земли* (Псал. II, 7, 8). А что мы говоримъ въ этомъ мѣстѣ, должны также имѣть въ виду и въ отношеніи къ прочимъ мѣстамъ, [т. е.] что относительно всего рода челоуѣческаго говорится въ единственномъ числѣ; потому что всѣ мы вѣрующіе составляемъ едино во Христѣ Іисусѣ и всѣ—члены Его Тѣла, и возведенные на степенъ мужа совершеннаго имѣемъ Его своимъ главою, потому что глава мужа Христосъ есть (1 Корнѣ. XI, 2).

Стихи 8. 9: *Но тогда, не зная Бога, вы служили, какъ рабы, тѣмъ, которые по природѣ не были богами, а теперь, познавая Бога, или вѣрнѣе приведенные Имъ къ познанію [Его], какимъ образомъ вы снова возвращаетесь къ безсильнымъ и ничтожнымъ началамъ (elementa), которымъ хотите снова рабски служить?*—Онъ обличаетъ Галатовъ, которыхъ апостолы отвратили отъ почитанія идоловъ къ вѣрѣ въ Бога. [обличаетъ] въ томъ, что они,—оставивъ идоловъ, которые по природѣ не были богами, и зная Бога, а скорѣе, будучи приведены Имъ къ познанію и принявши даже Духа всынѣвенія,—снова подобно малымъ дѣтямъ и тѣмъ.

которые желаютъ быть подъ опекою руководителей и воспитателя, возвращаются къ безсильнымъ и немощнымъ началамъ міра, которыя потому даны для пониманія немощному и слабому уму народу, что онъ не можетъ воспринимать и содержать большее. И тѣ же начала, которыя теперь онъ называетъ безсильными и ничтожными, выше онъ называлъ только началами *міра*; а тамъ, гдѣ сказано о началахъ *міра*, не присоединено: *безсильныя* и *ничтожныя*. Здѣсь снова, гдѣ начала названы безсильными, тамъ не употреблено имени *міра*, какъ мы сказали и выше. Итакъ я думаю, что коль скоро кто-либо находится въ дѣтскомъ возрастѣ и коль скоро еще не исполнилось время, опредѣленное Отцемъ, чтобы ему можно было называться наслѣдникомъ и сыномъ, онъ находится подъ властію началъ міра, именно подъ руководствомъ Моисеева Закона. А когда, послѣ возвращенія сыну принадлежащей ему свободы, онъ снова возвратится къ Закону, желая обрѣзываться и слѣдовать буквально всѣмъ Іудейскимъ суевѣріямъ, тогда то, что прежде для него было только *началами міра*, [теперь] называется уже безсильнымъ и ничтожнымъ началомъ. Дѣйствительно, они настолько ни въ чемъ не полезны для почитателей своихъ, что не могутъ дать даже того, что подавали прежде, такъ какъ теперь Іерусалимъ, храмъ и жертвенникъ разрушены. Но кто-нибудь, можетъ быть, возразить такъ: „Если Законъ, и заповѣди, написанныя въ Законѣ, являются безсильными и ничтожными началами, и если тѣ, которые познали Бога или, вѣриѣ, отъ Него научились познанію, не должны соблюдать заповѣдей Закона (чтобы начать не столько чтить Бога, отъ Котораго научились познанію, сколько обращаться къ тѣмъ, которые по приролѣ своей не суть боги); то [слѣдуетъ, что] или Моисей и пророки соблюдали Заповѣди и не знали Бога, и не научились отъ Него познанію, или если и познали Бога, то весьма мало соблюдали Его заповѣди. Но и то и другое утверждать опасно: или они не исполняли Закона и такимъ

образомъ познали Бога, или же не познали Бога, такъ какъ соблюдали безсильныя и ничтожныя начала Закона“. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ такъ съ нашей стороны (*ut dicamus illos*): какъ Павелъ для Іудеевъ былъ Іудеемъ, чтобы пріобрѣсти Іудеевъ (1 *Корнѳ* IX,) и въ Кенкреяхъ по обѣту обрѣзалъ волосы, а въ храмъ Іерусалимскомъ ходилъ босымъ и съ обритою головою, чтобы успокоить ненависть тѣхъ, которые распустили о немъ слухъ (*catechizati de eo*), будто онъ поступаетъ противъ Закона Моисеева и Бога пророковъ: такъ и святые мужи, дѣйствительно, исполняли то, что было предписано Закономъ (*quae Legis erant*), но исполняли это, слѣдуя больше смыслу Закона, чѣмъ буквѣ его. Они не менѣе Авраама, снявъ покровъ съ лица, желали видѣть день Христовъ, и увидѣли, и возрадовались, сдѣлавшись немощными для немощнаго народа, чтобы пріобрѣсти немощныхъ (1 *Корнѳ*. IX, 22) и для бывшихъ подъ Закономъ такими, какъ будто они сами были подъ Закономъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ идоловъ, служить которымъ они привыкли въ Египтѣ. Было бы неразумно думать, что Моисей и прочіе собесѣдники Божіи были въ такихъ условіяхъ, что мы не вѣримъ имъ, и что наступило время, предопредѣленное отъ Отца, и что они искуплены отъ подзаконнаго рабства и получили усыновленіе, какъ сыны, и со Христомъ приняли наслѣдіе. Дѣйствительно, каждая въ отдѣльности (*quaeunque*) премудрость Божія подается всему роду человѣческому, какъ бы [Его] едиnorodному Сыну; она же подана всегда каждому изъ святыхъ по Его опредѣленію и соизволенію. А такъ какъ мы называемъ Законъ Моисея безсильными и ничтожными началами, то еретики находятъ [въ этомъ] поводъ къ тому, чтобы порицать Творца за то, что Онъ создалъ міръ и даровалъ Законъ (*sapienter*). Имъ мы отмѣтимъ,—то же, что сказали выше,—эти начатки безсильны и ничтожны для тѣхъ, которые обращаются къ нимъ послѣ благодати Евангелія. Но прежде наступленія предопредѣленнаго отъ Отца времени они

названы не столько безсильными и ничтожными началами, сколько началами міра. Кромѣ того заповѣди Закона имѣли свое сіяніе прежде, чѣмъ Евангеліе Христово заблестало во всемъ мірѣ; а послѣ того, какъ возсіялъ болѣе сильный свѣтъ благодати Евангелія, и всему міру явилось Солнце правды, сіяніе звѣздъ скрылось, и лучи ихъ омрачились подобно тому, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ: *Ибо не было прославлено то, что было прославлено съ этой стороны вслѣдствіе превосходной славы* (2 Корнѣ. III, 10). То, что теперь говорится, пусть онъ выразитъ другими словами: Законъ Моисеевъ, прежде Евангелія бывшій богатымъ, изобильнымъ и яснымъ, по пришествіи Христа сдѣлался какъ бы безсильнымъ и ничтожнымъ по сравненію съ Нимъ, и уменьшеннымъ и устранившимся со стороны Того, Который былъ больше Соломона и храма, и пророка Іоны. Я думаю, что извѣстное слово: *Ему должно возражать, а мнѣ умиляться* (Іоан. III, 30) сказано не столько отъ лица Іоанна, сколько отъ лица Закона, потому что меньшее всегда уступаетъ мѣсто большому, и совершенное предпочитается начаткамъ. Съ другой стороны подъ безсильными и ничтожными началами мы съ убѣжденіемъ признаемъ (*confitebimur*) Іудейскія преданія и буквальное, не имѣющее никакой цѣны, пониманіе, потому что они суть заповѣди неблагія, и оправданія не добрыя. Имѣетъ силу и богато [по содержанію] духовное толкованіе Закона (*Иезек. XX?*), такъ что оно или почти не можетъ быть названо начаткомъ, или же пожалуй (*quidem*) и начаткомъ по сравненію съ будущимъ вѣкомъ и съ жизнію во Христѣ Іисусѣ, которою нынѣ живутъ Ангелы и высшія силы. Но въ сравненіи съ Іудейскимъ пониманіемъ это должно быть названо не столько начаткомъ, т. е. начинаніемъ, сколько совершенствомъ. А то, что онъ говоритъ: *Нынѣ же познавая Бога или вѣрнѣе* (*magis, получивши отъ Него познаніе*, показываетъ, что послѣ поклоненія идоламъ Галаты уразумѣли Бога, или лучше сами были при-

знаны достойными познанія Его. Эти слова имѣють не то значеніе, что Богъ, Творецъ всего, не знаетъ чего-либо, а то значеніе, что Онъ изображается знающимъ только тѣхъ, которые свое заблужденіе замѣнили благочестіемъ: *Знаетъ Господь тѣхъ, которые суть Его* (2 Тим. II, 19). И Спаситель въ Евангеліи говоритъ: *Я есмь Пастырь Добрый, и знаю Моихъ* [овецъ], *и Мои знаютъ Меня* (Іоан. X, 14). И, наоборотъ, къ нечестивымъ говорится: *Я не знаю васъ, отступите отъ Меня вы, оулаты неправды* (Лук. XIII, 27); а къ неразумнымъ дѣвамъ: *Я не знаю васъ, кто вы* (Мѡ. XXV, 12).

Стихи 10, 11: *Вы соблюдаете дни, мѣсяцы и годы, я опасаюсь [за] васъ, не трудился ли я, можетъ быть, у васъ напрасно.*—Кто не почитаетъ Отца въ духъ и истинѣ, тотъ не знаетъ субботняго покоя, предназначеннаго святымъ, о которыхъ говоритъ Богъ: *Если внидутъ въ покой Мой* (Псал. XCIV, 11); и не о тѣхъ дняхъ воспоминаетъ Онъ, о которыхъ говорится: *Помните дни вѣка* (Исаи XLVI, 9); и въ другомъ мѣстѣ: *Я вспомнилъ о дняхъ древнихъ и держалъ въ умъ годы вѣчные* (Псал. LXXVI, 6). Таковой соблюдаетъ дни Іудейскіе и мѣсяцы, и времена, и годы. Дни.—каковы напримѣръ: субботы, новомѣсячія и время отъ десятаго до четырнадцатаго дня перваго мѣсяца, когда приготавлился тѣлесный агнецъ для жертвы, и отъ четырнадцатаго до двадцать перваго того же мѣсяца, когда были вкушаемы опрѣсноки не чистоты и истины, но въ закваскѣ древней злобы и фарисейскаго беззаконія; [соблюдаетъ] также семь седмиць, тотъ, кто по Іудейскому обряду опрѣсноковъ отсчитываетъ и чтитъ день Пятидесятницы; а также трубные звуки въ седьмой мѣсяцъ въ первый его день. Также и въ десятый день того же мѣсяца тѣ соблюдаютъ очищеніе и постъ, и кущи, которые хранятъ Іудейскіе дни. А мѣсяцы соблюдаютъ первый и седьмой, не разумѣя тайнства истины. Также и дни чтутъ тѣ, которые ежегодно, три раза (ter per annos singulos) являясь въ Іеру-

салимъ, воображаютъ, что они исполняютъ заповѣдь Господа, Который говоритъ: Въ три времени года совершайте праздничный день для меня: праздникъ опрѣсноковъ, праздникъ первой жатвы и праздникъ конца въ исходѣ года (*Исх. XXIII, 14 и дал*) И въ другомъ мѣстѣ: *Въ три времени года будетъ являться твой мужескій полъ предъ лице Господа Бога твоего (Исх. XVІІ, ?)*. А слова его: и годы по моему мнѣнію относятся къ седьмому году отпуска [рабовъ] и къ пятидесятому году, который они называютъ юбилей. Болѣе полно это мѣсто Апостолъ разъясняетъ въ посланіи къ Колоссянамъ, говоря: *Итакъ пусть никто не осуждаетъ васъ за яства, или питія, или въ отношеніи къ части праздничнаго дня, новомѣсячія и субботы, которыя являются тѣнью будущаго (Колосс. II, 16)*. Часть праздничнаго дня онъ употребилъ здѣсь для различенія отъ непрерывнаго празднованія, чтобы, такъ сказать, мы не одну только какую-нибудь частицу всего тѣла, а все теченіе нашей жизни проводили въ непрерывновѣ торжествованіи о Христѣ. А для связи прелыдущаго съ послѣдующимъ скажу, что непосредственно вслѣдъ затѣмъ онъ присоединяетъ въ томъ же посланіи то, что думаетъ о Законѣ Моисеевомъ и объ излишней внимательности при выборѣ яствъ, говоря такъ: Ибо если вы умерли со Христомъ для началъ міра сего, то почему же какъ бы живущіе еще въ этомъ мірѣ вы соблюдаете предписанія: Не касайтесь [того или другого], не отвѣдывайте, не дотрогивайтесь; это губительно въ самомъ пользованіи отъ него, и [это дѣлается] по заповѣдямъ и ученіямъ только человѣческимъ. Но кто-нибудь скажетъ: „Если непозволительно соблюдать дни и мѣсяцы, и времена, и годы, то мы допускаемъ также нѣчто преступное, соблюдая [постъ въ] среду (*quartam sabbati*) и пятницу, празднуя день Господень и постясь въ четырехдесятницу, торжествуя Пасху и радуясь въ день Пятидесятницы, и, наконецъ, почитая соотвѣтственно различнымъ

странамъ установленныя въ нихъ различныя въ честь мучениковъ времена“. Кто на это будетъ отвѣчать просто, тотъ скажетъ: „Дни Іудейскаго празднованія не такіе же, какъ у насъ. Ибо мы торжествуемъ Пасху не опрѣсноковъ, а Пасху крестной смерти и воскресенія, и не по обычаю Евреевъ въ Пятидесятницѣ мы видимъ конецъ семи недѣль, но чтимъ сошествіе Духа Святаго. И нѣкоторые дни установлены для того, чтобы необычное собраніе народа не уменьшало вѣры во Христа, для чего мы всѣ одинаково собираемся вмѣстѣ. Это не потому, что день, въ который мы собираемся, болѣе славенъ, а потому, что въ день, предназначенный для собранія, отъ взаимнаго созерцанія другъ друга возникаетъ большая радость.“ А кто будетъ стараться на представленное возраженіе отвѣчать болѣе остроумно, тотъ пусть твердо стоитъ на томъ, что всѣ дни равны, и не потому, что въ пятницу былъ распятъ Христосъ, и не потому, что въ день Господень Онъ возсталъ изъ мертвыхъ; но каждый день (*semper*) есть день воскресенія, и въ каждый день пусть человѣкъ вкушаетъ плоть Господню. Но посты и собранія установлены мужами мудрыми для тѣхъ людей, которые свободны болѣе для служенія міру, чѣмъ Богу, и не могутъ, или, по крайней мѣрѣ, не хотятъ во всякое время своей жизни собираться въ Церковь и до начала человѣческихъ дѣлъ, приносить Богу жертву своихъ молитвъ. Въ самомъ дѣлѣ сколь велико число тѣхъ, которые всегда соблюдаютъ, по крайней мѣрѣ, эти немногія, установленныя для поста или молитвы времена? Итакъ, въ то время, какъ намъ позволительно какъ поститься, такъ и молиться всегда, и въ радости непрестанно торжествовать день Господень причащеніемъ тѣла Господня; Іудеямъ непозволено во всякое время закалать агнца, проводить Пятидесятницу, устроить кущи и поститься ежедневно. Имѣя достоинство Апостола, онъ [Павелъ] въ дѣйствительности осторожно и съ кротостію святаго мужа умѣрилъ свои слова, говоря такъ: *Я боюсь васъ, чтобы случайно не потрудиться мнѣ у васъ*

напрасно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ захотѣлъ произнести рѣшительное сужденіе, то, конечно, сказалъ бы: *Я боюсь васъ; ибо напрасно трудился у васъ*. А теперь, видя, что они имѣютъ усердіе къ Богу, но не по разуму, не вселяетъ сомнѣнія о спасеніи въ тѣхъ, которые были увлечены благочестивымъ обманомъ, но и не оставляетъ ихъ безъ упрекъ, чтобы не подать повода и имъ къ упорству въ ихъ заблужденіи, и остальнымъ къ заблужденію подобнаго рода. Но онъ употребляетъ выраженіе: *Боюсь васъ* вмѣсто того, чтобы сказать: *Боюсь за васъ*. Напрасно (*sine causa*) трудится учитель тогда, когда онъ призываетъ учениковъ къ высшему, а они чрезъ паденіе низвергаются назадъ къ меньшему и низшему.

Стихъ 12: *Итакъ будьте, какъ я, потому что и я, какъ вы*.—Его слова имѣютъ такой смыслъ: какъ я для васъ нетвердыхъ сдѣлался нетвердымъ и не могъ говорить, какъ духовнымъ, а говорилъ какъ-бы плотскимъ и дѣтямъ во Христѣ, и такъ какъ вы еще не могли питаться твердою пищею, то я напоилъ васъ только Евангельскимъ молокомъ, но не желая, чтобы вы всегда оставались въ дѣтскомъ возрастѣ, а желая по немногу довести васъ до зрѣлости юношескаго возраста, чтобы вы могли принимать твердую пищу: такъ и вы должны быть, какъ и я, т. е. знать болѣе совершенное и, оставивъ молоко, перейти къ болѣе грубому питанію, къ пищѣ въ болѣемъ разиѣрѣ (*ad ravula majora*). Но онъ говоритъ это какъ бы въ подражаніе Спасителю, Который не считалъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, но умалилъ Себя, принимая внѣшній видъ раба и сдѣлался подобнымъ человеку, чтобы мы изъ людей сдѣлались богами, и больше уже не умирали, но возставши вмѣстѣ со Христомъ именовались друзьями Его и братьями, и чтобы ученикъ былъ, какъ Учитель, а рабъ, какъ—господинъ. Но это можетъ быть понято и такъ: „Братъ, говоритъ онъ, заклиная васъ, чтобы, презрѣвъ Іудейское соблюденіе дней, мѣсяцевъ, временъ и

годовъ, которые являются тѣнію будущаго, вы подражали мнѣ, который безъ сопротивленія ходилъ въ Законѣ, но теперь все сталъ считать, какъ отбросы и ни къ чему непригодное. Дѣйствительно, я былъ таковымъ, каковы теперь вы, когда строго держался въ соблюденіи того же самаго и, какъ гонитель опустошалъ Церковь Христову, которая этого не дѣлала.

Стихъ 13 [окончаніе 12-го и 13-й]: *Братіе, клянусь вамъ, что вы ничѣмъ не оскорбили меня; но вы знаете, что я въ немощи плоти благовѣствовалъ вамъ въ первый разъ.*—Къ прежде высказанной мысли присоедили слѣдующую; а чтобы это было болѣе очевидно, пусть будетъ тотъ порядокъ словъ, который мы вводимъ. Заклинаю васъ, братіе, будьте, какъ и я, потому что и я таковъ, какъ вы. Съ этимъ сходно извѣстное слово: *Мы просимъ во имя Христова, примиритесь съ Богомъ* (2 Корнѣ. V, 40). Также и въ другомъ мѣстѣ: *Заклинаю прежде всего, чтобы были молитвы, моленія, прошенія, благодаренія* (1 Тим. II, 1). А также и слова Апостола Петра: *Старцевъ между вами умоляю я, какъ состарецъ самъ, свидѣтель страданій Христовыхъ* (1 Петр. V, 1). Эти слова призываютъ и насъ къ смиренію и поражаютъ гордость тѣхъ епископовъ, которые, будучи поставлены какъ бы на нѣкоторомъ возвышенномъ наблюдательномъ мѣстѣ, едва-едва удостоиваютъ обращать вниманіе на смертныхъ и привѣтствовать ихъ, какъ сослужителей своихъ (*conseruos suos*). Пусть они научатся у Апостола заблуждающихся и неразумныхъ Галатовъ именовать братьями. Пусть они научатся послѣ запрещенія ласковымъ словамъ того, который говоритъ: *Заклинаю васъ* (1 Корнѣ. XI, ?). А заклинаніе его значить то, что они должны подражать ему, какъ онъ подражаетъ Христу; по крайней мѣрѣ на основаніи этого мѣста (*ut praesentem locum sequar*), не велико то, чего онъ требуетъ,—именно: чтобы, какъ онъ ради нихъ изъ ббльшаго сдѣлался меньшимъ, такъ и они отъ меньшаго перешли къ ббльшему. *Ничѣмъ*, говоритъ онъ, *вы не оскорбили*

меня. Ученикъ оскорбляетъ учителя, если своею небрежностію обращаетъ въ ничто (disperdat) его наставленія и его трудъ. Галаты не оскорбили Апостола, такъ какъ даже до настоящаго времени соблюдали его повелѣнія и слѣдовали его благовѣствованію. Или же конечно [можно понять] такъ: Когда я первоначально возвѣстилъ вамъ Евангеліе и, вслѣдствіе немощи вашей плоти, проповѣдалъ вамъ, какъ младенцамъ,— ибо вы не могли усвоить высшихъ святынь (sacramenta),— и самого себя показывалъ какъ бы немощнаго, чтобы пріобрѣсти васъ немощныхъ: то вы развѣ не приняли меня, какъ будто ангела, какъ будто Іисуса Христа? И такъ какъ (cum igitur) вы никогда не оскорбляли меня и рассматривали меня въ вашемъ дѣлѣ отверженнымъ и униженнымъ подобно Сыну Божію; то какимъ образомъ я встрѣчаю съ вашей стороны оскорбленія, когда призываю васъ къ высшему, такъ что пронадаетъ мой трудъ, а ту уступчивость, въ которой я выставлялъ себя какъ бы маловозрастнаго, вы оплакиваете какъ бесполезное дѣло? Но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе немощи плоти не своей, а своихъ слушателей, Павелъ проповѣдуетъ Галатамъ, которые не могли подчинить тѣло слову Божію, и, какъ плотскіе, были неспособны къ духовному пониманію. А для того, чтобы это было очевидно, мы представимъ примѣръ. Въ виду немощи плоти учить тотъ, который говоритъ: *Если не удержатся, то пусть выходятъ замужъ, и: женщина, если умретъ ея мужъ, свободна выйти замужъ за кого угодно, но только о Господѣ* (1 Корнѣ. VП, 9, 39). Но ни въ какомъ случаѣ не учить въ виду немощи плоти тотъ, который напоминаетъ о слѣдующемъ: *Отдѣлившись отъ жены, не ищи жены и: Время теперь* (tempus est), *чтобы имѣющіе женъ были, какъ не имѣющіе* (1 Корнѣ. VП, 27, 29). Дѣйствительно, духовнымъ даются однѣ заповѣди, а плотскимъ другія. И иное есть то, что заповѣдуются по повѣленію, а иное то, что дозволено по снисхожденію.

Стихъ 14: *И испытанія вашего, которое было въ моей плоти, вы не презрѣли и не отвергли; но приняли меня какъ вѣстника Божія, какъ Іисуса Христа.*—Это темное мѣсто, и должно быть съ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ вниманіемъ изслѣдуемо. Дѣйствительно, говорить онъ, я въ виду немощи вашей плоти уже и прежде благовѣствовалъ вамъ, какъ будто младенцамъ и питающимся молокомъ, начиная съ меньшаго и, — такъ сказать, — почти дѣтскимъ лепетомъ. Такое снисхожденіе и подражаніе немощному проповѣданію было, дѣйствительно, съ моей стороны, преднамѣреннымъ (mea gubernatio); но для васъ это было испытаніемъ: будетъ ли угодно вамъ и покажется-ли великимъ то, что условно было менѣе себя самого и выставлялось съ моей стороны, какъ низменное. И, дѣйствительно, вы, принимая это, не какъ малозначительное, но какъ великое, были настолько удивлены, что меня, провозглашавшаго это, приняли какъ бы вѣстника (angelum) [Божія] или, — даже болѣе, — какъ бы Сына Божія. Такимъ образомъ это ваше испытаніе, которому я подвергалъ васъ доступнымъ плотскому разумѣнію уничиженіемъ своей рѣчи не было въ презрѣніи у васъ, не было и малоцѣннымъ въ вашихъ глазахъ, наоборотъ, оно было принято съ болѣе-шимъ почтеніемъ, чѣмъ я думалъ. Это мѣсто можетъ быть разъяснено также и такъ: Когда я пришелъ къ вамъ, то пришелъ не съ премудрою рѣчью, а какъ человѣкъ низкій и презрѣнный, ничего великаго не сообщая, какъ [только] о Распятомъ. И такъ, когда вы увидѣли меня одѣтаго тѣломъ, подверженнымъ немощамъ, то вы не поругались надъ человекомъ, обѣщающимъ небесное царство и не почли его достойнымъ презрѣнія; потому что вы понимали уничиженіе моей плоти и то, что малоцѣнность ея вѣншей оболочки была предназначена для вашего испытанія: именно презирали ли вы того, который со стороны невѣрующихъ считался достойнымъ презрѣнія? Нѣтъ, напротивъ: вы его презрѣннаго, униженнаго и малозначущаго приняли, какъ вѣстника Божія

и даже болѣе, чѣмъ какъ вѣстника (angelum). Конечно мы также можемъ думать, что Апостоль въ то время, когда явился въ первый разъ къ Галатамъ, былъ боленъ и одержимъ нѣкоторою тѣлесною немощію; однако онъ не прекратилъ [проповѣданія], и не удержалъ въ молчаніи своего голоса, чтобы проповѣдать начатое благовѣствованіе. Ибо разсказываютъ, что его часто мучила сильнѣйшая боль головы; и это былъ именно тотъ ангелъ сатаны, который былъ приставленъ къ нему, чтобы дѣлать ему непріятности, чтобы онъ не превозносился. Эта немощь и это утомленіе тѣла для тѣхъ людей, которымъ провозвѣщалось Евангеліе, была испытаніемъ: примутъ ли они его, когда онъ будетъ провозглашать болѣе возвышенное,—онъ, подверженный немощамъ тѣлеснымъ. Также можно сказать [въ объясненіе этого текста] и слѣдующее. Въ первое время по приходѣ своемъ къ Галатамъ онъ претерпѣлъ ругательства, гоненія и тѣлесные удары со стороны тѣхъ, которые шли противъ проповѣди Евангелія, и для Галатовъ это было испытаніе даже весьма большимъ, когда они видѣли, что Апостоль Христовъ подвергается ударамъ. А слова его о томъ, что они приняли его, какъ вѣстника Божія (angelum), какъ Іисуса Христа, показываютъ, во-первыхъ, то, что Христосъ болѣе ангела [или: ангеловъ]; хотя Псалмопѣвецъ провозглашаетъ Его меньшимъ ангеловъ, говоря: *Умалилъ Его сравнительно съ ангелами немногимъ* (Псалм. VШ, 6); а во вторыхъ, показываетъ въ началѣ такое значеніе своихъ словъ, что ангелы признаются и помазанными (et Christi).

Стяхи 15, 16: *Итакъ, гдѣ же ваше блаженство? Ибо я свидѣтельствую предъ вами, что, если бы это было возможно, то вы вырвали бы свои очи и дали бы мнѣ. Итакъ, говоря истину вамъ, сдѣлался ли я вашимъ врагомъ.*—Блаженъ тотъ, кто ходитъ по пути добродѣтелей, но только если дошелъ до добродѣтелей. Ни къ чему не служить оставленіе порока, если ты не постигнешъ высшихъ (добрыхъ дѣлъ),

потому что въ добрыхъ дѣяніяхъ достойно похвалы не столько начало, сколько конецъ. Ибо, какъ много степеней есть въ виноградникѣ до времени выжиманія вина изъ кисти въ точилѣ: сперва необходимо, чтобы лоза дала почки на вѣтвяхъ, [потомъ], чтобы она возбудила надежду [на урожай] цвѣтеніемъ, послѣ же того, чтобы, по опаденіи цвѣта, образовались внѣшнія особенности кистей и чтобы мало-по-малу вспухающій ростокъ произвелъ ягоды, которыя могли бы быть выжаты въ точилѣ и дали сладкій сокъ: такъ и въ ученіи есть отдѣльныя степени приближенія къ блаженству [или: совершенствованія въ блаженствѣ], такъ что необходимо, чтобы люди слушали слово Божіе, чтобы воспринимали его, чтобы оно достигло степени зрѣлости въ глубинѣ (utero) ихъ души и достигло до рожденія; необходимо, чтобы они, когда родятъ его, воспитали его молокомъ и довели его до мужа совершеннаго чрезъ младенчество, дѣтство, отрочество и юность. Итакъ, когда каждая отдѣльно степень, какъ мы сказали, соотвѣтственно своему возвышенію имѣетъ [извѣстную долю] блаженства, то,—если не будетъ должнаго конца и, такъ сказать, послѣдняго удара руки въ дѣлѣ, — весь трудъ будетъ напраснымъ, и будетъ сказано: *Гдѣ ваше блаженство?* Хотя, говоритъ онъ, вы въ то время, когда принимали Евангеліе по плоти, были названы блаженными отъ меня, потому что вы пламенно отнеслись къ начинаніямъ; однако теперь, когда я не вижу еще, чтобы было окончено завершеніе зданія, и почти не заложено еще основаніе зданія, то я вынужденъ сказать: *Итакъ, гдѣ же ваше блаженство*, за которое я прежде похвалялъ васъ, считая васъ блаженными. Ибо по истинѣ я и самъ сознаюсь, что вы въ началѣ такъ полюбили меня, проповѣдовавшаго вамъ въ низменныхъ образахъ (humilia), или подвергавшагося гоненіямъ, что если бы было возможно (то, что говорится здѣсь, должно принимать въ преувеличенномъ смыслѣ), то вырвали бы свои глаза и отдали бы мнѣ, чтобы я лучше видѣлъ всѣми вашими глазами. Дѣй-

ствительно, вы желали бы по неизреченной ко мнѣ любви быть слѣпыми; чтобы въ сердцѣ моемъ возсіялъ (orietur) свѣтъ Евангелія, вы мой успѣхъ хотѣли увеличить своимъ убыткомъ; и это въ то самое время, когда я возвѣщалъ вамъ незначительное и простое, какъ бы младенцамъ и питающимся молокомъ въ виду немощи плоти вашей, или когда я вслѣдствіе страданій своей плоти былъ въ вашихъ глазахъ недостойнымъ довѣрія. А теперь, когда я сталъ призывать васъ отъ начатковъ и слоговъ и дѣтскаго чтенія,—сталъ призывать васъ къ высшимъ занятіямъ, чтобы вы держали книги въ рукахъ и изучали слова, полныя учености и [глубокаго] смысла, вы отталкиваете (recalcitratis—брыкаетесь), гнѣваетесь; усовершенствованіе ученія кажется вамъ очень тяжкимъ; и вы настолько измѣнились въ своихъ чувстваваніяхъ (in alios mutati estis affectus), что меня принимали какъ будто вѣстника Божія (angelum), какъ Христа; тотъ, которому вы хотѣли вручить свои очи, теперь для васъ, какъ будто врагъ, ибо я возвѣщаю вамъ полную истину. Но онъ искусно окончилъ свою мысль, говоря: *Итакъ сдѣлался ли я вамъ врагомъ, говоря вамъ истину?* чтобы показать, что начатки проповѣди были не столько истиною, сколько тѣнью и образомъ истины. Съ этимъ сходна извѣстная мысль знаменитаго у Римлянъ поэта (Теренцій, in And. I, 1.): „Угодливость порождаетъ друзей, истина возбуждаетъ ненависть“. Но обрати вниманіе на то, сколь первая [мысль Апостола] лучше послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, Апостолъ умѣрилъ свою мысль и далъ ей особое значеніе, обращаясь именно къ тѣмъ, которыхъ онъ [прежде] называлъ несмысленными и разсматривалъ, какъ младенцевъ, т. е. собственно только лично къ Галатамъ; а названный поэтъ очень заблуждался, когда объявилъ это свое сужденіе всеобще пригоднымъ, имѣющимъ значеніе въ отношеніи ко всѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, угодливость, которая по его мнѣнію дѣлаетъ друзей, когда она лишена истины, является не угодливостію, а скорѣе

льстивостію и потворствомъ, что́, — очевидно, — должно назвать скорѣе скрытою враждою, чѣмъ дружною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо обратить вниманіе и на то, что и нынѣ также, пока еще у младенцевъ и питающихся молокомъ, и у тѣхъ, у которыхъ въ сердцахъ не возросъ еще Христосъ и не преуспѣлъ въ возрастѣ и премудрости, и благодати предъ Богомъ и людьми, мы изъясняемъ имъ Писаніе буквально, и за это встрѣчаемъ похвалы, почетъ и удивленіе. А когда мало-помалу начнемъ призывать ихъ, чтобы они переходили къ высшему, то они изъ восхвалителей нашихъ обращаются во враговъ и предпочитаютъ слѣдовать скорѣе Іудеямъ, чѣмъ Апостоламъ, хотя они, отступая отъ ученія и преданій фарисейскихъ, приступили ко Христу и совершенству Закона; они не удостоиваются принимать слова Божія, которое повелѣваетъ учителямъ Церкви восходить къ высшимъ ученіямъ (dogmata) и всѣми силами возвышать голосъ и не бояться возгласовъ бѣгающихъ вокругъ дѣтей, говоря: *Sionъ благоговѣющій! взойди на гору возвышенную; Іерусалимъ, проповѣдующій! съ силою возвысь свой голосъ, возвысь, не бойся (Исаи XL, 9).*

Стихи 17, 18: *Они выказываютъ къ вамъ не добрую ревность, но хотятъ васъ отлучить, чтобы вы соревновали имъ. — Вы всегда имѣете добрую ревность въ добромъ, а не только тогда, когда я бываю у васъ. — Имѣютъ добрую ревность тѣ, которые, видя въ комъ-нибудь благорасположеніе, дарованія и добродѣтели, желаютъ и сами быть таковыми же и стремятся подражать вѣрѣ жизни и трудамъ таковыхъ людей, которыми эти послѣдніе пріобрѣли себѣ пзвѣстность, чтобы снискать и себѣ тѣ дарованія, которыя достойны добраго подражанія. Относительно ихъ говоритъ св. Апостолъ: Ревностно стремитесь къ духовному, а больше всего, чтобы пророчествовать; а прежде этого: Такъ и вы; такъ какъ вы ревнители о духовномъ, то для созиданія Церкви стремитесь къ тому, чтобы изобиловать; и снова: Итакъ, братіе, ревностно стремитесь пророчествовать и не за-*

прещайте говорить языками. Ревность не добрую обнаруживаютъ тѣ, которые не столько сами желаютъ быть лучшими, чтобы подражать тѣмъ, которые достойны соревнования, сколько, наоборотъ, хотятъ сдѣлать худшими ихъ и развращенною ревностью увлечь ихъ назадъ. Для примѣра можно сказать вотъ что: Кто-нибудь христіанинъ, читаетъ Моисея и пророковъ, знаетъ, что все, бывшее прежде только какъ бы въ тѣни и въ видѣ [неясныхъ] образовъ, представлялось тому народу, а написано это ради насъ, для которыхъ и исполнилось въ концѣ вѣковъ. Подъ обрѣзаніемъ онъ разумѣетъ не столько обрѣзаніе крайней плоти, сколько обрѣзаніе слуха (аугіум) и сердца. Онъ воскресъ вмѣстѣ со Христомъ и стремится къ высокому. Онъ освобожденъ отъ тяжести и рабства Закону, который повелѣваетъ: „не прикасайся“, „не вкушай“, „не оскверняй [себя]“. Если такого кто-либо захочетъ убѣждать отъ Писаній такъ, чтобы онъ принималъ написанное не въ образномъ (переносномъ) значеніи, а соотвѣтственно убивающей буквѣ, съ цѣлію сдѣлать его не тайнымъ, а открытымъ Іудеемъ, то таковой обнаруживаетъ къ нему не добрую ревность; наоборотъ, онъ снѣшитъ увлечь назадъ того, кто быстрымъ движеніемъ стремится къ высшему, чтобы этотъ послѣдній, возвращаясь назадъ, болѣе подражалъ первому. Итакъ рѣчь обращается къ тѣмъ Галатамъ, которые были увлечены почитателями Закона, чтобы они подражали этимъ послѣднимъ, хотя скорѣе послѣдніе должны были бы подражать имъ. Въ самомъ дѣлѣ, естественно, чтобы высшее слѣдовало за низшимъ, а не меньшее за болѣе высокимъ; поэтому (et) онъ и говоритъ: *Имѣйте добрую ревность о добромъ всегда*, т. е. не желайте подражать строгимъ послѣдователямъ Іудейскихъ предписаній, но подражайте тому, что хорошо Дѣйствительно, какъ тотъ, который ревностно стремится къ богатству, могуществу и достоинству кого-либо другого, тотъ ревниво относится не столько къ добродѣтели, сколько къ тому, чего должно

избѣгать; такъ и вы имѣйте добрую ревность о добрѣ, стремясь болѣе къ духовному, чѣмъ къ плотскому, чтобы не они васъ научали быть Іудеями, а вы ихъ—христіанами. И дѣлайте это всегда, чтобы непрерывнымъ движеніемъ вамъ было возможно дойти до полного окончанія добраго дѣла. И хотя вы были добрыми ревнителями въ добрѣ прежде, когда я былъ съ вами; однако послѣ того, какъ я ушелъ отъ васъ, вы потеряли все, что я передалъ вамъ; отъ безопасной пристани и вполне надежной стоянки вы снова были подхвачены на высоту вздувающеюся волною. Не удивительно, если по уходѣ Апостола,—избраннаго сосуда,—въ которомъ говорилъ Іисусъ Христосъ Господь, Галаты измѣнились, такъ какъ и нынѣ мы видимъ то же самое въ Церквахъ. Дѣйствительно, если когда-либо появится какой-либо учитель въ Церкви, знаменитый краснорѣчіемъ и [доброю] жизнью, и возбуждающій слушателей къ добродѣтелямъ, какъ бы нѣкоторыми поощреніями, то мы видимъ, что весь народъ съ пламенною ревностью спѣшитъ къ милостынямъ, постамъ, непорочной жизни, къ заботамъ о бѣдныхъ и погребеніи [неимущихъ] и тому подобное. А когда онъ уйдетъ, то народъ мало по малу увядаетъ и съ уменьшеніемъ пищи блѣднѣетъ, худѣетъ и дѣлается печальнымъ, такъ что наступаетъ конецъ всему тому, что прежде было въ цвѣтущемъ состояніи. По этой причинѣ жатва обильная, а дѣлающихъ мало (Мѡ. IX, 37); будетъ же просить Господа жатвы, чтобы Онъ послалъ дѣлателей на жатву, которые, приготовляя будущую пшеницу, срѣзали бы, связали и свесили въ житницы колосья народа Христіанскаго, стоящія въ Церкви, ни-
 коимъ образомъ не допустили бы ихъ до гибели. А это говорится о томъ усердіи и той развращенной ревности, о которой и въ другомъ мѣстѣ говорится: *Не будь ревностенъ къ людямъ лукавымъ* (Псал. XXXVI, 1) и здѣсь: *Они обнаруживаютъ къ вамъ не добрую ревность*. Но мы находимъ и другую ревность, которую выказали сыны Іакова къ брату

своему Іосифу (*Быт.* XXXVI, и дал.), а Марія и Ааронъ къ другу Господню Моисею (*Числ.* XII,). Но въ дѣйствительности ни тѣ, ни другіе не были побуждены къ ревности тѣмъ, чтобы быть лучшими, чѣмъ Іосифъ и Моисей, а горькою скорбію о томъ, что эти лучше ихъ. Этого рода ревность граничить съ завистью. Было бы слишкомъ долго, если бы я захотѣлъ представить изъ сокровищницы Св. Писанія всѣ роды ревности доброй или злой. Мы читаемъ о доброй ревности Финесса, Иліи, Матаѳіи (*Числ.* XXV; 3 *Цар.* XIX; 1 *Мак.* II) и Апостола Іуды [не предателя], который за извѣстную добродѣтель ревности получилъ даже имя *Зилотъ* (ревнитель); а о ревности злой между Авелемъ и Каиномъ (*Быт.* IV) и прочими; то же самое и ревность того мужа, о которомъ написано: *И нашелъ на него духъ ревности* (*Числ.* V), если только это не безразличная (*medius*) ревность, которая не можетъ быть принята ни въ добрую, ни въ дурную сторону, а есть нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ и скорѣе называется ревностію. [Можетъ быть и] иначе: Обрѣзанные, видя, что Галаты изъ язычниковъ имѣютъ въ изобиліи дарованныя отъ святаго Духа силы, а сами, не имѣя ни дара языковъ, ни дара исцѣленій, ни дара пророчества, движимые ревностію, хотѣли отвлечь тѣхъ въ сторону ига Закона, чтобы и они были подобны обрѣзаннымъ.

Стихъ 19: *Дѣти мои возлюбленные, которыхъ я снова рождаю, пока не изобразится въ васъ Христосъ.*—Съ какими трудностями и съ какою болѣзнію исходитъ изъ чрева плодъ, объ этомъ говоритъ первоначальное проклятiе такими словами: *Въ болѣзняхъ ты будешь рождать дѣтей* (*Быт.* III, 16). Итакъ Апостоль, желая показать заботливость учителей объ ученикахъ [и то], какія чувства претерпѣваютъ они изъ боязни, чтобы послѣдователи ихъ не отступили отъ спасенія, говоритъ: *Дѣти мои возлюбленные, которыхъ я снова рождаю.* Дѣйствительно тотъ, который въ другомъ мѣстѣ говорилъ какъ отецъ: *Хотя бы вы и десять тысячъ*

воспитателей имѣли во Христѣ, но [имѣете] не многихъ отцовъ (1 Корнѣ IV, 15), теперь обращается къ ученикамъ не какъ отецъ, а какъ мать о Христѣ, чтобы они признали въ немъ страданія и благорасположеніе, какъ перваго, такъ и второй. Это то же, что и Моисей говорилъ о народѣ: *Разъ я во чревѣ своемъ зачалъ весь народъ сей* (Числ. XI, 12). Кто, по твоему мнѣнію, пзъ насъ такъ скорбитъ о спасеніи учениковъ, чтобы не немногіе часы или не два или три дня, а въ теченіе всей своей жизни мучится, пока не изобразится въ нихъ Христосъ? Намъ необходимо тщательно держаться примѣра, принятаго Апостоломъ, т. е. примѣра плода женщины, зачинающей и образующей въ себѣ сѣмена, чтобы мы могли понять то, что говорится. За природу не должно краснѣть; наоборотъ, она должна быть предметомъ почтенія. Какъ въ пѣдра (vulvam) женщины сперва вводится безобразное сѣмя, чтобы каналами и внутренностію ея оно было прихвачено какъ бы какимъ-либо клейкимъ веществомъ, — съ этимъ и пророкъ говоритъ, вспоминая о своемъ зачатіи такъ: *Зарожденіе мое видѣли очи Твои* (Псал. CXXXVIII, 16), — а потомъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ при дѣйствіи крови будущій человекъ затвердѣваетъ, получаетъ тѣло и внѣшній видъ, питается и становится замѣтнымъ, такъ что движется послѣ того во чревѣ и въ определенное время появляется на свѣтъ; при этомъ онъ рождается со столькими трудностями, съ сколькими потомъ выкармливается, чтобы впоследствии не погибнуть: такъ и сѣмя слова Христова западаетъ въ душу слушающаго, возрастаетъ по степенямъ своимъ и, — я пропущу многое, потому что мы легко можемъ тѣлесное описаніе перенести на духовное пониманіе, — такъ же долго бываетъ въ неопредѣленномъ положеніи, какъ долго рождаетъ та, которая зачала. Не тотъ часъ же оканчивается трудъ; а тогда же начинается другой трудъ, состоящій въ томъ, чтобы воспитать живущее молочною пищею дѣтство заботливо приготовленными яствами и довести

его до полного возраста Христова. И какъ въ брачной жизни часто бываетъ такъ, что сѣмя мужа является причиною того, что не рождаются дѣти, а иногда бесплодная женщина не удерживаетъ сѣмени, и часто ни тотъ, ни другой изъ супруговъ не бываетъ способенъ къ рожденію, и, наоборотъ, тотъ и другой бываетъ плодороденъ; такъ и въ тѣхъ, которые сѣять сѣмя слова Божія наблюдается то же самое явленіе въ четырехъ видахъ: бываетъ такъ, что, хотя учитель исполняетъ свою обязанность, но слушатель бываетъ бесплоденъ; или же слушатель бываетъ добрыхъ природныхъ дарованій, но вслѣдствіе неопытности учителя гибнетъ сѣмя слова; или же несомнѣнно бываетъ и такъ, что безразсуднымъ бываетъ и тотъ, кто учитъ, и тотъ, кто воспринимаетъ [ученіе]; и рѣдко встрѣчается то, что учитель и ученикъ бываютъ согласны между собою,—именно въ томъ отношеніи, что первый учитъ настолько, насколько послѣдній можетъ усвоить, или учащійся способенъ воспринять столько, сколько учитель сообщить. Мы не знаемъ, какой псаломъ, какая часть пророчества, какая глава Закона, и однако, обладая свободою рѣчи, смѣло истолковываемъ то, чего никѣмъ образомъ не разумѣемъ. Но къ намъ относится то, что Христосъ изобразится въ народѣ, такъ что каждый, возвращаясь въ домъ свой, имѣетъ въ себѣ сѣмя слова Божія, которое, когда онъ получитъ, то можетъ сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: *Отъ страха Твоего, Господи, мы зачали и родили; сыновъ спасенія Твоего мы создали на землѣ* (Исаи XXVI, 17, 18 [18]). Таковые обращаются въ Апостоловъ и заслуживаютъ [или: заслужать] того, чтобы услышать отъ Господа: *Ито исполнитъ волю Отца Моего, тотъ есть братъ Мой и сестра, и мать* (МѠ XXII, 50), при этомъ различіе совершенствъ показано въ различіи именъ. Христосъ изображается въ сердцахъ вѣрующихъ также и тогда, когда для нихъ раскрываются всѣ священнодѣйствія (sacramenta) и становится яснымъ то, что было повидимому темнымъ.

Но нужно также обратить вниманіе и на то, что человѣкъ чрезъ грѣхъ нѣкоторымъ образомъ пересталъ существовать, а чрезъ покаяніе снова зачинается отъ учителя и снова въ немъ обѣщается изображеніе Христа. Это говорится противъ Новаціанъ, которые отказываются возстановлять [въ достоинствѣ членовъ Церкви] тѣхъ, которые однажды совершили грѣхи.

Стихъ 20: *Но я желалъ бы быть у васъ и перемѣнить голосъ свой, потому что я нахожусь въ смущеніи среди васъ.*—Божественное писаніе имѣетъ созидающее дѣйствіе даже, когда и читается; но гораздо болѣе бываетъ полезно, если отъ буквъ обращаются къ слову, т. е. чтобы учившій прежде съ помощію посланія сталъ личнымъ присутствіемъ наставлять слушателей. Дѣйствительно, живое слово имѣетъ великую силу.—именно слово, звучащее изъ устъ своего творца, произносимое съ тѣми отбѣнками, съ которыми оно зародилось въ сердцѣ человѣка. Итакъ Апостоль, зная, что рѣчь произносимая въ присутствіи слушателей имѣетъ великую силу, желаетъ замѣнить слово посланія, —слово, записанное на бумагѣ,—словомъ, обращеннымъ къ присутствующимъ слушателямъ, и, такъ какъ это болѣе полезно для тѣхъ, которые были развращены заблужденіемъ, снова привлечь ихъ къ истинѣ живую рѣчью. А это потому, что онъ находился въ смущеніи [или смущался] въ средѣ ихъ; впрочемъ, погречески это мѣсто выражено болѣе соотвѣтственнымъ словомъ; ибо ἀποροῦμαι обозначаетъ не столько *смущеніе*,—что у нихъ выражается словами ἀποχύνη или σβυχρσις,—сколько *недостатокъ*, или *нужду*. Итакъ смыслъ получается такой: Я хотѣлъ бы теперь быть у васъ, слово, письменно выраженное, произнести лично предъ вами не потому что я имѣю недостатокъ въ васъ. Это потому, что я, не имѣю плодовъ, которые ученики обыкновенно имѣютъ отъ учителей, и что сѣмя ученія брошено напрасно (sine causa), такъ какъ совершенно терплю у васъ бѣдность; такъ что могу приложить здѣсь и слово пророка Іереміи: *Я не принесъ пользы и мнѣ*

никто не принесъ пользы (Іерем. XXIII, 23). Это мѣсто можетъ быть истолковано и иначе. Апостолъ Павелъ, сдѣлавшійся для Іудеевъ Іудеемъ, чтобы пріобрѣсти Іудеевъ (1 Корнѳ. IX), а для бывшихъ подъ закономъ, какъ бы и самъ былъ подъ закономъ, и для немощныхъ—немощнымъ, чтобы пріобрѣсти немощныхъ, измѣнялъ слово свое соотвѣтственно качествамъ тѣхъ, которыхъ желалъ спасти и по подобію участвующихъ въ представленіяхъ (ибо дѣйствительно онъ сдѣлался зрѣлищемъ для міра и ангеловъ и людей, (1 Корнѳ. IV), приспособляетъ свой голосъ и одежду соотвѣтственно извѣстному образу. Это не значитъ, чтобы было на дѣлѣ то, что онъ изображалъ; но то, что [смотрящимъ] должно было казаться то, что было полезно для другихъ. Онъ видитъ, что Галаты нуждаются въ другомъ ученіи, что они должны спастись другимъ путемъ, а не тѣмъ, которымъ они прежде были приведены къ вѣрѣ Христовой изъ язычества и теперь онъ вынужденъ сказать: *Я нынѣ хотѣлъ быть у васъ и измѣнить свое слово потому, что нахожусь въ смущеніи относительно васъ.* Я не вижу, говоритъ онъ, что бы помогло вамъ, если я буду говорить вамъ то, что прежде; а потому, не зная, что мнѣ дѣлать, и употребивъ различныя средства (in diversa distractus), я терзаюсь, мучусь и нахожусь въ смятеніи. И какъ врачи, видя, что сила ихъ искусства недѣйствительна при первомъ леченіи, переходятъ къ другому и до тѣхъ поръ испытываютъ, что полезно изъ многихъ лекарствъ, пока дойдутъ до исцѣленія больного, такъ что неизлѣчимое при помощи какого-либо смягчающаго средства излѣчивается прижиганіемъ или еще болѣе сильно дѣйствующимъ средствомъ; такъ и я, находясь относительно васъ въ смущеніи и въ невѣденіи, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону, хотѣлъ бы настоящее писанное слово произнести устами и самолично исправить васъ съ большею, чѣмъ обыкновенно, строгостью; въ самомъ дѣлѣ, слово посланія не можетъ выразить оттѣнковъ голоса гнѣвающагося; оно не въ силахъ отразить

крикъ гнѣвающагося и скорбь сердца представить соотвѣтственными оттѣнками. Я воспользовался въ отношеніи васъ ласкательнымъ словомъ: *Братіе! закликаю васъ, и: Сыны мои возлюбленные, которыхъ я снова рождаю, пока Христосъ не изобразится въ васъ*; но я, ласковый и кроткій, говорившій вамъ подобно отцу, вслѣдствіе любви, которая не позволяетъ мнѣ переносить вашей гибели и вѣчныхъ заблужденій, теперь хотѣлъ бы самолично быть у васъ, если бы меня не стѣсняли узы исповѣдничества, и свое ласковое слово измѣнить на слово гнѣвающагося. Дѣло не легкое для меня сегодня быть ласковымъ, а завтра гнѣваться: къ этому, т. е. обращаться къ вамъ съ выраженіемъ различныхъ чувствъ, побуждаетъ меня любовь, побуждаетъ меня скорбь. Дѣйствительно, я сперва не знаю самъ, какими словами я неожиданно заговорю (*propterea*), и какимъ лекаствомъ я долженъ лѣчить васъ, потому что я нахожусь въ смущеніи относительно васъ.

Стихъ 21: *Желающіе быть подъ игомъ закона, скажите мнѣ, развѣ вы не подчиняетесь Закону?*—Необходимо замѣтить, что подъ названнымъ здѣсь Закономъ разумѣются повѣствованія Книги Бытія, и не то,—какъ полагаютъ обыкновенно,—что нужно дѣлать, или чего должно избѣгать; а названо Закономъ все то, что говорится объ Авраамѣ и его женахъ и дѣтяхъ (*Іоан. XV*). И въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, что Закономъ также называются и пророки. Итакъ слушаетъ Законъ тотъ, кто, по слову Апостола, взираетъ не на поверхность его, а на его внутреннѣйшее содержаніе (*medullam*); а не слушаетъ Закона тотъ, кто,—подобно Галатамъ,—слѣдуетъ только его поверхностному значенію (*exteriorem corticem*).

Стихи 22, 23: *Ибо написано, что Авраамъ имѣлъ двухъ сыновей, одного отъ рабыни, а другого отъ свободной. Но тотъ, который отъ служанки, былъ рожденъ по плоти, а тотъ, который отъ свободной—по обѣтованію*—Обѣ-

ясненіе [этого мѣста] представляетъ большія трудности. Только Исаакъ, рожденный отъ Сары, былъ рожденъ по обѣтованію, но это не Исмаиль, рожденный отъ Египтянки Агари. Дѣйствительно, Писаніе сообщаетъ, что когда изъ-за преслѣдованій Сары Агарь бѣжала беременною, и явился ей Ангелъ въ пустынѣ, и повелѣлъ ей подчиниться госпожѣ своей, то тотъ же самый Ангелъ при этомъ сказалъ слѣдующее: *Я весьма умножу стмя твою, и оно вслѣдствіе множества будетъ безчисленно (Быт. XVI, 10).* А послѣ того объ Исмаилѣ (конечно никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что это слова обѣтованія) говорится: *Онъ будетъ дикимъ человекомъ, и руки его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него, и будетъ онъ жить противъ лица всѣхъ братій своихъ.* Но [на это] можно отвѣтить, что обѣтованіе ангела имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ обѣтованіе божіе, ибо, какъ звезда по восходѣ солнца не даетъ лучей, такъ и слова ангела темнѣютъ при сравненіи съ обѣтованіемъ Божіимъ, и исчезаютъ и считаются за ничто. Впрочемъ, такой отвѣтъ только повидимому имѣетъ нѣкоторое значеніе, потому что уничтожается вслѣдъ затѣмъ обязательными для насъ словами Писанія; ибо написано: *Авраамъ же сказалъ Богу: Сей Исмаиль да будетъ живъ предъ лицемъ Твоимъ (Быт. XVII, 18—20);* и Богъ отвѣчалъ Ему такъ: *Вотъ Сара, жена твоя родитъ тебѣ сына, и дашь ему имя Исаакъ, и установлю заветъ Мой съ нимъ, и заветъ вѣчный, и съ стменемъ его послѣ него. Объ Измаилѣ же: вотъ я услышалъ тебя, и вотъ благословилъ его и умножу его, и увеличу много. Девнадцать народовъ произведетъ онъ и сдѣлаю его родомъ великимъ; а заветъ Мой установлю съ Исаакомъ, котораго родитъ тебѣ Сара въ это время въ будущемъ году* Изъ этихъ словъ очевидно, что словомъ самого Бога [подтверждается, что] Исмаиль рожденъ по обѣтованію; но и это разрѣшается такъ, что обѣтованіе дается собственно въ исполненіи Завета и одно значитъ благосло-

вить, умножить, сильно увеличить, что написано касательно Измаила, а другое—сдѣлать наслѣдникомъ по завѣщанію, что говорится объ Исаакѣ: *Установлю Завѣтъ Мой съ нимъ, и Завѣтъ вѣчный и съ стѣменемъ его послѣ него*, а также и въ дальнѣйшихъ словахъ: *Завѣтъ же Мой установлю съ Исаакомъ, котораго родитъ тебѣ Сара (Быт. XVII, 19)*. И подобно тому, какъ дары—одно, а имѣніе—другое, или закономъ опредѣленное—одно, и по наслѣдству полученное другое (вѣдь мы читаемъ, что сыновьямъ наложницъ Авраама даны дары, а сыну Сары оставлено наслѣдство надъ всемъ имуществомъ); итакъ,—какъ мы сказали,—благословеніе, хотя бы и законное—одно, а Завѣтъ—другое. Но относительно Измаила можетъ быть сказано и то, что послѣ зачатія его было слово или Ангела, или Божіе. А относительно Исаака, Богъ далъ обѣтованіе, прежде чѣмъ онъ былъ зачатъ во чревѣ Сары. Между прочимъ это сказано нами въ такой мѣрѣ, въ какой можетъ посредственность нашего природнаго ума постигнуть. Впрочемъ, если кто-нибудь можетъ придумать (invenire) что-либо большее для объясненія того, какимъ образомъ родившійся отъ служанки Измаиль не есть сынъ обѣтованія,—но таковъ именно Исаакъ, родившійся отъ свободной: то лучше выслушать его. *И хотя*, говорить Апостоль, *вы имѣете иныя чувствованія, однако и это открылъ вамъ Богъ*. Нынѣ въ краткихъ словахъ нужно простерѣться къ высшему, чтобы сказать, что каждый изъ насъ сначала рождается не по обѣтованію, пока бываетъ наставляемъ простыми словами Писаній и еще услаждается Іудейскими толкованіями; но когда онъ перейдетъ къ болѣе возвышенному и постигнетъ Законъ духовный, тогда онъ рождается отъ обѣтованія, и,—болѣе ясно выражаясь,—постоянно всѣ дѣлающіе дѣла Авраама, рождаются отъ Авраама; а тѣ, которые имѣютъ еще духа рабства паки въ боязнь, рождены отъ Египетской служанки; рождены отъ свободной Сары тѣ,

которые получили духа усыновленія: этою свободою мы одарены отъ Христа. Іудеямъ, еще и донынѣ желающимъ быть сынами служанки, Господь говорить: *Если пребудете въ Слово Моемъ, то по истинѣ будете учениками Моими, и познаете истину, и истина свободуетъ васъ свободными* (Іоан. VІІІ, 31, 32). Поэтому они, не зная, что сказанное должно понимать таинственно, говорятъ: *Мы—сымя Авраама и никому никогда не служили, какъ же ты говоришь: „Свободны будете“.* Отвѣчлъ имъ Іисусъ: *„Истинно, истинно говорю вамъ, что всякій, творящій грѣхъ, есть рабъ грѣха. А рабъ не бываетъ въ домъ вѣчно, сынъ же остается навсегда“.* Если мы рабы грѣха, то насъ родила Египтянка Агарь, но если грѣхъ не царствуетъ въ нашемъ мертвенномъ тѣлѣ, то мы по истинѣ сыны Божіи.

Стихъ 24 [начало]: *Въ этихъ словахъ заключается иносказаніе* [это сказано въ переносномъ смыслѣ (per allegoriam dicta)].—Въ собственномъ смыслѣ *аллегорія* есть одинъ изъ оборотовъ грамматики; а въ чемъ онъ отличается отъ *метафоры* и прочихъ оборотовъ образной рѣчи (caeteris tropis), объ этомъ мы еще дѣтскими узнаемъ въ школахъ. Она одно говоритъ въ словахъ, а другое—въ значеніи, соединяемомъ съ ними. Иносказаніями наполнены книги представителей краснорѣчія и поэтовъ. И божественное Писаніе съ помощію ихъ составлено въ значительной своей части. Имѣя это въ виду, Апостолъ Павелъ (ибо онъ отчасти касался и свѣтскихъ книгъ) воспользовался самымъ названіемъ оборота, такъ что назвалъ его иносказаніемъ, какъ это говорилось у его соотечественниковъ, чтобы показать настоящимъ смысломъ этого мѣста, какъ злоупотребляютъ греческіе писатели [этимъ оборотомъ]. А что Апостолъ Павелъ, хотя и не совершенно, все-таки зналъ свѣтскія писанія, объ этомъ свидѣлствуютъ его собственные слова: *Нѣкоторые изъ нихъ сказали, —собственный ихъ пророкъ: „Критяне всегда лживы, злыя животныя, лѣнныя утробы“* (Тит. I, 12).

Это такъ называемый героическій стихъ писателя Эпименида, о которомъ вспоминають и Платонъ, и прочіе древніе писатели. Также и предъ Аѳинянами, когда говорилъ въ Ареопагѣ, онъ прибавилъ: *Какъ и нѣкоторые изъ вашихъ поэтовъ сказали: „Ибо и мы Его родъ“* (Дьян. XVІІ, 28). Это полустішиѣ находится въ [стихахъ], Арота, писавшаго о небѣ и звѣздахъ. Еще и другое мѣсто: *Нечестивѣйшія измышленія развратили добрые нравы* (1 Корнѣ. XV, 33). Это ямбическій триметръ, заимствованный изъ комедіи Менандра. Изъ этихъ и другихъ мѣстъ очевидно, что Павлу не были безызвѣстны свѣтскія книги, и то, что здѣсь онъ называлъ иносказаніемъ, въ другомъ мѣстѣ называлъ духовнымъ пониманіемъ, напримѣръ (ut ibi): *Мы знаемъ, что Законъ духовенъ* (Римл. VII, 14) вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ есть иносказаніе или иносказательный оборотъ рѣчи. И въ другомъ мѣстѣ: *Всѣ ѣли одно и то же духовное яство и всѣ пили одно и то же духовное питіе. А пили отъ духовнаго слѣдующаго имъ камня, камнемъ же былъ Христосъ* (1 Корнѣ. X, 54). Нѣтъ никого, кто усумнился бы, что здѣсь манна и внезапное образованіе источника, и тотъ слѣдующій камень должны быть понимаемы въ иносказательномъ значеніи. Я знаю, что и наоборотъ можетъ быть противопоставлено слово: *Братіе! Если человекъ будетъ внезапно во власти нѣкотораго грѣха, то вы, духовные, наставляйте такового въ духъ кротости* (Галат. VI, 1). И въ другомъ мѣстѣ: *Духовный же судитъ о всемъ, а самъ ни отъ кого не судится*, именно потому, что слово: *духовный* имѣетъ другое сравнительно съ тѣмъ, какъ мы выше сказали, значеніе. Но мы подъ духовнымъ, который судитъ о всемъ, а самъ никѣмъ не судится, разумѣемъ такого мужа, который, зная всѣ святыни Писаній (sacramenta Scripturarum), превосходно. понимаетъ ихъ, и видя въ божественныхъ книгахъ Христа, не допускаетъ въ нихъ ничего изъ Іудейскаго преданія.

Стихи 25, 26 [Конецъ 24-го, 25-й, 26-й]: *Ибо это суть два Завета, именно одинъ отъ горы Синай, рождающій въ рабство, который есть Агарь. А Синай, это гора въ Аравіи; она соотвѣтствуетъ тому, что нынѣ есть Іерусалимъ, и находится въ рабствѣ съ сынами своими. А тотъ Іерусалимъ, высшій, свободенъ; онъ есть мать всѣмъ намъ.*—Разъясненіе почти всѣхъ относительно этого мѣста состоитъ въ томъ, что подъ Агарью служанкой они понимаютъ Законъ и народъ Іудейскій, а подъ свободною Сарою—Церковь, которая собрана изъ язычниковъ, и которая по слову Апостола есть мать святыхъ: *Онъ есть мать всѣхъ насъ.* Она долго не производила чадъ и была безплодна, прежде чѣмъ Христосъ родился отъ Дѣвы, и еще посмѣшище міра Исаакъ не возгласилъ устами возвышеннаго ученія, —Исаакъ, сынъ избраннаго отца, ибо слово *Авраамъ* на нашемъ языкѣ значитъ: *отецъ избранный съ смѣхомъ.* А *Агарь*, что значитъ *пароміа*, т. е. *обитаніе*, или: *странствованіе*, или: *замедленіе*, рождаетъ Исмаила, который только *слушаетъ заповѣди Бога*, но не исполняетъ ихъ,—человѣкъ дикаго, кровожаднаго и бѣгающаго по пустынѣ; онъ врагъ всѣмъ братьямъ своимъ, рожденнымъ отъ свободной и сопротивляющійся имъ съ враждебнымъ лицомъ. И не удивительно, что Ветхій Заветъ, который отъ горы Синай, — находящейся въ Аравіи и сосѣдней тому, что теперь есть Іерусалимъ,—установленъ и написанъ, [но] онъ не вѣченъ, такъ какъ и поселеніе отличается отъ вѣчнаго владѣнія, и имя горы *Синай* значитъ *испытаніе* (опытъ), а слово *Аравія* имѣетъ значеніе: *Западъ* (паденіе); но, наоборотъ, высшій Іерусалимъ,—который свободенъ и есть мать святыхъ,—показываетъ, что этотъ Іерусалимъ настоящаго времени находится внизу и погруженъ въ низменное и самое глубокое мѣсто. Есть такіе, которые два Завета понимаютъ и иначе, именно (ut): божественное Писаніе, какъ

древнее, такъ и новое, соотвѣтственно различію смысла и сужденія тѣхъ, которые читаютъ его, эти толкователи понимаютъ то какъ рабыню, то какъ свободную, и тѣхъ, которые еще до сего времени служатъ буквѣ и имѣютъ духа страха въ рабство, они считаютъ рожденными отъ Агари египтянки, а тѣхъ, которые восходятъ къ высшему и желаютъ понимать написанное въ иносказательномъ смыслѣ—сынами Сары, что на нашемъ языкѣ значить: *первенствующая* (ἄρχουσα), т. е. господствующая (princeps въ женскомъ родѣ). И по ихъ утвержденію они дѣлаютъ это вслѣдствіе такого рода необходимости: было бы несправедливостію утверждать, что Моисей и всѣ пророки произошли отъ служанки, а какіе-либо изъ язычников—отъ свободной. Но по этой причинѣ будетъ лучше, по различію (какъ мы выше сказали) степени пониманія, однихъ считать рабами, а другихъ—свободными не только изъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ Церкви, но даже и объ одномъ и томъ же человѣкѣ думать, что онъ—сынъ рабыни, коль-скоро онъ слѣдуетъ буквальному смыслу; а когда при разъясненіи Писанія Іисусомъ возгорится его сердце, и когда во время преломленія хлѣба онъ узритъ Того, Котораго прежде не видалъ (Лук. XXIV, 31), тогда и его называть сыномъ Сары. Маркіонъ и Манихей не хотѣли выбросить изъ своего сборника св. книгъ того мѣста, въ которомъ Апостолъ говоритъ: *Хотя это и иносказательно* и проч., думая, что эти слова направлены (relinqui) противъ насъ,—именно въ томъ смыслѣ, что Законъ должно понимать иначе, чѣмъ въ немъ написано. Но, конечно, хотя онъ и долженъ быть понимаемъ иносказательно (что мы также признаемъ, чему учить и Апостолъ), но понимать не по желанію читателя, а такъ дѣло обстоитъ вслѣдствіе безусловно-обязательнаго значенія Писавшаго; но тѣмъ самымъ они [Маркіонъ и Манихей] и побѣждаются,—именно тѣмъ, чѣмъ имѣли въ виду воспользоваться противъ

насъ; ибо рабъ Божій Моисей писалъ духовное; но въ то же время также учить и Апостолъ, котораго и сами они считаютъ провозвѣстникомъ иного Христа и лучшаго Бога.

Стихъ 27: *Ибо написано: радуйся безплодная, не рождающая; воскликни громко (egumpe et clama) не мучившаяся родами; ибо многія дѣти безплодной многочисленныя, чѣмъ той, которая имѣетъ мужа (Ис. LIV, 1).*— Собраніе (synagoga) Іудейское имѣетъ въ Законѣ [своего] мужа, и по пророчеству Анны дѣйствительно было обильно потомками (1 Цар. I, 5); а неплодящая Церковь безъ Мужа — Христа и безъ всякаго собесѣдованія съ Женихомъ долгое время была въ пустынѣ. Но послѣ того, какъ первая получила въ свои руки разводную запись, и все полученныя отъ Мужа драгоцѣнности обратила на украшеніе идола. Супругъ [ея], вслѣдствіе оскверненія ею перваго препоясанія, соткалъ для Своихъ чреслъ другую перевязь, иное препоясаніе изъ язычниковъ: эта [супруга] какъ только сочеталась [съ мужемъ] зачала и родила. И въ Исаакъ [въ книгѣ Исаіи?] восклицаетъ чрезъ пророка: *Если есть народъ, родившійся вмѣстѣ (Ис. XLIX, 54?)*, когда въ одинъ день, — по книгѣ Дѣяній Апостоловъ, — увѣровало три тысячи и пять тысячъ человѣкъ (Дѣян. III, и дал.). Я не вижу необходимости говорить о множествѣ христіанъ и о малочисленности Іудеевъ, когда по всему міру развѣваются знамена креста, и въ городахъ рѣдко показывается знатный Іудей.

Стихъ 28: *Мы же, братіе, есмы чада обѣтованія по Исааку.*— Никакого труда вѣтъ въ томъ, чтобы понять, что Апостолъ и подобные ему суть сыны обѣтованія по Исааку. Но такъ какъ Оригенъ, объясняя это мѣсто, такъ изложилъ слова (exemplum) Апостола: *Вы же, братіе, есте чада обѣтованія по Исааку*; то спрашивается: какимъ образомъ Галатовъ, которыхъ онъ называлъ несмысленными и о которыхъ говорилъ, что они начали духомъ, а окончили плотію, те-

перь называетъ чадами обѣтованія по Исааку? Итакъ мы говоримъ, что Апостолъ называетъ ихъ чадами обѣтованія по Исааку потому, что еще не вполне отчаявался въ ихъ спасеніи и полагалъ, что они снова обратятся къ духу, которымъ начали, и будутъ сынами свободной. Но если бы (qui si) они были поглощены плотію, то были бы сынами рабыни.

Стихи: 29—31 *Но какъ тогда рожденный по плоти преслѣдовалъ рожденнаго по духу, такъ и нынѣ. А что говоритъ Писаніе. „Прогони служанку и сына ея, ибо не будетъ сынъ рабыни наслѣдникомъ съ сыномъ моимъ Исаакомъ“. Итакъ, братіе, мы чада не рабыни, но свободной.* [Глава V.—Стихъ 1, начало:] *Такою свободою, которою освободилъ насъ Христосъ.* Не думаю, чтобы возможно было [въ Писаніи] найти, что когда-то Исаакъ подвергался преслѣдованію со стороны Исмаила, а только [мы находимъ то], что когда сынъ Египтянки, бывшій старшимъ, игралъ съ Исаакомъ, то Сара негодовала и сказала Аврааму: *Прогони служанку и сына ея: Ибо не будетъ наслѣдникомъ сынъ служанки вмѣстѣ съ сыномъ моимъ Исаакомъ* (Быт. XXI, 10). И конечно простая обида между дѣтьми не могла быть причиною (indignus est) изгнанія и отказа. Но Апостолъ, какъ Еврей изъ Евреевъ и, какъ воспитанный у ногъ учителя Гамалиила,—который нѣкогда обуздывалъ своимъ совѣтомъ фарисеевъ, свирѣпствовавшихъ противъ Господа [или: него],—[Апостолъ] изъ словъ Сары: *Ибо не будетъ сынъ служанки наслѣдникомъ вмѣстѣ съ сыномъ моимъ Исаакомъ* понялъ, что это было не простое оскорбленіе. Но такъ какъ Исаакъ, можетъ быть, какъ старшій и какъ обрѣзанный въ такое время, когда могъ понимать и чувствовать, что онъ перетерпѣлъ, оспаривалъ себѣ первородство, то Писаніе дѣтскую ссору назвало оскорбленіемъ. Поэтому [можетъ быть] и Сара, не теряя такихъ словъ и не мирясь съ привычкою сына служанки, добивающагося первородства для себя, съ

горячностью потребовала (egripit in vocem): *Прогони служанку съ ея сыномъ* и проч. А такъ какъ это показалося Аврааму слишкомъ строгимъ (durum),—ибо перво^{роднымъ} всегда должна была принадлежать бóльшая часть имущества,—то Богъ, благоволившій, чтобы свободная осталась въ домѣ, а служанка была изгнана, подтвердилъ слова Сары и сказалъ Аврааму: *Пусть въ глазахъ твоихъ не кажется суровостію относительно служанки и мальчика. Все, что сказала тебѣ Сара, исполни по ея слову, ибо въ Исаакъ будетъ наречено тебѣ сѣмя.* И такъ, какъ тогда старшій братъ Исмаиль преслѣдовалъ еще питающагося молокомъ мальчика, добываясь себѣ преимуществъ обрѣзанія и первородства, такъ и теперь Израиль по плоти [или: Исмаиль] поднимаетъ голову, возбуждается и выражаетъ надменность противъ младшаго брата, т. е. народа Христова изъ язычниковъ. Обратимъ вниманіе на безуміе Іудеевъ, которые и Господа умертвили, и пророковъ съ Апостолами преслѣдовали, и противятся волѣ Божіей, и мы увидимъ, что Іудеями противъ христіанъ возбуждены были гораздо большія преслѣдованія, чѣмъ даже тѣ, которыя были со стороны язычниковъ. Удивляемся ли мы относительно Іудеевъ? Нынѣ даже и тѣ, которые о Христѣ младенцы и живутъ по плоти преслѣдуютъ тѣхъ, которые рождены водою и духомъ, и, воскресая со Христомъ, ищутъ горняго, а не дольняго. Они живутъ своевольнo (faciunt, quod volunt): въ союзѣ съ Исмаиломъ они преслѣдуютъ Исаака; ихъ гонятъ войъ съ матерію, Египетскою служанкою; таковыя не принимаютъ наслѣдія, которое получаетъ только тотъ, кто рожденъ по обѣтованію. Воплнѣ пригодно и то пониманіе, что рожденный отъ плоти преслѣдуетъ рожденного отъ духа (spiritualem). Дѣйстви-тельно, духовный никогда не преслѣдуетъ плотскаго, но прощаетъ ему, какъ брату простецу: онъ знаетъ, что тотъ со временемъ можетъ усовершенствоваться. А если когда-либо увидить гнѣвъ сына Египтянки, то воспоминаетъ объ одномъ

и томъ же Родителѣ, Который создалъ свѣтъ, вола и комара, и о томъ, что въ великомъ домѣ есть сосуды не только золотые, но и серебряные, и деревянные, и глиняные; посему скажемъ вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ: *Мы дѣти не рабыни, но свободной* (2 Тим. II, 20), и обновленные во Христѣ услышимъ слова Господа, говорящаго Іудеямъ: *Если пребудете въ словѣ Моемъ, то познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными* (Іоан. VIII, 31, 32). Освобожденный этого рода свободою Апостолъ говорилъ: *Такъ какъ я свободенъ отъ всѣхъ. Кто дѣлаетъ грѣхъ тотъ рабъ грѣха* (1 Корнѣ. IX, 19). Такъ какъ онъ сознавалъ свою свободу отъ всѣхъ пороковъ и зналъ, что онъ чуждъ отъ всякой похоти и заблужденія, то по справедливости радовался за свободу о Христѣ, говоря: *Мы не дѣти рабыни, но свободной, каковою свободою освободилъ насъ Христосъ* (Іоан. VIII, 34).

Глава V.—Стихъ 1 [окончаніе]. *Стойте и не желайте снова находиться подъ ярмомъ рабства.*—Этимъ показывается, что тотъ, кто находится подъ ярмомъ рабства, не стоитъ, и что тотъ, кто одаренъ отъ Христа свободою, до тѣхъ поръ будетъ подъ ярмомъ, пока будетъ имѣть въ страхѣ духа рабства и слѣдовать начаткамъ Закона. А его слово: *Стойте* побуждаетъ насъ къ твердой и постоянной вѣрѣ во Христѣ, чтобы Церковь Галатіи твердою ступою держалась во Спасителѣ. Объ этомъ праведникъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *Поставилъ на камень ноги мои* (Псал. XXXIX, 3) вмѣсто того, чтобы сказать: *на Христѣ*, чтобы они именно не увлекались вѣтромъ ученія и не уносились въ разныя стороны (Еф IV, 14). Поэтому и къ стоящимъ говорится: *А кто стоитъ, пусть смотритъ, чтобы не упасть* (1 Корнѣ. X, 12); и въ другомъ мѣстѣ: *Стойте, будьте, какъ мужи, укрѣпитесь* (1 Корнѣ. XVI, 13), чтобы они стояли съ Тѣмъ, Котораго видѣлъ Стефанъ стоящимъ одесную Отца, когда онъ твердо переносилъ страданія (Дѣян. VII, 55)

и Который говорилъ Моисею: *Ты же стань со Мною* (Исх. XXXIV, 2). А ярмомъ рабства онъ называетъ Законъ строгій, трудный для исполненія, который послѣдователей своихъ пожираетъ тяжелымъ трудомъ день и ночь. Также и Петръ говоритъ въ книгѣ Дѣяній: *Къ чему вы пытаетесь наложить тяжкое ярмо на шею братьевъ, котораго не могли понести ни мы, ни отцы наши* (Дѣян. XV, 10). А его прибавленіе: *Не желайте снова* значить не то, что Галаты прежде будто бы соблюдали Законъ, а то, что и ярмо идолослуженія также тяжко, такъ что обремененный имъ народъ Египетскій подобно свинцу потонулъ въ Красномъ (Черномъ) морѣ (Исх. XV, 4, 5). Соотвѣтственно этому значенію и выше онъ сказалъ: *Какимъ образомъ вы снова обратились къ слабымъ и ничтожнымъ началамъ міра, которымъ снова хотите служить, соблюдая дни и мѣсяцы, и времена и годы?* Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Галаты вслѣдствіе проповѣди Апостола Павла, оставивъ идоловъ, непосредственно перешли къ благодати Евангелія, и возвращались уже не подъ ярмо Іудейскаго Закона, котораго никогда прежде не знали: но, желая соблюдать времена, обрѣзываться плотію и приносить тѣлесныя жертвы, возвращались нѣкоторымъ образомъ къ тѣмъ служеніямъ, которыя раньше совершали, какъ идолослужители; ибо говорятъ, что и жрецы Египта и Исмаелиты (Исмаильтяне), и Мадіаниты имѣютъ обрѣзаніе. А что народы [языческіе] соблюдаютъ дни, мѣсяцы и годы, пусть мы этого [лучше] не знаемъ, чтобы у насъ не было никогда общаго съ ними празднованія.

Стихъ 2: *Вотъ я, Павелъ, говорю вамъ, что если вы подвергаетесь обрѣзанію, то Христосъ нисколько вамъ не полезенъ.*—Въ Евангеліи Спаситель говоритъ ученикамъ: *Кто васъ слушаетъ, Меня слушаетъ; кто васъ принимаетъ Меня принимаетъ* (Лук. X, 16); и Апостоль свидѣтельствуесть, говоря: *А живу уже не я, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. II, 20), и въ другомъ мѣстѣ: *Или вы хотите испытать Того, Ко-*

торый говоритъ во мнѣ [т. е.] Христа? (2 Корнѣ. XIII, 3). Этимъ вполне ясно показывается то, что онъ говорить нынѣ: *Вотъ я, Павелъ, говорю вамъ*, т. е., что слова его должно принимать не какъ слова Павла, а какъ Господни. Ибо такъ какъ онъ и въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ предугадалъ: *А тѣмъ, которыя вышли замужъ, возвѣщаю не я, но Господь* (1 Корнѣ. VII, 10), и непосредственно вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: *Прочимъ же заповѣдаю я* (ст. 12), чтобы не показалась незначительною обязательность его слова, онъ говорить: *Думаю, что и я имѣю Духа Божіа*, такъ что когда въ немъ говорить и Духъ, и Христосъ, то не подвергнется презрѣнію тотъ, который по примѣру пророковъ говорить: *Сіе говоритъ Господь всемогущій*. Но еще большимъ будетъ казаться то, что сказано: *Вотъ я, Павелъ, говорю вамъ: такъ какъ вы принимаете обрѣзаніе, то Христосъ нисколько вамъ не полезенъ*; если это слово будетъ связано съ началомъ, въ которомъ онъ говорить: *Павелъ, Апостолъ не отъ человековъ, ни чрезъ человека, но чрезъ Іисуса Христа* и т. д., чтобы слушающіе были побуждаемы не столько великимъ значеніемъ посланнаго сколько [властію] Пославшаго. Но кто-нибудь можетъ сказать: „Этому мѣсту противорѣчить то, что пишется къ Римлянамъ: *Обрѣзаніе дѣйствительно полезно, если ты соблюдаешь Законъ* (Римл. II, 25) и ниже: *Итакъ что есть большее въ распоряженіи Іудея, и какая польза обрѣзанія? Во всякомъ случаѣ многая. Во-первыхъ, именно въ томъ, что имъ были вѣрены словеса Божіи* (Римл. II, 1, 2) Въ самомъ дѣлѣ, если тѣмъ, которые были обрѣзаны, Христосъ нисколько не полезенъ, то какимъ образомъ людямъ, соблюдающимъ Законъ, обрѣзаніе приносить пользу? Это [недоумѣніе] разрѣшается слѣдующимъ отвѣтомъ. Достаточно (ut) сказать, что посланіе, обращенное къ Римлянамъ, было предназначено для тѣхъ, которые увѣровали [во Христа] изъ Іудеевъ и язычниковъ, и это вынуждало Апостола Павла

не оскорблять ни того, ни другого народа,—именно: такъ какъ и тотъ, и другой народъ имѣетъ свое преимущество, чтобы ни язычниковъ не подвергать обрѣзанію, ни Іудеевъ не склонять къ [удержанію] крайней плоти; а обращаясь съ посланіемъ къ Галатамъ, Апостолъ употребляетъ другое доказательство, ибо они не были изъ числа обрѣзанныхъ, но изъ увѣровавшихъ язычниковъ, и обрѣзаніе для нихъ не могло быть полезно, когда они (qui) послѣ благодати Евангелія снова возвращались къ начаткамъ Закона. И въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ передается повѣствованіе о томъ, что когда нѣкоторые изъ обрѣзанныхъ возстали съ утвержденіемъ, будто увѣровавшіе изъ язычниковъ должны подвергнуться обрѣзанію и соблюдать Законъ Моисеевъ, то старцы, бывшіе въ Іерусалимѣ, а равнымъ образомъ и Апостолы, собравшись вмѣстѣ, опредѣлили письменно, чтобы они не были обременены игомъ Закона, и чтобы не соблюдали больше ничего, а воздерживались отъ идоложертвенной пищи, и отъ крови, и отъ блуда, или,—какъ это написано въ нѣкоторыхъ спискахъ: *и отъ давленія*. А чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что обрѣзаніе не приноситъ никакой пользы, а что только ради увѣровавшихъ изъ Іудеевъ онъ въ посланіи къ Римлянамъ смягчилъ свое сужденіе объ обрѣзаніи понемногу приближаясь къ концу того же посланія, онъ показалъ, что ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе не имѣютъ никакой силы; онъ говоритъ: *Итакъ обрѣзаніе—ничто, и крайняя плоть—ничто, но соблюденіе заповѣдей Божіихъ* (1 Корнѣ. VІІ, 19). Обрѣзаніе столь ничтожно, что даже и дому Израилеву, хвалившемуся обрѣзаніемъ нисколько не помогаетъ; это показываетъ и пророкъ: *Всѣ народы необрѣзаны по плоти, а домъ Израилевъ необрѣзанъ сердцемъ* (Іезек. XLIV, 9), также и необрѣзанный Мелхиседекъ благословилъ онаго брѣзанъ Авраама. Ибо слова: *Если вы обрѣзываетесь* (Быт XLIV) таковы по своему значенію, что онъ какъ будто хотѣлъ сказать: „Если вы обрѣзываетесь

по плоти“. Въ другомъ мѣстѣ это у него называется не обрѣзаніемъ (circumcisio), а отрѣзываніемъ (concisio), говоря: *Посмотрите на отрѣзываніе (concisio), ибо мы, служащіе Богу духомъ, представляемъ обрѣзаніе (sumus circumcisio) и прославляемся о Христѣ, а не полагаемся на плоть (Филипп. III, 2, 3).* Не полагается на плоть тотъ, кто всякой пользы себѣ ожидаетъ отъ Христа и сѣетъ въ плоти, чтобы отъ плоти познать тлѣніе, но сѣетъ въ духѣ, отъ котораго происходитъ жизнь вѣчная; въ слова Апостола: *Если вы обрѣзываетесь, то Христосъ вамъ нисколько не полезенъ*, нужно всматриваться болѣе утонченно. [Они обозначаютъ] не только то, что если они обрѣзываются, то не полезно имъ самое обрѣзаніе; но даже хотя бы помимо обрѣзанія они, повидимому, имѣли и прочія добродѣтели, однако погибнуть вообще, когда будутъ обрѣзаны послѣ вѣры во Христа. Итакъ что же? Развѣ обрѣзаніе не помогло Тимофею? Много во всякомъ случаѣ! Ибо онъ обрѣзанъ былъ не столько для того, чтобы отъ самаго обрѣзанія получить какое-нибудь преимущество, сколько для того, чтобы пріобрѣсти прочихъ (1 Корнѣ. IX, 19, 23): онъ для Іудеевъ сталъ Іудеемъ, чтобы своимъ обрѣзаніемъ привести Іудеевъ къ вѣрѣ во Христа. А на самомъ дѣлѣ оно нисколько не помогаетъ тогда, когда думаютъ, что оно приноситъ какую-нибудь пользу само по себѣ.

Стихъ 3: *Но я рѣшительно свидѣтельствую, что каждый обрѣзывающій себя человекъ долженъ исполнить совершенно весь Законъ.*—Богъ, давшій заповѣдь объ обрѣзаніи сначала Аврааму, а потомъ въ Законѣ чрезъ Моисея, повелѣлъ соблюдать не только обрѣзаніе, но и многое другое: посѣщать въ праздничные дни Іерусалимъ, [совершать] жертвы всесоженія, всегда утромъ и вечеромъ, только въ одно опредѣленное время года закалать агнца, въ седьмое лѣто совершать праздники земли, отпускъ [рабовъ] въ пятидесятый годъ и прочее, что каждый читатель легко можетъ

узнать изъ Писаній. Итакъ мы имѣемъ возможность нападать на Эвіона и его послѣдователей, которые думаютъ, что вѣрующіе во Христа должны обрѣзываться послѣ Евангелія, такъ что или они должны принять обрѣзаніе и соблюсти все предписанное въ Законѣ, или же, если невозможно, чтобы было соблюдено все безъ исключенія (*cupeta*), то должно прекратиться и самое обрѣзаніе, которое должно быть оставлено вмѣстѣ съ другимъ, какъ бесполезное. Посему, если они отвѣтятъ, что исполнять должно только то, что возможно исполнить,—такъ какъ Богъ не требуетъ отъ насъ того, чего мы не можемъ исполнить, а только того, что можемъ,—то мы скажемъ имъ, что одному и тому же Богу несвойственно желать соблюденія Закона, и покидать тѣхъ, которые соблюдаютъ Законъ. Или какимъ образомъ вслѣдствіе упраздненія Закона считать отвѣтственными тѣхъ, которые не могутъ исполнить совершенно всего, хотя и хотѣли бы этого? А мы слѣдуемъ закону духовному, который говорить: *Не надѣвай узды на уста вола молотящаго* (Второз. XXV, 4), и понимаемъ подобно Апостолу: *Развѣ о волахъ печется Богъ* (1 Корнѣ. IX, 9): а онъ говоритъ несомнѣнно ради насъ и повелѣваетъ исполнять торжественно субботы (Ис. LVIII, 13), чтобы не волъ и оселъ нашъ, и мелкій скотъ веселились въ субботы, а тѣ люди и скоты, о которыхъ написано: *Людей и скотовъ ты спасеши, Господи* (Псал. XXXV, 7). Люди—это нѣкоторые разумные и духовные мужи, а скоты—это тѣ, которые болѣе медлительны по природнымъ качествамъ и которые со стороны духовныхъ получаютъ наставленіе о соблюденіи субботъ Господнихъ. Этому нашему рязсужденію не противорѣчить и то, что сказано выше: *Если вы обрѣзываетесь, то Христосъ вамъ ни-сколько не полезенъ*, и слѣдующее за тѣмъ: *Свидѣтельствую, что всякій человекъ обрѣзывающійся долженъ быть исполнителемъ совершенно всего Закона*. Ибо не слушатели только Закона праведны предъ Богомъ, но оправданы будутъ

исполнители Закона, такъ какъ только тотъ является исполнителемъ Закона, кто можетъ сказать: *Мы—не обрѣзаніе, и: Въ тайнѣ Иудей, и: Мы знаемъ, что Законъ духовенъ.* А кто слѣдуетъ отрѣзыванію (conciſionem) и убивающей буквѣ, тотъ не есть исполнитель Закона, но по истинѣ врагъ Закона, особенно послѣ пришествія Спасителя, Который у приходящихъ къ Нему снимаетъ покровъ съ сердца, чтобы всѣ, созерцающа Бога съ открытымъ лицомъ, преобразились изъ ветхости буквы въ новизну духа.

Стихъ 4: *Оправдывающіеся Закономъ! вы освободились отъ Христа и отпали отъ благодати.*—Какъ никто не можетъ служить двумъ господамъ, такъ трудно и исполнить тѣнь и истину Закона. Въ древнемъ Законѣ есть тѣнь, пока не восзіяетъ день и не устранился тьма; а истина находится въ Евангеліи Христовомъ, *ибо благодать и истина были чрезъ Іисуса Христа (Іоан. I, 17)* Итакъ тотъ теряетъ благодать Христову и оставляетъ благовѣстіе, которое держалъ, кто думаетъ, что можетъ оправдаться какимъ-либо исполненіемъ Закона; и такъ какъ онъ потерялъ благодать, то устраняется отъ вѣры Христовой и успокоивается отъ дѣла Его, потому что *κατηρήθητε ἀπὸ τοῦ Χριστοῦ* скорѣе значить: *перестали дѣлать дѣла Христовы*, чѣмъ какъ это плохо передано на латинскомъ языкѣ: *освободились отъ Христа*, такъ что то, что прежде онъ заповѣдалъ исключительно въ примѣненіи къ обрѣзанію, теперь понимаетъ въ отношеніи ко всему совершенно Закону въ томъ смыслѣ, что тѣ нѣсколько не успѣваютъ въ дѣлѣ Христовомъ, которые полагаютъ, что они должны быть оправданы за соблюденіе нѣкоторыхъ (in quacumque observatione Legis) предписаній Закона.

Стихъ 5: *Ибо мы духомъ ожидаемъ съ надеждою оправданія* отъ вѣры.—„Духъ“ онъ полагаетъ для различенія отъ „буквы“. А надежду на оправданіе должно разумѣть въ лицѣ Христа, ибо Онъ есть истина, терпѣніе, надежда, оправ-

даніе и всѣ добродѣтели,—[Онъ] второго пришествія Котораго мы ожидаемъ, потому что Онъ имѣетъ судить все, уже являясь не съ долготерпѣніемъ, а съ праведностію Судіи, чтобы воздать каждому по дѣламъ его. Ожидая пришествія сего Бога [*или: дня, т. е. diei вмѣсто: Dei*] Апостоль и ему подобные говорятъ: *Да придетъ царство Твое (Мо VI, 10)*, чтобы, когда Сынъ передастъ царство Богу и Отцу и въ покоренныхъ Ему и Самъ покорится: тогда Глава покорится въ тѣлѣ, и будетъ Богъ для всѣхъ всѣмъ (1 *Корн.* XV, 28), потому что Тотъ, Который нынѣ только отчасти для каждаго въ отдѣльности, тогда будетъ всѣмъ для всѣхъ.

Стихъ 6: *Ибо во Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе не можетъ ничего, ни необрѣзаніе, но въри, дѣйствующая чрезъ любовь*—Для тѣхъ, которые желаютъ жить во Христѣ Іисусѣ, должно искать съ усиліемъ добродѣтелей, и избѣгать пороковъ; а безразличнаго (*media*), стоящаго между добродѣтелями и пороками не нужно ни сильно желать, ни избѣгать,—какъ, напр., обрѣзанія или необрѣзанія и прочаго этому подобнаго. Дѣйствительно, обрѣзаніе только въ томъ случаѣ приноситъ пользу, если исполняешь Законъ. И потому оно понятно тѣмъ, которые жили по Закону, и не потому, что они были обрѣзаны, но потому, что имъ вѣрены были слова Божіи, которыя, обращаясь у нихъ въ дѣйствія, не удаляли ихъ отъ спасенія. Пусть насъ не смущаетъ то, что Сепфора взяла острый камень и обрѣзала сына своего и отстранила отъ мужа своего Ангела, который хотѣлъ его удушить (*Исх.* IV, 24—27) или такъ,—какъ иначе пишется у Евреевъ. Апостоль, вѣдь, свидѣтельствуеть, что обрѣзаніе нисколько не полезно не столько само по себѣ, сколько не имѣетъ силы оно во Христѣ Іисусѣ, а именно: съ того времени, когда Евангеліе подобно солнцу заблистало по всему міру, стало излишнимъ страданіе отъ обрѣзанія; хотя оно (*quae*) и имѣло силу, какъ и прочія предписанія Закона тогда, когда соблюдающимъ Законъ подавались плотскія благо-

словенія. Посему именно тѣ, которые исполняли его, были благословенными въ городѣ, благословенны на полѣ, имѣли полныя житницы и многое другое, что содержится въ обѣтованіяхъ (*Второз. XXVIII, 1—14*). Мы же хотимъ имѣть силу и укрѣпляться о Христѣ Іисусѣ, т. е. въ истинномъ обрѣзаніи, а не въ отрѣзаніи (conspiciōis) Іудейскомъ. *Ибо не тотъ, кто открыто есть Іудей, и не очевидное для всѣхъ плотское обрѣзаніе, но Іудей внутренній (in abscondito) и обрѣзаніе сердца въ духъ, и не въ буквѣ (Римл. II, 28, 29)*. Итакъ во Христѣ нисколько не помогаетъ обрѣзаніе плоти, но обрѣзаніе ушей и сердца, на которое показываетъ извѣстный упрекъ противъ Іудеевъ: *Вотъ уши ваши необрѣзаны, и вы не можете слышать (Исх. VI, 12)*. Полезно обрѣзаніе большихъ устъ, котораго Моисей,—по смиренію своему,—считаетъ себя еще не имѣющимъ, какъ это написано въ Еврейскомъ спискѣ: *Я на устахъ своихъ имѣю крайнюю плоть*. Много пользы приносить обрѣзаніе въ дѣлахъ плоти, такъ какъ чрезъ воздержаніе (per castitatem) пресѣкается безстыдство. Итакъ во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе тѣлесное, потому что они стоятъ въ безразличномъ положеніи, т. е. стоятъ въ срединѣ между добродѣтелями и пороками; но имѣетъ силу вѣра, обнаруживающая свое дѣйствіе въ дѣлахъ, такъ что такимъ образомъ и одобряется вѣра, которая вмѣнена Аврааму въ праведность, и всякое дѣйствіе вѣры полагается въ любви, такъ какъ весь Законъ и пророки держатся на [этой заповѣди о] любви (ex charitate pendentibus). Дѣйствительно, въ сихъ двухъ заповѣдяхъ: *Возлюби Бога твоего* и: *Люби ближняго*, по непреложному слову Спасителя, состоятъ Законъ и Пророки. И Апостолъ Павелъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Ибо заповѣди: „Не прелюбодѣйствуй“, „Не крадь“, „Не пожелай“, или кака-либо иная заповѣдь сводятся къ одному изреченію: Возлюби ближняго своего, какъ самого себя (Римл. VIII, 9)*. Итакъ, если каждая Заповѣдь сводится

къ тому, что сказано: *Возлюби ближняго своего, какъ самого себя*, а вѣра, осуществляемая чрезъ любовь, имѣетъ самую большую силу, то очевидно, что осуществленіе вѣры чрезъ любовь содержитъ въ себѣ полноту всѣхъ заповѣдей. Но какимъ образомъ,—согласно словамъ Апостола Іакова—вѣра безъ дѣлъ мертва, если дѣла, хотя и добрыя, безъ вѣры разсматриваются, какъ мертвыя (*Іаков. II, 14, 18*). Слѣдовательно, невѣрующіе во Христа, но имѣющіе добрыя нравы, что имѣютъ большее, если не дѣла добродѣтелей? Примѣръ вѣры, осуществляемой въ любви, даетъ та Евангельская блудница, которая,—когда Господь возлежалъ въ домѣ фарисея,—омыла Ему слезами ноги, осушила волосами и помазала масломъ; и когда фарисей сталъ выражать негодованіе, то Господь предложилъ притчу о пятидесяти и пятистахъ денаріяхъ должника и присоединилъ въ концѣ: *Поэтому говорю тебѣ: Отпускаются грѣхи ея многіе, ибо она возлюбила много* (*Лук. VII, 47 и 50*); а обратившись къ самой женщинѣ сказалъ: *Вѣра твоя спасла тебя: иди въ миръ*. Дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ открыто показано, что эта женщина имѣла вѣру, осуществленную чрезъ любовь, которая имѣла великое значеніе о Христѣ. Но можетъ быть кто—нибудъ усумнился относительно *необрѣзанія*, такъ что скажетъ: *Не [имѣетъ ли такого же значенія] и необрѣзаніе?* Однако если мы обратимъ вниманіе на то, что весьма многіе изъ Христіанъ, т. е. изъ нашихъ, которые отъ дикой маслины были привиты къ маслинѣ доброй (*Римл. XI, 17—24*) выступаютъ противъ отвалившихся вѣтвей народа Іудейскаго и говорятъ, что необрѣзаніе имѣетъ большую силу, чѣмъ обрѣзаніе, потому что первымъ Авраамъ угодилъ Богу, и вѣра его была вѣнчана ему въ оправданіе; а второе было дано только, какъ знакъ вѣры и не помогло оно имѣющему его Израилю: то мы увидимъ, что даже и это притязаніе нѣкоторыхъ теперь весьма осторожно устранено [св. Апостоломъ].

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Павла и Евстохія, это вотъ уже третій свитокъ толкованій мы составили для изъясненія посланія къ Галатамъ, зная свою немощь и чувствуя, что слабый потокъ природнаго [нашего] дарованія едва, едва издаетъ тихое журчаніе. Дѣло въ томъ, что теперь и въ Церкви уже ищутъ того, чтобы, оставивъ простоту и чистоту словъ Апостольскихъ, какъ будто въ Атенеѣ или предъ большимъ числомъ слушателей, вызвать громкія рукоплесканія слушающихъ, такъ что рѣчь, подкрашенная ложью искусства краснорѣчія, выступаетъ предъ обществомъ, какъ будто безстыдная женщина, имѣя въ виду не столько наставлять народъ, сколько пріобрѣсти благорасположеніе народа и подобно струнной псалтири и сладкогласной свирѣли ласкать чувства слушающихъ; такимъ образомъ по справедливости къ нашему времени можетъ быть примѣнено извѣстное слово изъ книги пророка Іезекіиля, обращенное Господомъ къ нему: *И ты сдѣлался для нихъ какъ звуки пріятно звенящей и искусно устроенной китары, [струннаго инструмента], и они слушаютъ слова твои, но не исполняютъ ихъ (Іезек. XXXIII, 32)*. Итакъ, что же мнѣ дѣлать? Молчать ли? Но вѣдь написано: *Не являйся предъ лицемъ Господа твоего пустымъ*; и пророкъ Исаія (какъ это находится однако только въ Еврейскихъ свиткахъ) со вздохомъ восклицаетъ: *Горе мнѣ! ибо я умолкъ*. Говорить ли мнѣ? Но все изящество латинской рѣчи и красоту ея сложенія испортила трескучесть Еврейскаго чтенія. Вѣдь вы и сами знаете, что прошло уже болѣе пятнадцати лѣтъ, какъ въ мои руки совсѣмъ не попадалъ (*nunquam ascendit*) ни Туллій [Цицеронъ], ни Маронъ [Виргилій], ни какой-либо другой творецъ языческой письменности; если же кое-что иногда мы и приводимъ изъ нихъ, то это бываетъ случайно,—мы вспоминаемъ это, какъ будто въ давно бывшемъ снѣ сквозь облако тумана. А насколько я преуснѣлъ

въ томъ [Еврейскомъ] языкѣ неустаннымъ трудомъ, объ этомъ я предоставляю судить другимъ; сколько же я потерялъ въ знаніи своего языка, это я [самъ] знаю. Къ этому присоединилось еще то, что вслѣдствіе слабости глазъ и всего моего тѣла я не пишу теперь собственноручно, и медлительность своей рѣчи не могу вознаградить ни трудомъ, ни прилежаніемъ. Это рассказываютъ также и о Виргиліѣ,—пменно, что онъ свои книги приводилъ въ должный видъ, такъ сказать, подобно медвѣдямъ, облизывая ихъ, какъ [медвѣдь] дѣтей. А я приглашаю писца, и говорю ему то, что непосредственно попало на языкъ; а если я хочу немного подуматъ, чтобы что-нибудь изложить лучше, то онъ обнаруживаетъ молчаливый упрекъ, въ нетерпѣніи ломаетъ руки, потираетъ лобъ и всякимъ движеніемъ своего тѣла показываетъ, что здѣсь онъ сидитъ по-пусту. Но рѣчь, хотя бы она была усовершенствована природнымъ высокимъ дарованіемъ и отличалась находчивостью, и была украшена цвѣтистыми словами, однако не очищенная, не отдѣланная собственноручно составителемъ, не бываетъ гладкою и не имѣетъ должной красоты, соединенной съ важностію ея, и, какъ это бываетъ съ разбогатѣвшими деревенскими людьми, ея богатство служить скорѣе причиною для упрековъ, чѣмъ украшеніемъ для нея. Но къ чему все это [я говорю]? Это именно къ тому, чтобы дать объясненіе и вамъ, и другимъ (которые, можетъ быть, захотятъ прочитатъ), что я составляю не хвалебную рѣчь или пишу не возраженія по спорному вопросу, но составляю толкованіе, т. е. имѣю въ виду именно то, чтобы не мои слова сдѣлались предметомъ похвалъ, но чтобы то, что сказано было другимъ, было понято такъ, какъ было сказано имъ. Мое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить темное, вкратцѣ изложить ясное и подольше остановиться надъ мѣстами сомнительными. Поэтому дѣло толкованія весьма многими называется объясненіемъ. Если же кто ищетъ у меня краснорѣчія, то пусть усаждается

чтеніємъ изящныхъ рѣчей другихъ писателей; для этого онъ имѣеть на томъ и другомъ языкѣ (греческомъ и латинскомъ) Демосѳена и Туллія, Полемона и Квинтиллиана. А Церковь Христова собрана не изъ учениковъ Академіи, или Лицея, но изъ простого народа. Поэтому и Апостоль говоритъ: *Видите, братіе, призваніе ваше: немногіе изъ васъ мудры по плоти, немногіе сильны, немногіе знатны; но Богъ избралъ неразумное міра сего, чтобы привести въ смущеніе мудрыхъ, и немоущное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить крѣпкое, и незнатное міра сего, и презириемое избралъ Богъ, и [какъ бы] несущее, чтобы посрамить существующее* (Корнѳ. I, 26—28). Дѣйствительно, такъ какъ міръ премудростію не позналъ Бога чрезъ разсматриваніе порядка, разнообразія и постоянства тварей, то Богу было угодно спасти вѣрующихъ чрезъ немудрую проповѣдь (*per stultitiam praedicationis*). Ибо гдѣ мудрецъ, гдѣ книжникъ, гдѣ ислѣдователь естественныхъ причинъ? Не въ убѣдительныхъ словахъ мудрости, но въ обнаруженіи добродѣтели [*virtus*—сила] и духа, такъ что вѣра вѣрующихъ не въ добродѣтели людей, но въ силѣ Божіей. Поэтому и Апостоль къ тѣмъ же Коринѳянамъ говоритъ: *Посѣму, братіе, и я къ вамъ пришелъ не съ возвышенною рѣчью и мудростію, чтобы вознѣщать вамъ свидѣтельство Божіе, ибо я разсудилъ, что ничего не знаю [находясь] между вами, кромѣ Іисуса Христа, [но] и Ею распятого* (Корнѳ. II. 1, 2). Но чтобы не подумали, что говорящій такъ есть проповѣдникъ неразумія, онъ предусмотрительно (*mente praesaga*) опровергаетъ то, что можетъ послужить возраженіемъ ему. Онъ говоритъ: *Но проповѣдуется премудрость Божія въ тайнѣ, которая скрыта, которой никто не позналъ изъ князей въѣка сего. Кто бы теперь читалъ Аристотеля? Какъ много теперь людей, которые знаютъ или имя, или книги Платона? Только праздные старики, можетъ быть, по закоулкамъ перечитываютъ ихъ. А о на-*

шихъ простецахъ и рыбахъ говорить весь міръ и кричить вселенная. Такимъ образомъ ихъ простыя слова должны быть изъясняемы простою рѣчью. Я говорю: *Слова*, а не смыслъ. Впрочемъ, если съ помощію молитвъ вашихъ, и при изложеніи смысла ихъ посланій буду имѣть возможность обнаружить тотъ духъ, который они имѣли при составленіи ихъ; то вы увидите, что въ нихъ было такое величіе и широта истинной мудрости, достигнуть которой для писателей свѣтскихъ было бы пустымъ притязаніемъ (*arrogantia et vanitas*). Я вкратцѣ сознаюсь вамъ въ тайнѣ моего ума: Я не хочу, чтобы намѣревающійся съ моею помощію уразумѣвать Апостола, съ трудомъ понималъ мои собственныя писанія и для пониманія толкователя искалъ толкователя новаго (*aliū*). Но время уже продолжить дальнѣйшее.

Стихъ 7: *Вы шли хорошо; кто воспрепятствовалъ вамъ повиноваться истинѣ?*—То, что здѣсь Латинскій переводчикъ передалъ словами: *не повиноваться истинѣ* и что на греческомъ языкѣ выражено словами: *τῇ ἀληθείᾳ μὴ παύεσθαι*,—выше онъ передалъ словами: *не доверяйте истинѣ*. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили, что въ древнихъ собраніяхъ св. книгъ (*codicibus*) этого нѣтъ, хотя и греческіе списки (*exemplaria*) испорчены этою ошибкою. А смыслъ мѣста такой: Вы поклонялись Отцу въ духѣ и истинѣ и, принимая отъ полноты Христовой, узнали, что Законъ только данъ народу чрезъ Моисея, но не составленъ [имъ]; а благодать и истина не только дана чрезъ Иисуса Христа, но была отъ Него по происхожденію. Итакъ, когда вы столь хорошо ходили, служа болѣе истинѣ, чѣмъ образамъ, то какой развращенный учитель воспрепятствовалъ вамъ, [и] вы слѣдуете тѣни Закона, и оставляете благодать Евангелія? Далѣе слѣдуетъ:

Вы ни съ кѣмъ не согласились.—Но такъ какъ этого мы не находимъ записаннымъ ни въ греческихъ книгахъ, ни

у тѣхъ, которые изъясняли писанія Апостола, то, кажется, это должно быть опущено.

Стихъ 8: *Ваше убѣжденіе [исходить] не отъ Того, Который призвалъ васъ.*—Въ латинскихъ собраніяхъ св. книгъ мы находимъ написаннымъ такъ: *Ваше убѣжденіе отъ Бога, Который призвалъ васъ.* Но я думаю, что здѣсь было: *отъ Того* (ex eo) и не было понято, а по сходству мало-по-малу вкралось: *отъ Бога* (ex Deo) вмѣсто бывшаго прежде: *отъ Того* (ex eo). Но и такой смыслъ не можетъ быть принятъ за несомнѣнное (nec potest stare), потому что теперь о тѣхъ,—которыхъ Апостолъ только что обвинялъ въ томъ, что они не повиновались истинѣ, показывая, что отъ ихъ свободы зависитъ повиноваться ли или не повиноваться,—онъ, наоборотъ, утверждаетъ, что убѣжденіе и повиновеніе ихъ зависитъ не столько отъ тѣхъ, которые призываются, сколько отъ Того, Который ихъ призвалъ. Такимъ образомъ лучше и вѣрнѣе читать такъ: *Ваше убѣжденіе не отъ Того, Который призвалъ васъ* Дѣйствительно одно—дѣло Божіе, а другое—дѣло людей. Дѣло Божіе есть призваніе [человѣка]; дѣло уже человѣческое вѣровать, или не вѣровать. Если же гдѣ-либо въ св. Писаніи утверждается свобода воли въ человѣкѣ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ мѣстѣ: *Если захотите и будете слушать Меня* (Исх. XIX, 5) и слова: *И вотъ, Израиль, чего хочетъ отъ тебя Господь Богъ твой* (Втор. X, 12), то самымъ рѣшительнымъ образомъ подтверждается такая мысль изъ этого мѣста. Но болѣе простоватые люди, думая предоставить себя Богу, такъ что даже и убѣжденіе наше находится въ Его власти, уничтожили часть рѣчи: *не*, и усвоили Апостолу другой смыслъ. Итакъ въ добрую ли, или въ дурную сторону ни Богъ, ни діаволъ не является причиною того, что убѣжденіе наше исходитъ не отъ Того, Который призвалъ насъ, потому что мы (qui) или соглашаемся или не соглашаемся съ Призывающимъ. Другими словами: Убѣжденіе это, которому вы

нынѣ слѣдуете, исходитъ не отъ Бога, Который первоначально призвалъ васъ, а отъ тѣхъ, которые послѣ привели васъ въ смущеніе.

Стихъ 9: *Незначительная закваска всквашиваетъ все тѣсто.*—Въ нашихъ собраніяхъ св. книгъ имѣется дурной переводъ (male): *Незначительная закваска заражаетъ* (согримпѣтъ), *весь кусокъ* (massam). такъ что переводчикъ скорѣе передалъ свой смыслъ, нежели слова Апостола. Эту же самую мысль Апостолъ выражаетъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ, когда приказываетъ изгнать изъ ихъ среды того, который имѣетъ жену своего отца, для изможденія и усмиренія его плоти чрезъ посты и страданія, чтобы духъ его былъ спасенъ въ день Господа [другіе прибавляютъ: *нашего*] *Исуса Христа*. Дѣйствительно Апостолъ говоритъ: *Недобрая слава о васъ: вы не знаете, что незначительная закваска заражаетъ* (испорчиваетъ—согримпѣтъ) *весь кусокъ* [смѣсп] (1 Корнѳ. V, 5, 6), или.—какъ мы уже передали,—*Незначительная закваска всквашиваетъ все тѣсто*, и непосредственно послѣ того онъ присоединилъ: *Очистите старую закваску, чтобы вамъ быть новымъ смѣшеніемъ, какъ будто вы опръсноки, ибо нашею Пасхою былъ заклинъ Христосъ. Поэтому будемъ пишествовать не въ ветхой закваскѣ, не въ закваскѣ злобы и неправды, а въ опръснокахъ чистосердечія и истины* (Стихи: 7, 8). А теперь тѣмъ же самымъ наставленіемъ онъ поучаетъ, что духовный хлѣбъ Церкви, сходящій съ неба, не долженъ подвергаться насилию Іудейскаго толкованія; то же самое заповѣдалъ Господь и ученикамъ Своимъ,—именно: чтобы они воздержались отъ закваски фарисеевъ (Іоан. VI, ?). Это евангелистъ дѣлаетъ болѣе яснымъ, прибавляя: *А говорилъ Онъ имъ объ ученіи фарисеевъ* (Мѳ. XVI, 12), Затѣмъ, какое другое ученіе фарисеевъ разумѣется, какъ не соблюденіе Закона по плоти. Итакъ, смыслъ таковъ: Не думайте, что должно относиться съ презрѣніемъ къ кознямъ тѣхъ немногихъ людей,

которые, являясь изъ Іудей, учать иначе. Искра есть нѣчто малое, и даже не видно, пока она показывается, но если огонь, хотя бы и малый, попадетъ на очагъ и найдетъ себѣ пищу, то истребляетъ стѣны, городъ и обширѣйшіе лѣса и [опустошаетъ] страны. Также и закваска, въ другомъ значеніи представленная въ притчѣ (Лук. XIII), кажется вещью незначительною и даже ничтожною; но когда она въ соединеніи съ мукѳю кислотою своею закваситъ весь кусокъ, то ея силѣ поддается все смѣшеніе; подобно этому и превратное ученіе, начиная однимъ человѣкомъ въ первое время находить едва только одного или двухъ слушателей; но мало-по-малу оно расплзается, какъ ракъ въ тѣлѣ, и,— по народной поговоркѣ,—паршивая скотина заражаетъ все стадо. Итакъ, и искру необходимо потушить непосредственно послѣ ея появленія, и закваску удалить отъ тѣста и отрѣзать зараженный кусокъ отъ мяса, и изгнать паршивое животное изъ стада овецъ, чтобы не сгорѣлъ весь домъ, не прокисло тѣсто, не загнило тѣло, и не погибло стадо. Арій въ Александріи былъ одною искрою; но такъ какъ онъ не былъ тотчасъ же погашенъ, то пламя отъ него охватило всю вселенную,

Стихъ 9: *Я полагаюсь на васъ въ Господь, потому что вы не будете разумѣть ничего другого.*—Не по догадкѣ, какъ нѣкоторые хотятъ [доказать], но пророческимъ духомъ Апостолъ Павелъ предвозвѣщаетъ, что Галаты возвратятся на путь истины, который они оставили (1 Корин. XII). Дѣйствительно тотъ, кто убѣждалъ, чтобы они ревностно стремились къ дарамъ духовнымъ, а преимущественно, чтобы пророчествовать, самъ исполненный тою же благодатію, говоритъ: *Отчасти мы познаемъ, и отчасти пророчествуемъ* (1 Корин. XIII, 9). Итакъ, провидя духомъ, что они не будутъ вѣровать иному, а только тому, чему научились изъ посланія, онъ говоритъ. *Я полагаюсь на васъ въ Господь, потому что вы ничего другого не будете раз-*

умить, ибо и прибавленіе имени Господня обозначаетъ то же самое; въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ думалъ такъ по догадкѣ, то онъ могъ бы просто сказать: *Я полагаюсь на васъ*, а теперь присоединяя: *въ Господь*, онъ, довѣряя нѣкому божественному Духу, пророчествовалъ о томъ, объ исполненіи чего зналъ.

Стихъ 10: *А тотъ, кто смущаетъ васъ, понесетъ осужденіе, кто бы онъ ни былъ.*—Говорятъ, что этими словами онъ возстаетъ противъ Петра (*lacerat Petrum*—терзаетъ Петра), которому, какъ пишетъ самъ, онъ открыто въ лице противостоялъ, потому что тотъ неправую стною ходилъ въ истинѣ Евангелія. Но ни Павелъ не выражался съ такимъ дерзкимъ злорѣчіемъ противъ первенствующаго (*principem*) въ Церкви (*Галат. II*), ни Петръ не заслуживалъ быть отвѣтчикомъ за возмущеніе Церкви. Изъ этого слѣдуетъ думать, что онъ говоритъ о комъ-то другомъ, кто или былъ вмѣстѣ съ Апостолами, или пришелъ изъ Іудей, или увѣровалъ изъ среды фарисеевъ, или почитался, можетъ быть, великимъ среди Галатовъ настолько, чтобы понести осужденіе за возмущеніе Церкви, кто бы онъ ни былъ. А понести осужденіе, это значитъ то же, что иначе выражено въ слѣдующихъ словахъ: *Каждый понесетъ собственное бремя*, и я думаю, что слово *бремя* въ Писаніи можетъ быть понимаемо и въ хорошую, и дурную сторону, т. е. и въ отношеніи къ тѣмъ, которые подавляются тяжкими грѣхами, и въ отношеніи тѣхъ, которые несутъ легкое бремя добродѣтелей. О согрѣшившихъ вающійся говоритъ въ Псалмѣ: *Неправды мои возвысились надъ головою моею; какъ бремя тяжкое они отяготили надо мною* (*Псал. XXXVII, 5*). О добродѣтеляхъ и объ ученіи о добродѣтели Спаситель говоритъ: *Ибо иго Мое пріятно и бремя Мое легко* (*Мѡ. XI, 30*). А что и ученіе иногда понимается въ значеніи бремени, это ясно изъ Евангелія. Въ самомъ дѣлѣ фарисеи связываютъ бремена тяжелыя и такія, которыхъ не могутъ понести, и

возлагають ихъ на плечи людей, а сами не хотятъ коснуться къ нимъ и однимъ пальцемъ (Мѡ. XXIII, 4). А сколь тяжко преступленіе возмутить спокойствіе и возбудить какъ бы нѣкоторыми бурными волнами ясныя сердца людей, объ этомъ свидѣлствуютъ слова Спасителя къ Апостоламъ, когда Онъ говоритъ: *Пусть не смущается сердце ваше, не бойтесь* (Іоан. XIV, 1), потому что лучше будетъ для того, кто возмущаетъ и соблазняетъ кого либо въ Церкви, чтобы мельничный камень былъ повѣшенъ на шею его, и онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ брошенъ въ море, чѣмъ соблазнить ему одного изъ сихъ меньшихъ, которые наставлены Спасителемъ. Итакъ, Галаты были въ смущеніи относительно духа и буквы, обрѣзанія и отрѣзыванія, іудейства тайнаго и явнаго, и не знали, что дѣлать. А короче это можно понять и такъ. Кто бы ни былъ тотъ, который увлекаетъ васъ въ сторону ученія фарисеевъ, и желаетъ плотскаго обрѣзанія, хотя бы онъ былъ краснорѣчивъ и хвалился знаніемъ Закона, я ничего больше не говорю какъ только то, — чего и вы не можете отвергнуть, — именно, что онъ понесетъ осужденіе за это дѣяніе, и за свой трудъ получить надлежащее воздаяніе.

Стихъ 11: *А я, братіе, если я проповѣдую обрѣзаніе, то почему еще и до настоящаго времени терплю преслѣдованіе? Итакъ, устранился (или, какъ лучше стоитъ въ греческомъ: прекратился) соблазнъ креста.* — Въ Дѣяніяхъ Апостоловъ мы читаемъ, а также и Апостолъ Павелъ часто упоминаетъ въ своихъ посланіяхъ о томъ, что онъ выносилъ отъ Іудеевъ весьма частыя преслѣдованія, потому что училъ, что не должно обрѣзываться тѣмъ, которые изъ язычниковъ увѣровали во Христа. А тѣ, о которыхъ онъ выше сказалъ: *Тотъ, который возмущаетъ васъ, понесетъ осужденіе, кто бы онъ ни былъ*, чтобы обмануть Галатовъ говорили: „Не только Петръ и Іаковъ, и Іоаннъ, но и прочіе Апостолы въ Іудеѣ соблюдаютъ обрѣзаніе и другія предпи-

санія Закона, да и самъ Павелъ, который васъ, училъ иначе, чѣмъ этого требуетъ истина, обрѣзалъ Тимоѳея и вынуждаемый истиною часто былъ для Іудеевъ Іудеемъ“. Желая устранить такое мнѣніе изъ мыслей Галатовъ, Павелъ нынѣ говоритъ: *А я, братіе, если я проповѣдую обрѣзаніе, то почему еще и донынѣ подвергаюсь гоненіямъ*. Онъ говоритъ: „Вся ненависть Іудеевъ ко мнѣ и неистовство, которыми они пылаютъ (*furiunt*) противъ меня, [происходятъ] не отъ другой какой причины (*ob nihil aliud*), а только потому, что я учу язычниковъ, что не должно обрѣзываться и соблюдать чрезмѣрное и уже отмѣненное иго Закона. А такъ какъ я претерпѣваю гоненія, то очевидно, что я не проповѣдую обрѣзанія, которое разрушаю, ибо я претерпѣваю гоненія отъ Іудеевъ не столько потому, что проповѣдую Распятаго и говорю, что Іисусъ есть Христосъ [т. е. Помазанникъ—Мессія], Котораго и пророки предвозвѣстили, сколько потому, что по моей проповѣди Законъ уже исполненъ. А что крестъ для Іудеевъ является соблазномъ, а для язычниковъ—безуміемъ, это показалъ самъ Господь нашъ, называемый камнемъ преткновенія и камнемъ соблазна (*petra scandali*, *Мѡ. XXI, 44; Лук. XX, 18*); я думаю, что это не по другой какой причинѣ, какъ только потому, что проповѣдь [Евангелія, такъ сказать] налетѣла на слушающихъ, на полныхъ парусахъ, такъ что тотчасъ же натолкнулась на крестъ и никакъ не можетъ свободно двигаться далѣе. Но этотъ крестъ, являющийся для Іудеевъ соблазномъ, а для язычниковъ—безуміемъ, для насъ вѣрующихъ есть сила и премудрость. *Ибо Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость* (1 *Корнѡ. I, 24*), такъ что потому, что Онъ называется безуміемъ, безумное Божіе было мудрѣе для человѣковъ, и потому, что Онъ былъ соблазномъ и немощію, немощное Божіе было сильнѣе для людей. Но такъ какъ, говоритъ онъ, соблазнъ креста Христова еще остается, и я еще терплю преслѣдованія, которыхъ не долженъ былъ бы терпѣть, если бы не было со-

блѣзна, то напрасно нѣкоторые распускають слухи, что я проповѣдую обрѣзаніе, за возстаніе противъ котораго переносу гоненіе“.

Стихъ 12: *О если бы возмущающіе васъ были отступлены* [отъ общенія]! — Спрашивается: какимъ образомъ Павелъ является ученикомъ Того, Который говорилъ: *Благословляйте проклинающихъ васъ* (Мѡ. V, 44—45), когда и самъ онъ говорить: *Благословляйте, а не проклинаяте* (Римл. XII, 14) и въ другомъ мѣстѣ: *И злословящіе не получаютъ царства Божія въ наслѣдіе* (1 Корнѡ. XV, ?); а въ настоящемъ случаѣ онъ и злословить тѣхъ, которые возмущаютъ [или: возмущали] церкви Галатійскія, и злословить съ словомъ пожеланія: *О если бы возмущающіе васъ были отступлены* [отъ общенія]¹⁾. Страданіе отъ оскотленія столь отвратительно, что и тѣ, которые причиняють его нежелающимъ, наказываются по государственнымъ законамъ, и тотъ, который оскотилъ самъ себя, подвергается поруганію, такъ что, говорятъ, если истинно то, что *живетъ во мнѣ Христосъ* (1 Корнѡ. XIII, 3) и еще: *Или вы ищете испытанія Того, Который говоритъ во мнѣ* [т. е.] *Христа*, то конечно, слово Того, Который говорить: *Научитесь отъ Меня, какъ Я кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Мѡ. XI, 29) не можетъ быть понимаемо, какъ проклятіе, и потому предпочитаютъ думать (*magis putabunt*), что Апостоль скорѣе не могъ воздержаться отъ Іудейской ярости и нѣкотораго неудержимаго гнѣва, чѣмъ подражалъ Тому, Который, какъ агнецъ предъ стригущимъ его, не отрывалъ устъ своихъ и злословящихъ не злословилъ взаимно (Ис. LIII, 7), но осужденный предаль Себя на смерть. Кто на это возраженіе противъ Павла будетъ отвѣчать, тотъ пусть скажетъ слѣдующее: „Слова, ска-

¹⁾ Соотвѣтственно слѣдующимъ словамъ бл. Іеронима нужно было бы перевести эти мѣста такъ: *О еслибы возмущающіе васъ были обезглавлены, или: оскотлены*. Но глаголь *abscindere* у самого бл. Іеронима ниже не употребляется съ такимъ значеніемъ, а замѣненъ словомъ *castrare*, хотя производное отъ него *abscisio* имѣетъ значеніе: *оскотленіе*.

занныя имъ не столько суть слова раздраженія противъ враговъ, сколько слова, вызванныя любовію къ Церкви Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ видѣлъ, что вся область, которую онъ самъ своею кровію съ опасностями обратилъ къ вѣрѣ во Христа отъ идолослуженія, возмущена неожиданною проповѣдію, и въ своей Апостольской скорби, въ скорби отца не могъ удержаться: онъ измѣнилъ выраженіе своей рѣчи и съ гнѣвомъ говорить къ тѣмъ, къ которымъ прежде обращался ласково, съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ ругательствами удержать тѣхъ, которыхъ не могъ удержать кротостію“ И неудивительно, если Апостоль, какъ человѣкъ, еще заключенный въ немощную храмину [тѣла] и усматривающій въ своемъ тѣлѣ другой плѣняющій его Законъ и отвлекающій его къ Закону грѣха, однажды сталъ говорить въ такомъ родѣ, въ какомъ мы часто видимъ говорящими святыхъ мужей. Но съ другой стороны, можетъ быть, и то сказано, — хотя нѣкоторымъ это кажется и излишнимъ, — что Павелъ не столько проклиналъ ихъ, сколько молился за нихъ, чтобы они лишились тѣхъ частей тѣла, чрезъ которыя могутъ погрѣшати. И подобно тому, какъ сказано въ Евангеліи, что лучше будетъ, если кто-либо безъ глаза, безъ руки, или ноги, или какой-либо другой части тѣла войдетъ въ царство небесное, нежели, имѣя все тѣло въ цѣлости, пойдетъ въ геенну (Мѡ. XVІІІ), и теперь Апостоль желаетъ имъ, чтобы они лучше потеряли одну часть тѣла, чѣмъ были осуждены на вѣчный огонь вслѣдствіе сохраненія тѣла въ цѣлости. Если это мѣсто когда-либо встрѣтитъ возраженіе со стороны язычниковъ, то мы выше дали указаніе, какъ должно отвѣчать имъ. Теперь мы представимъ возраженія противъ еретиковъ, именно противъ Маркіона и Валентина и всѣхъ тѣхъ, которые возстаютъ противъ Вѣтхаго Завѣта, — именно: на какомъ основаніи они, обвиняя Бога Творца, какъ кровожаднаго воителя и [видя въ Немъ] только судію, осмѣливаются оправдывать эти качества у Апостола благаго Бога. И по моему мнѣнію несомнѣнно,

что въ Ветхомъ Законѣ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не было произнесено столь страшнаго и кроваваго приговора, какъ приговоръ: *О если бы возмущающіе васъ были отступлены* [отъ общенія] [или: обезглавлены, или: оскотлены] И не могутъ они сказать, что Апостоль молился о врагахъ Христовыхъ, которые возмущали Его Церкви. А что этотъ приговоръ, дышашій негодованіемъ и гнѣвомъ, произнесенъ не изъ любви, это показывается самымъ значеніемъ (*pondere*—вѣсомъ, тяжестью) словъ. Итакъ все, что они ни произнесутъ для оправданія Апостола, все это мы не откажемся признать годнымъ на защиту Ветхозавѣтнаго Закона.

Стихъ 13: *Ибо вы, братіе, призваны къ свободѣ; но только свободу свою не въ поводъ* [оправданія] *плоти* (подразумѣвается: *давайте*,—последнее слово, котораго мы не находимъ на греческомъ языкѣ, прибавилъ латинскій переводчикъ).—Это мѣсто очень темное; поэтому мы рѣшили буквально перевести толкованіе на него изъ десятой книги Строматы [Оригена]; не потому, что отдѣльныя выраженія не могутъ быть объяснены въ своемъ мѣстѣ и по собственному смыслу, но потому, что, отдѣленные отъ вышеизложеннаго сами по себѣ, они представляютъ трудно усвояемое цѣлое (*difficile corpus*), и если будутъ понимаемы такъ, какъ выражены, то они вытекаютъ какъ будто съ неожиданною непоследовательностію и противорѣчатъ себѣ самимъ. Итакъ, вотъ слова Оригена: „Мѣсто это трудное и по нашему мнѣнію должно быть объяснено такъ: Тотъ, кто свободенъ и слѣдуетъ въ высшемъ смыслѣ духу и истинѣ, [тотъ] презираетъ бывшіе прежде образы и букву. Поэтому онъ не долженъ высоко смотрѣть на меньшихъ и не давать повода къ униженію себя тѣмъ, которые не могутъ возвышаться до высшаго смысла; ибо хотя они и немощны, и по сравненію съ духомъ называются плотію; однако они суть плоть Христова. Ибо если [таковой] понимаетъ тайну плоти, служащей болѣе немощнымъ, то онъ дѣлаетъ нѣчто ради немощныхъ, чтобы

въ то время, какъ онъ имѣеть знаніе, не погибъ братъ его, за котораго умеръ Христосъ. Итакъ, обрати должное вниманіе на то: можно ли изъ дальнѣйшаго вывести этотъ смыслъ. *Вы, братіе*, говоритъ онъ, *призваны къ свободѣ* и говоритъ, можетъ быть, потому, что не всѣ могли понять призваніе къ свободѣ. Поэтому нынѣ вы слышите: *Только не давайте свободы своей въ поводъ* [для оправданія] *плоти*. Ибо должно, чтобы большіе по любви служили меньшимъ, такъ какъ желающій быть большимъ будетъ рабомъ всѣхъ (*Мѡ. XX; Мрк. X*). Итакъ, духовный пусть не терзаетъ плоти Христовой и пусть не подаетъ имъ повода, чтобы они кусали Его, призывающаго ихъ къ тому, чтобы они не истребляли себя взаимно. Итакъ, должно, чтобы ходящій въ духъ и въ духъ слѣдующій словамъ писаній не имѣлъ стремленія къ ихъ плотскому смыслу. Если же слова его: *Ходите въ духъ и не слѣдуйте пожеланіямъ плоти*, мы понимаемъ просто, то кажется (какъ думаютъ и очень многіе), что въ нихъ Павелъ неожиданно выступаетъ противъ доказательствъ и цѣли всего этого посланія, потому что непосредственно вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ: *Если же вы водитесь духомъ, то вы уже находитесь не подъ Закономъ*. И въ то время какъ до этого мѣста рѣчь въ нѣкоторой мѣрѣ идетъ связано,—если опять мы послѣдуемъ простому пониманію,—наоборотъ, здѣсь внезапно онъ переноситъ насъ къ наставленіямъ, которыя трудно связать [съ предыдущимъ], именно къ разсужденіямъ о плоти и духѣ, т. е.: *Извѣстны дѣла плоти* такія и такія, и наоборотъ: *Плоды же духа: любовь* и проч. Но и въ этихъ словахъ мы не должны отчаяваться [увидѣть] послѣдовательность, потому что историческія книги Божественныхъ Писаній содержать указаніе на дѣла плоти; но онѣ не очень много помогаютъ тѣмъ, которые понимаютъ ихъ такъ, какъ написано. Въ самомъ дѣлѣ, кто не научится воздержанію и не станетъ считать блудодѣйство за ничто, когда прочтаетъ объ Іудѣ, входящемъ къ непотребной жевщинѣ и о

патріархахъ, имѣвшихъ по нѣскольку женъ (*Быт.* XXVIII)? Какимъ образомъ не склонится къ идолослуженію тотъ, который будетъ думать, что кровь тельцовъ и прочія жертвы книги Левитъ имѣютъ значеніе не больше того, какъ показано буквою [Закона]? А что касается вражды, то ей научаетъ открыто выраженное слово Писанія, и она одобряется слѣдующимъ мѣстомъ: *Презрѣнная дочь Вавилона! Блаженъ тотъ, кто воздастъ за дѣяніе твое, которое ты сдѣлала намъ; блаженъ тотъ, кто возьметъ и разобьетъ дѣтей твоихъ о камень* (*Псал.* CXXXVI, 8, 9), а также и слѣдующимъ: *Утромъ я истреблю всѣхъ грѣшниковъ земли* (*Псал.* C, 8) и прочими сему подобными,—именно: говорящими о враждѣ, ревности, гнѣвѣ, спорахъ и несогласіяхъ. Если мы не будемъ имѣть болѣе возвышенныхъ чувствованій, то примѣры прошедшей жизни къ этому скорѣе побуждаютъ насъ, чѣмъ удаляютъ отъ этого. И самыя ереси имѣютъ своимъ источникомъ скорѣе плотское разумѣніе Писанія, чѣмъ дѣйствіе нашей плоти, какъ думаютъ очень многіе. Кромѣ того чрезъ буквальное пониманіе Закона мы научася зависти и невоздержности въ питіи. Ной послѣ потопа подвергается опьяненію такъ же, какъ и патріархи у брата Іосифа въ Египтѣ (*Быт.* IX и XLIII). А въ книгѣ Царствъ изображено излишество въ пищѣ, а также плясаніе Давида и его игра на тимпанахъ предъ ковчегомъ Завѣта Божія (1 *Цар.* VI) и тому подобное. Спрашивается: какимъ образомъ простое слово Писанія, называемое плотію, будетъ призывать насъ къ чародѣйству и злодѣяніямъ, если мы перейдемъ къ духу того же Писанія. Я думаю, что это и значить то, что Даніиль и три отрока оказались въ десять разъ мудрѣе волхвовъ и гадателей Газаренскихъ и Халдейскихъ, а Моисей—наставленнымъ во всей мудрости и наукѣ Египетской. Посему если кто-либо пребываетъ въ плотскомъ разумѣніи Писанія, то это бываетъ причиною многихъ золъ. Дѣлающіе это не наследуютъ

царства Божія. Итакъ, будемъ искать духа и плодовъ Писанія, которые не называются [у Апостола] извѣстными. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, плоды духа въ Писаніяхъ обрѣтаются съ великимъ трудомъ и усиліями и надлежащимъ изученіемъ. Посему, мнѣ кажется, Апостоль Павелъ осмотрительно и осторожно сказалъ о плотскомъ смыслѣ Писанія: *А дѣла плоти извѣстны* (Галат. V, 19), но относительно плодовъ духовныхъ не сказалъ, какъ тамъ: *Извѣстенъ плодъ духа*, а сказалъ такъ: *Плодъ же духа есть любовь, радость, миръ* и проч. (Гал. V, 22). Поэтому если мы, оставивъ образы, перейдемъ къ истинѣ и духу Писанія, то тотчасъ же намъ откроется прежде всего любовь, и, переходя отъ нея къ радости, мы приходимъ къ миру, чрезъ который наследуемъ терпѣніе. И кто не научится милосердію и добротѣ, когда пойметъ, что обращенныя чрезъ пророковъ къ народамъ и кажущіяся нѣкоторымъ тяжкими въ Законѣ наказанія, то есть войны, истребленіе народовъ и угрозы имъ, являются скорѣе врачевствами, чѣмъ наказаніями? Ибо Господь будетъ гнѣваться не вѣчно (Ис. LVII). Итакъ, когда это сдѣлается для насъ явнымъ, то мы будемъ имѣть болѣе разумную вѣру, воздержаніе будетъ сопутствовать улучшившимся нравамъ; за этимъ послѣдуетъ умѣренность и непорочность, и послѣ этого Законъ станетъ для насъ вѣмъ.“ До этого мѣста Оригенъ. Къ этимъ словамъ его мы можемъ прибавить свою мысль о томъ, что люди призванные отъ рабства Закона къ свободѣ Евангелія (которымъ выше сказано: *Стойте и не прикрѣпляйтесь снова къ ярму рабства*) и нынѣ убѣждаются къ тому, чтобы, принявъ иго Христово и сладостныя заповѣди Евангелія, они совсѣмъ не думали, что имъ позволено пользоваться этою самою свободою жизни въ поводъ для [похотей] плоти, — именно: чтобы жить по плоти, чтобы обрѣзываться по плоти; но чтобы они предпочитали твердо стоять въ духѣ, духовно отсѣкать крайнюю плоть и, простираясь въ высшія

области духа, оставлять неизменную сторону буквы. Но это может быть понято и иначе. Может быть, кто-нибудь скажетъ: „Павелъ! я пересталъ быть подъ Закономъ и отъ рабства призванъ къ свободѣ; поэтому я долженъ жить такъ, какъ это прилично свободѣ и не держаться какихъ бы то ни было заповѣдей, но дѣлать, исполнять и слѣдовать тому, что только мнѣ понравится и что подскажетъ воля“. На это Апостолъ отвѣчаетъ: „Правда, мы призваны къ духу свободы, но такъ, что самая свобода не должна быть въ рабствѣ у плоти. И не будемъ думать, что намъ всё позволительно, все возможно. Посему лучше, чтобы мы, переставъ быть рабами Закона, предпочитали взаимное служеніе себѣ чрезъ любовь такъ, чтобы заповѣди отрывочно по частямъ выраженного Закона заключались въ одной главѣ о любви.

Стихъ 14: *Но любовію служите другъ другу, ибо весь Законъ исполняется въ одномъ словѣ: Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.*—Такъ какъ онъ сдѣлался свободенъ отъ всего, то вслѣдствіе любви сдѣлался рабомъ всѣхъ, чтобы пріобрѣсти многихъ (1 Корнѳ. XIII, 11); поэтому онъ прямо убѣждаетъ и остальныхъ, чтобы и они служили другъ другу (sibi) любовію, которая не ищетъ своего и того, что принадлежитъ ближнему. Въ самомъ дѣлѣ, кто хочетъ быть первымъ, тотъ будетъ всѣмъ рабъ (Марк. X, 44), подобно тому, какъ и Спаситель *бывшій въ образъ Бога не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, но умилилъ Себя, принявъ образъ раба и будучи по виду подобенъ людямъ, смирилъ Себя Самого, сдѣлавшись послушнымъ даже до смерти, смерти же крестной* (Филипп. II, 6—8). Такъ и мы прежде, подъ Закономъ, въ силу необходимости, повидимому, дѣлали нѣчто, а теперь знаемъ,—когда мы свободны,—что это же должно дѣлать преимущественно въ силу любви. Любовь же настолько прекрасна, что стоитъ во главѣ всего Закона. Апостолъ и въ другомъ

мѣстѣ исчисляеть блага любви, говоря: *Не ревнуетъ, не дѣлаетъ неправильно* (1 Корнѣ. XIII, 7, 8). И указавъ на многое [другое] въ срединѣ, оканчиваетъ такъ: *На все надѣется, все переноситъ, любовь никогда не прекращается*. И Спаситель въ Евангеліи говоритъ, что признавъ Его ученика обнаруживается въ томъ, что [или: если] онъ любить ближняго своего. И по моему мнѣнію это пригодно не только для людей, но даже и для ангеловъ. То же самое говорится и въ другихъ словахъ: *Если вы не хотите, чтобы что-нибудь было сдѣлано вамъ, то не дѣлайте этого и другимъ, и если хотите, чтобы люди вамъ дѣлали что-нибудь, то подобнымъ же образомъ и вы дѣлайте имъ* (Тамъ же VП, 12). Я не хочу, чтобы жена моя была склонена къ прелюбодѣянію, не хочу, чтобы пмушество мое было расхищено, не хочу, чтобы лжесвидѣтельство тяготѣло надо мною и,—обвиняя все однимъ краткимъ изреченіемъ,—я незаслуженно несу что-либо сдѣланное мнѣ несправедливо. Если же въ силу дѣйствующей во мнѣ любви я или не желаю того же, или не дѣлаю этого другому, то исполненъ весь Законъ. И не трудно уразумѣть, какимъ образомъ всѣ заповѣди: не убивай, не прелюбодѣйствуй, не брадь, не лжесвидѣтельствуй, и прочее сему подобное содержатся въ исполненіи заповѣди о любви. Трудно показать, какимъ образомъ также и жертвы, предписанныя въ книгѣ Левитъ, и воздержаніе отъ [извѣстной] пищи, а съ другой стороны разрѣшеніе на нее,—т. е. когда одно считается нечистымъ, а другое чистымъ,—и непрерывный годичный кругъ празднествъ могутъ быть сведены къ одной заповѣди о любви, если только можетъ быть кто-нибудь не перейдетъ къ тому, чтобы утверждать, что Законъ духовенъ и что мы служили образамъ и примѣрамъ небеснаго, пока не явится истинный Первосвященникъ, Который, принеся Себя Самого въ жертву одинъ разъ, искупилъ насъ Своею кровію, и такимъ образомъ вся истина и трудность прежняго Закона

была исполнена въ Его любви къ людямъ; въ самомъ дѣлѣ, Отець такъ возлюбилъ міръ, что Возлюбленнаго Единороднаго Сына Своего предалъ за насъ. А тому, кто уже живетъ въ духѣ и умертвилъ дѣла плоти и возлюбленный Спасителемъ называется уже не рабомъ, а другомъ, Законъ больше не дѣйствителенъ,—[Законъ] который предназначенъ для грѣшниковъ, нечестивыхъ, непокоряющихся и непотребныхъ. Нынѣ же, когда все, что было болѣе труднымъ, мы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части исполнили, мы не исполняемъ только одного того, что въ самомъ дѣлѣ легко, и безъ чего все, исполненное нами, тщетно. Тѣло претерпѣваетъ непріятности поста, бдѣнія измучиваютъ плоть, мыслостыни выпрашиваются съ насиліемъ (*cum labore*); и хотя была бы и пламенная вѣра, въ мученичествѣ кровь проливается со страхомъ и страданіями. Есть такіе, которые все это переживаютъ (*faciant*); только одна любовь обнаруживается безъ страданія. И такъ какъ только она одна дѣлаетъ сердце чистымъ, то со стороны діавола изгоняется изъ насъ, чтобы мы не созерцали Бога чистымъ сердцемъ. Ибо когда я, сидя, наговариваю противъ брата своего и для сына матери моей поставляю соблазнъ (*Псал. XLIX, 20*), когда я терзаюсь чужимъ счастіемъ, и благо другого считаю для себя зломъ, то развѣ не исполняется на мнѣ то, что сказано въ слѣдующихъ словахъ: *Если вы будете себя взаимно убивать и поодать, то смотрите, чтобы не истребить себя взаимно*. Любовь является рѣдкою принадлежностію. Кто захочетъ самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братій своихъ, подражая Апостолу? Кто, радуясь съ радующимися и плача съ плачущими, бываетъ пораженъ чуждою ранюю? Кто бываетъ пораженъ смертію своего брата? Всѣ мы любимъ болѣе себя самихъ, чѣмъ Бога. Посмотри какія блага проистекаютъ отъ любви. Если мы претерпѣваемъ мученичество такъ, что хотимъ только почитанія отъ другихъ нашихъ останковъ; если мы, слѣдуя

миѣнію толпы безтрепетно пролили кровь и роздали свое имущество до того, что сдѣлались бѣдными, то за такое дѣло слѣдуетъ не столько награда, сколько наказаніе, и скорѣе мученіе за вѣроломство, чѣмъ вѣнецъ за побѣду.

Стихъ 15: *Посему, если вы взаимно будете убивать и поѣдать себя, то смотрите, чтобы вы взаимно не истребили себя.*—Это можетъ быть понято и просто: чтобы мы не поносили ругательствами другъ друга, не думали отмщать проклинающему насъ, не желали опечаливать другихъ, находясь въ огорченіи и подобно дикимъ звѣрямъ кусать и подвергаться укушеніямъ, такъ что послѣ укушенія слѣдуетъ смерть и истребленіе. Но гораздо лучше, если мы будемъ понимать такъ, чтобы все сказанное относить къ обрѣзанію и соблюденію Закона, для того, чтобы вопреки смыслу и послѣдовательнымъ разсужденіямъ всего посланія не представить [Апостола] Павла обратившимся внезапно къ чрезвычайнымъ наставленіямъ. Если,—онъ говоритъ,—васъ возмущаютъ другіе, то и вы будете возмущены; если вы, читая все ветхозавѣтное Писаніе, будете понимать такъ, какъ и написано: *Око за око, зубъ за зубъ* (Втор. XIX, 21), [т. е.] что гнѣвъ желаетъ мщенія, а мщеніе причиняетъ страданіе, потому что Законъ не только не возбращаетъ, но даже предписываетъ воздаяніе, равномѣрное обидѣ; то слѣдуетъ, что и лишенный одежды можетъ ее снимать [съ другого] и получившій рану—наносить ее и пожираемый—пожирать; и такимъ образомъ то, что повидимому является справедливостію, есть истребленіе, такъ какъ не отплачивается только одному, а [напротивъ] пожираетъ оно обоихъ.

Стихъ 16: *Я же говорю: ходите въ духъ и не удовлетворяйте похотей плоти.*—И эти слова въ соотвѣтствіе съ вышесказаннымъ должно понимать въ двоякомъ смыслѣ; такъ что мы можемъ сказать, что тѣ, которые духомъ умертвили дѣла плоти и посѣяли въ духъ, чтобы отъ духа познать жизнь вѣчную, какъ только чувствуютъ щекотаніе

плотской похоти, не удовлетворяютъ ея пожеланію (которое, будучи исполнено на время, повидному, ласкаетъ насъ), но обуздываютъ его духомъ и, по словамъ историка (Саллюстія) „живутъ преимущественно властію духа, а рабствомъ плоти“. Сверхъ того Законъ духовенъ (*Рим. II. VП, 14*) и не тотъ Іудей, который [таковъ] открыто, но который есть Іудей въ тайнѣ, и обрѣзаніе есть обрѣзаніе сердца въ духѣ, а не по буквѣ; такъ что мы утверждаемъ, что тѣ не удовлетворяютъ плотскимъ пожеланіямъ, которые духовно вышли изъ Египта и черпали духовную пищу и питіе отъ духовнаго камня, которые не осуждаютъ за пищу или питье, или какое-нибудь участіе въ праздниѣ, или за новомѣсячія, или за субботы, но которые ходятъ во всемъ духовно, не удовлетворяя пожеланіямъ Закона плоти или буквы, а пожиная плоды духовнаго разумѣнія. Нѣкоторыми относительно этого мѣста предложено и третье толкованіе, которое однако мало отступаетъ отъ второго: они утверждаютъ, что похоть плоти есть въ тѣхъ, которые еще младенцы во Христѣ. А путь духовный обрѣтается въ мужахъ совершенныхъ, такъ что смыслъ мѣста такой: Ходите въ твердой увѣренности духа, т. е. путемъ мужа, и не удовлетворяйте дѣтскимъ пожеланіямъ.

Стихъ 17: *Ибо плоть обнаруживаетъ похоть вопреки духу, а духъ—вопреки плоти; такъ что вы не дѣлаете того, чего желаете.*—Плотъ улаждается настоящимъ и вратковременнымъ, а духъ будущимъ и вѣчнымъ. Между этою враждою посредникомъ стоитъ душа, которая дѣйствительно имѣетъ въ своей власти добро и зло, хотѣніе и нехотѣніе, но она не имѣетъ въ своей власти хотѣть или не хотѣть одного и того же, потому что можетъ быть такъ, что хотя она соглашается съ плотію и дѣлаетъ дѣла ея, но потомъ, терзаемая раскаяніемъ, снова вступаетъ въ союзъ съ духомъ и дѣлаетъ его дѣла. Вотъ это и значать его слова: *Дѣйствительно они противодѣйствуютъ взаимно*

*другъ другу, т. е. духъ и плоть, такъ что вы не дѣлаете того, чего желаете, не потому, что это наша свободная воля побуждаетъ соглашаться то съ духомъ, то съ плотію, а потому, что это дѣйствіе въ собственномъ смыслѣ не наше, а именно (іrsun) должно считаться дѣломъ или плоти, или духа. Но дѣло великой трудности и весьма спорное дѣло, послѣ указанія дѣлъ плоти и духа, открыть нѣкоторыя посредствующія дѣла, которыя, повидимому, не относятся ни къ плоти, ни къ духу. Мы называемся плотскими, когда мы всецѣло предаемъ себя во власть удовольствій; а духовными—тогда, когда сѣдваемъ за волящимъ насъ духомъ Святымъ, т. е. когда мудствуемъ по Его наставленію и обучаемся отъ Него Самого. А душевные это, по моему мнѣнію, философы, которые считаютъ мудростію собственныя измышленія, о которыхъ справедливо говорится: *Душевный же человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что это для него неразуміе.* А чтобы это было яснѣе возьмемъ нѣкоторый примѣръ: Плоть пусть называется землею, душа—золотомъ, а духъ огнемъ. Пока золото будетъ въ землѣ, оно утрачиваетъ свое имя и называется именемъ земли, съ которою смѣшано, но когда оно отдѣлено отъ земли, тогда оно получить и видъ, и наименованіе золота, и въ дѣйствительности называется золотомъ, хотя еще не испытаннымъ. Но если оно будетъ выжжено и очищено чрезъ огонь, то оно пріобрѣтаетъ блескъ золота и достойную его красоту. Подобно этому и душа, находящаяся между землею и огнемъ, т. е. стоящая между плотію и духомъ; когда она предалась плоти, то называется плотію, когда—духу, то—духомъ. Поэтому если она полагается на собственныя мысли и думаетъ, что безъ благодати Святаго Духа обрѣла истину, то будетъ называться именемъ душевнаго человека. Это мѣсто можетъ быть объяснено и иначе и представлять какъ бы цѣлостный рядъ или тѣло, взаимно связующее себя и не противорѣчащее самому себѣ. Братіе! вы призваны отъ раб-*

ства Закона къ свободѣ Евангелія. Но заклинаю васъ, не злоупотребляйте свободою для своевольтва и не воображайте, что вамъ полезно все то, что позволительно (возможно—*licent*), и не подавайте повода плоти и ея излишествамъ. Поэтому лучше узнайте, что этого рода свобода является гораздо большимъ служеніемъ [рабствомъ], потому что прежде Законъ требовалъ [отъ васъ] послушанія противъ воли (*ab invitis*), а теперь по побужденію любви вы служите себѣ взаимно; хотя вся оная тяжесть Закона и [его] многочисленныя заповѣди не столько исключены благодатію Евангелія, сколько сокращенно представлены въ единомъ словѣ о любви: чтобы мы любили ближняго своего, какъ самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, кто любитъ ближняго своего, тотъ исполняетъ Законъ (*Мѡ. XXII, 37—40*), доставляя ему благо и не принося зла. Посему, если прекратится любовь (*dilectio*) и не будетъ благорасположенія (*charitas*), то между людьми будетъ происходить нѣкоторое общественное разбойничество, такъ что, взаимно свирѣпствуя другъ противъ друга и грызя самихъ себя, [люди] истребляются другъ другомъ. А вы, братіе, такъ какъ вы должны жить по духовному Закону, не удовлетворяйте пожеланіямъ, которыя исходятъ отъ плоти. Въ самомъ дѣлѣ, плоть боится холода, гнушается голода, истощается бессонницею, разгорячается отъ похотей и желаетъ чего-нибудь нѣжнаго и пріятнаго. Наоборотъ, духъ стремится къ тому, что противно плоти, и что можетъ ослабить ее. И вотъ дѣло обстоитъ такъ, что вы не должны себя считать свободными потому, что вы перестали быть подъ рабствомъ Закона; а должны знать, что вы больше удерживаетесь закономъ природы, потому что если Законъ не требуетъ, то природа не тотчасъ умолкла [съ требованіемъ того], чтобы дѣла не шли въ соотвѣтствіе именно съ вашимъ желаніемъ; наоборотъ, вы часто призываетесь къ совершенію того, чего не хотите дѣлать, такъ какъ плоть противоборствуетъ духу. Посему, братіе,

заклинаю васъ не давать свободы своей въ поводы для [похотей] плоти, а предпочитать служеніе (*magis serviatis*) духу, чтобы начать дѣлать то, чего желаете и ни въ чемъ не быть должными предъ Закономъ, т. е. не быть въ подчиненіи плоти; потому что вы тогда по истинѣ будете имѣть въ Евангеліи свободу отъ уничтоженнаго Закона, когда плоть совсѣмъ не будетъ побуждать васъ дѣлать то, чего вы не желаете, но, служа духу, вы научитесь тому, что вы не подъ Закономъ. А такъ какъ выше это мѣсто мы начали излагать соотвѣтственно двоякому значенію, то должны прибавить то, что пропустили. Плоть обнаруживаетъ похоть вопреки духу, т. е. событія прошедшей жизни и плотское разумѣніе Писанія возстаютъ противъ таинственнаго смысла и духовнаго ученія. А духъ—противъ плоти, т. е. болѣе возвышенное сопротивляется низверженному, вѣчное—кратковременному, а истина—тѣни. И плотскій смыслъ Писанія, который не можетъ быть выполненъ (потому что мы не въ силахъ исполнить все то, что написано), показываетъ намъ, что мы поставлены въ невозможность исполнить Законъ, такъ какъ даже если бы мы хотѣли слѣдовать буквѣ, насъ не допускаетъ [къ тому] невозможность.

Стихъ 18: *Посему если вы водитесь Духомъ, то вы уже не подъ властію Закона.*—Это не тотъ духъ, о которомъ Апостолъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Самъ Духъ подаетъ свидѣтельство духу нашему, что мы—чада Божіи* (*Римл. VШ, 16*), т. е. обозначаетъ не духъ чловѣка, который въ немъ, а Духа Святаго, слѣдуя Которому, мы дѣлаемся духовными и перестаемъ быть подъ властію Закона. Итакъ нужно замѣтить, что этотъ духъ называется не съ грамматическимъ членомъ или съ какимъ-либо другимъ требованіемъ, какъ это мы читаемъ въ другихъ мѣстахъ, напр., о духѣ кротости, о духѣ вѣры, а просто: *Духъ*. Впрочемъ, эта подробность имѣетъ нѣкоторое значеніе

больше на греческомъ языкѣ, чѣмъ на нашемъ, который совсѣмъ не имѣетъ никакого члена. По поводу этого мѣста является вопросъ: „Если тотъ, кто руководствуется Духомъ, не находится подъ властію Закона, то Моисей и [другіе] пророки дѣйствовали ли въ Духѣ и жили ли [вмѣстѣ съ тѣмъ] подъ Закономъ? Но это Апостолъ отрицаетъ. Или же они, имѣя Духа, не были подъ Закономъ? На это Апостолъ даетъ [какъ будто] утвердительный отвѣтъ. Или,—въ третьихъ,—можетъ быть они жили подъ властію Закона, но не имѣли Духа? Но думать такъ о таковыхъ мужахъ нечестиво. На это мы отвѣтимъ кратко: Не одно и то же быть подъ Закономъ и быть какъ бы подъ Закономъ, такъ же какъ не одно и то же быть въ подобіи плоти грѣховной и быть въ плоти грѣховной. И не одно и то же значить настоящій змѣй и подобіе мѣднаго змѣя, котораго Моисей повѣсилъ въ пустынь (Числ. XXI). Отсюда слѣдуетъ, что и святые пророки и Моисей, ходившій въ Духѣ и жившіе въ Духѣ, жили не подъ Закономъ, но только какъ бы подъ Закономъ, съ тѣмъ, чтобы, повидимому, быть подъ Закономъ для пріобрѣтенія тѣхъ, которые были подъ Закономъ, и для призванія ихъ отъ низменности буквы къ высотѣ духа. Ибо и Павелъ, бывшій для Іудеевъ Іудеемъ и для всѣхъ всѣмъ, чтобы пріобрѣсти всѣхъ (1 Корнѣ. IX, 22) не сказалъ: *Былъ подъ Закономъ*, но: *Былъ какъ бы подъ Закономъ*, чтобы показать, что онъ сохранялъ не истину Закона, а только подобіе его. Кажется, что мы разрѣшили предложенный вопросъ. Но какъ намъ поступить съ тѣмъ мѣстомъ въ посланіи Павла, которое говоритъ: *Когда же наступило исполненіе времени, послалъ Богъ Сына Своего, рожденнаго отъ жены бывшаго подъ Закономъ, чтобы искупить тѣхъ, которые были подъ Закономъ* (выше IV, 4)? Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ былъ подъ Закономъ, а не какъ бы подъ Закономъ то все предшествующее разсужденіе наше не имѣетъ значенія. Но и это возра-

женіе разрѣшается самымъ своимъ смысломъ (de suo ioco); потому что Тотъ, Который былъ подъ Закономъ, чтобы искупить бывшихъ подъ Закономъ, конечно, подчинился Закону по своей волѣ, такъ какъ былъ свободенъ отъ Закона, и [конечно] былъ гораздо свободнѣе Павла, который засвидѣтельствовалъ, что онъ былъ не подъ Закономъ, а какъ бы подъ Закономъ. И какъ Онъ ради насъ сошелъ въ пучину и бездну смерти,—насъ, вопіющихъ въ молитвѣ: *Кто освободитъ насъ отъ тѣла этой смерти* (de corpore huius mortis) (Римл. VП, 14),—такъ Онъ благоволилъ и родиться отъ жены и быть подъ Закономъ, чтобы спасти тѣхъ, которые были рождены отъ жены и [были] подъ Закономъ. Однако несомнѣнно, что Онъ родился не отъ жены, т. е. не отъ бывшей въ брачномъ состояніи, но отъ Дѣвы. Но Дѣва названа женою несоотвѣтственно [дѣйствительности], ради тѣхъ, которые не знали, что она — Дѣва. Такимъ образомъ, какъ ради тѣхъ, которые полагали, что святая Марія имѣла мужа, Дѣва названа женою; такъ и ради тѣхъ, которые думали, что Христосъ былъ подъ властію Закона, не зная, что Онъ былъ какъ бы подъ Закономъ, ради бывшихъ дѣйствительно подъ Закономъ, говорится, что Онъ былъ подъ Закономъ.

Стихи 19—22: *А дѣла плоти извѣстны до очевидности*. (manifesta); это: блудъ, нечистота, невоздержаніе, служеніе идоламъ, колдовство (veneficia—отравленіе), вражды, ссоры, ревность, гнѣвъ, распри, разногласія, раздѣленія (ереси), зависть, пьянство, безвременное употребленіе обильной пищи, и тому подобное, о чемъ я предупреждаю, какъ и прежде говорилъ, что дѣлающіе такъ не будутъ обладателями Царства Божія.—Выше, когда мы дѣлали объясненіе мѣста о плоти и духѣ, мы сказали о тройкомъ пониманіи, т. е. плотскіе люди суть или тѣ, которые подобны дѣтямъ и плотяны, и не могутъ воспринимать твердой пищи о Христѣ и питанія совершеннаго воз-

раста, *или тѣ*, которые по обычаю Іудеевъ слѣдуютъ только дѣйствительно бывшимъ примѣрамъ прошедшей жизни и буквѣ [Писанія], *или*, безъ сомнѣнія,—въ соотвѣтствіи съ прямымъ смысломъ,—здѣсь говорится о томъ, что въ составѣ человѣка есть плоть и духъ, и по различію сущности [ихъ] бываютъ и дѣла или плотскія, или духовныя. И вотъ теперь называемыя дѣлами плоти, а именно: блудо-дѣяніе, нечистота, невоздержаніе и прочее, указываемое затѣмъ, по моему мнѣнію, скорѣе относится къ пониманію здѣсь просто плоти и духа, чѣмъ къ плоти Закона и младенчеству людей о Христѣ, хотя въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы (выше) перевели слово въ слово разсужденія изъ десятой книги „Стромать“ Оригена, выражено, что можно думать и объ этомъ. Слова же Апостола: *А дѣла плоти извѣстны до очевидности* показываютъ, что эти дѣла пзвѣстны или всѣмъ, потому что они сами по себѣ очевидны, какъ злыя, и такія, которыхъ должно избѣгать; и очевидны настолько, что даже дѣлающіе ихъ желаютъ скрыть то, что дѣлаютъ. Или же можетъ быть извѣстны они только тѣмъ, которые увѣровали во Христа, потому что многіе изъ язычниковъ полагаютъ славу свою въ своихъ безобразіяхъ и думаютъ, что, если они удовлетворили своимъ похотямъ, то одержали побѣду надъ безчестіемъ [избавились отъ безчестія]. Но также прекрасно и то, что онъ плоти усваиваетъ дѣла, а плоды—духу; потому что пороки сами въ себѣ имѣютъ конецъ и погибаютъ, а добродѣтели разрастаются въ обильные плоды. Но не будемъ думать, что и у души нѣтъ никакого дѣла, когда пороки признаются дѣломъ плоти, а добродѣтели усваиваются духу; потому что.—какъ мы выше сказали,—душа, поставленная какъ бы въ нѣкоторомъ промежуткѣ, или присоединяется къ плоти и тогда о ней говорится: *Не будетъ пребывать Духъ Мой въ людяхъ сихъ, потому что они суть плоть* (Быт. VI, 3), или соединяется съ духомъ и тогда становится духомъ, ибо *Кто прилепляется къ*

Господу, тотъ одинъ и тотъ же духъ есть (1 Корнѣ. VI, 17). Итакъ, первое дѣло плоти есть блудодѣяніе. Поставлено оно, какъ очевидное, въ началѣ, чтобы мы не имѣли сомнѣнія о томъ, что находится въ срединѣ. Дѣйствительно, всё, что ни дѣлаетъ человѣкъ, онъ дѣлаетъ внѣ тѣла, а совершающій блудодѣяніе грѣшитъ противъ своего тѣла [in sinu corporis—въ свое тѣло]. А мы не принадлежимъ себѣ, ибо мы куплены дорогою цѣною и носимъ Бога въ своемъ тѣлѣ. Поэтому блудодѣй совершаетъ бѣольшее [сравнительно съ другими] преступленіе: онъ беретъ члены Христовы и дѣлаетъ ихъ членами блудницы, ибо они двое становятся однимъ тѣломъ. Тотъ, кто не вѣренъ и не вѣруетъ во Христа, дѣлаетъ свои члены членами блудницы, а тотъ, кто вѣруетъ во Христа, дѣлаетъ членами блудницы члены Христовы. Но я не знаю, наоборотъ, созидаетъ ли своимъ блудомъ, или растлѣваетъ храмъ идола тотъ, который невѣренъ, потому что чрезъ пороки демоны получаютъ даже весьма великое почтеніе. Я знаю одно то, что совершающій блудъ послѣ вѣры во Христа растлѣваетъ храмъ Божій. Второе дѣло плоти называется нечистотою, а ея спутникомъ является воздержаніе. Ибо какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ о несказанныхъ преступленіяхъ, которыя совершаются въ тайнѣ, и о которыхъ весьма постыдно говорить,—чтобы не осквернить ни устъ говорящаго, ни ушей слушающаго,—Писаніе вообще говоритъ: *Дѣлайте сыновъ Израиля сыновъ стыдливыми предъ всякою нечистотою* (Левит. XV, 31); такъ и въ этомъ мѣстѣ онъ назвалъ воздержностію и нечистотою прочія необыкновенныя дѣянія похоти, даже самыя брачныя отношенія, если они бывають безстыдными и безчестными какъ бы [имъ не слѣдовало быть] предъ очами Божиими для дѣторожденія. Четвертое мѣсто въ спискѣ дѣлъ плоти занимаетъ идолослуженіе. Въ самомъ дѣлѣ, кто однажды предался воздержности и похоти, тотъ не возвращается на Творца; и иначе: во всякомъ идолослуженіи чело-

вѣкъ улаждается празднествами, удовлетвореніемъ горла, чрева и того, что ниже чрева, а чтобы какъ-нибудь (*forsitor*) не показалось, что въ Новомъ Завѣтѣ не запрещены колдовства и злодѣйскія ухищренія (*artes*), то и они также названы среди дѣлъ плоти. Потому что часто при помощи волшебныхъ средствъ несчастнымъ людямъ случается и влюблять и влюбляться. А какую степень виновности имѣетъ вражда, поставляемая послѣ чародѣйства, это показываетъ ясное представленіе объ очевидности [этого] преступленія. Насколько зависить отъ насъ, мы не должны быть ничьими врагами, но со всѣми имѣть миръ. Поэтому, если, говоря истину, мы наживаемъ нѣкоторыхъ враговъ, то являемся не столько ихъ врагами, сколько они являются врагами истины. Вотъ это и говорится въ книгѣ Божіа Аврааму: *Буду врагомъ врагамъ твоимъ и буду противиться противящимся тебѣ*, и должно, какъ выше, быть понято въ томъ смыслѣ, что не столько Авраамъ былъ врагомъ для нихъ, сколько они врагами добродѣтелей и вѣры Авраама, по которой онъ послѣ погнанія идоловъ началъ поклоняться познанному имъ Богу. Также и то, что повелѣвается Израилю, именно: чтобы они были врагами Мадіанитянамъ съ ненавистью вѣчною, съ враждою перенесенною на потомковъ (*Числ. XXXI, 17, 18*), говорится какъ бы тѣмъ, которые были подъ руководствомъ воспитателя и заслуживали того, чтобы услышать другое слово: *Ты будешь ненавидѣть врага своего* (*Мѡ. V, 43*). Но можетъ быть здѣсь указывается не столько на вражду лицъ, сколько на несогласіе ихъ нравовъ, такъ что, подобно тому, — какъ Богъ положилъ вражду между женою и змѣею, чтобы дружба ихъ не повредила человѣку, — [дружба] изъ-за которой онъ былъ изгнанъ изъ рая, — и между Мадіанитами и Израильтянами скорѣе было различіе въ жизни, чѣмъ то, что одинъ изъ народовъ былъ осужденъ. Седьмое мѣсто между дѣлами плоти занимаетъ вражда: она помѣщена между

пороками на нѣкоторомъ священномъ, какъ бы возвышенномъ мѣстѣ (пшнего): *рабу же Господа не должно начинать ссоры, но быть кроткимъ со всѣми, учителемъ терпѣливымъ, съ кротостію наставляющимъ даже тѣхъ, которые противятся* (2 Тимов. II, 24, 25). Послѣ вражды восьмымъ порокомъ выступаетъ ревность, которая лучше обозначается и точнѣе называется греческимъ словомъ ζήλος; я не знаю, кто изъ насъ свободенъ отъ этого зла. Въ самомъ дѣлѣ, ревность высказывали и патриархи въ отношеніи къ брату своему Іосифу; и Марія, и Ааронъ,—пророчица и священникъ Божій, — были охвачены этою страстію въ отношеніи къ Моисею (Быт. XXXVII и Числ. XII), и настолько, что первая, о которой повѣствуетъ Писаніе, говоря такъ: *Марія же пророчица, бросая тимпанъ* (Исх. XV, 20) и т. д., выброшенная потомъ за предѣлы стана, была поражена болѣзнію проказы и должна была приносить продолжительное покаяніе, въ теченіе семи дней находясь въ отлученіи (Числ. XII). Затѣмъ слѣдуетъ гнѣвъ, который не содѣлываетъ правды Божіей (Іак. I) и представляетъ видъ ярости. А между гнѣвливіостію и гнѣвомъ обнаруживается такое различіе: гнѣвливый гнѣвается всегда, а разгнѣванный возбуждается только на время. И я не знаю, можетъ ли кто гнѣвливый получить въ наслѣдіе царство Божіе, потому что гнѣвающійся отдѣляется отъ царства (Мѡ. V). Также и ссоры,—которыя Греки, называя иначе, отмѣчаютъ словомъ ἐριθείας (хотя ссора=гіханазы вается μάχη=битва), —удаляютъ человека отъ царства Божія. Но есть ссора (ἐριθεία), когда кто-либо, всегда готовый къ противорѣчію, улаживается чужимъ чревомъ (stomacho), спорить съ женскою придирчивостію и вызываетъ къ спорамъ (contententem=противника). У Грековъ это называется другимъ словомъ φιλονεικία (любовь къ состязаніямъ). Также и несогласія суть дѣла плоти. [Это бываетъ тогда.] когда кто-либо еще несовершенный съ однимъ и тѣмъ же смысломъ и рѣшительно говорить: *Я—Павловъ,*

а я—*Аполлоновъ*, а я—*Кифинъ*, а я—*Христовъ* (1 Корн. I, 12). Но подобнаго рода несогласіе является и въ домашней жизни, именно: раздоры мужа съ женою, отца съ сыномъ, брата съ братомъ, одного раба съ другимъ въ домѣ (*conservi ad conservum*), одного воина съ другимъ, живущимъ съ нимъ въ одной палаткѣ, или одного художника съ другимъ собратомъ по искусству. Иногда бываетъ, что и при истолкованіи Писаній возникаетъ несогласіе, отъ чего являются раздѣленія (ереси), которыя теперь поставляются въ числѣ дѣлъ плоти. Ибо если мудрость враждебна Богу,—[*Римл. VIII*],—враждебны всѣ лжеученія (*dogmata falsitatis*) противныя Богу,—то послѣдовательно и враждебныя Богу всѣ раздѣленія (ереси) относятся къ дѣламъ плоти. А слово ересь по гречески происходитъ отъ слова *избраніе*, потому что каждый для себя избираетъ именно то ученіе, которое ему кажется лучшимъ. Такимъ образомъ каждый иначе понимаетъ Писаніе, чѣмъ этого требуетъ разумѣніе отъ Духа Святаго, по внушенію Котораго оно написано; хотя бы таковой и не отступилъ отъ Церкви, тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть названъ отступникомъ (еретикомъ) и [человѣкомъ] дѣлъ плоти, такъ какъ избираетъ худшее. За раздѣленіями слѣдуетъ зависть, которую мы не должны мыслить одинаково съ ревностію, потому что ревность можетъ быть понимаема и въ добромъ смыслѣ; это тогда, когда кто-либо стремится быть ревностнымъ послѣдователемъ того, кто лучше. А зависть мучится благополучіемъ другого и распадается она на двѣ страсти,—именно: когда самъ [завистникъ] находится въ такомъ положеніи, въ которомъ другому быть не желаетъ, или когда онъ видитъ, что другой лучше, то скорбитъ, что онъ ему не подобенъ. Нѣкоторый изъ новѣйшихъ писателей, переводя греческій стихъ осмѣялъ зависть въ слѣдующихъ стихахъ элегическаго размѣра: „Нѣтъ ничего справедливѣе зависти, которая немедленно грызетъ самого виновника [ея] и терзаетъ душу [его]“. И блаженный Кипріанъ напи-

саль великолѣпную книгу о ревности и завистливой злобѣ (de Zelo et Livore); кто ни прочтаетъ эту книгу, тотъ не усомнится причислить зависть къ дѣламъ плоти. А различіе между завистникомъ (invidus) и тѣмъ, кто возбуждаетъ зависть такое: первый завидуетъ тому, кто болѣе счастливъ, а второй самъ терпитъ отъ зависти другого. Четырнадцатое мѣсто между дѣлами плоти занимаетъ пьянство; ибо пьяницы не наследуютъ Царства Божія. И Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: *Остерегайтесь, чтобы сердца ваши какъ нибудь не отягчались излишествомъ въ вино и пищу* (Лук. XXI, 34). Виномъ у человѣка извращается смыслъ, ослабляются ноги, мысль расплывается, возбуждается похоть. Поэтому и Апостолъ восклицаетъ: *И вино, въ которомъ распутство* (luxuria Ефес. V, 18). Каждый имѣетъ возможность произносить свое мнѣніе (толкованіе). А я слѣдую Апостолу: въ винѣ распутство, въ винѣ пьянство. А что пьянство и распутство считаются въ ряду дѣлъ плоти, этого не можетъ отрицать даже тотъ, кто побѣжденъ этими страстями. И хотя нѣкоторые говорятъ, что я подлежу упрекамъ за ту книгу, которую я написалъ „о соблюденіи дѣвства“, потому что я говорилъ, что юношеству должно избѣгать вина, какъ яда: но я не раскаиваюсь въ этомъ рѣшеніи, потому что мы осудили скорѣе дѣйствіе вина, чѣмъ твореніе Божіе и не дозволяемъ [пить] дѣвицѣ, пламенѣющей огнемъ своего возраста, чтобы подъ предлогомъ малаго питья она не выпила больше [чѣмъ можно] и не погибла. Съ другой стороны, мы знали, что вино освящается въ кровь Христову, и Тимоѣею позволено пить [немного] вина. Но опьяненіе можетъ происходить, какъ отъ вина, такъ и отъ другихъ родовъ напитковъ, которые готовятся разными способами. Поэтому и о святомъ говорится: *Онъ не будетъ пить вина и сикера* (Лук. I, 15). А чтобы кто-либо не вкушающій вина не подумалъ, что ему можно пить что-либо иное, для этого устраняется всякій поводъ, такъ какъ вмѣстѣ съ виномъ

запрещается все то, что может вызывать опьяненіе. Пятнадцатое, оно же и послѣднее между дѣлами плоти есть безвременное употребленіе обильной пищи. *Потому что народъ пль и пилъ и поднялись, чтобы предаться играмъ* (Исх. XXXII, 6). Съ опьяненіемъ всегда связано распутство. Нѣкоторый не безызвѣстный ораторъ, когда описывалъ пьянаго пробужденнаго отъ сна, сказалъ: „Пьяный не можетъ ни бодрствовать, ни спать послѣ пробужденія“. Этою мыслию онъ выразилъ то, что пьяный нѣкоторымъ образомъ оказывается ни мертвымъ, ни живымъ. Было долго опредѣлять всѣ дѣла плоти и составлять списокъ всѣхъ пороковъ. Такимъ образомъ, [Апостолъ] объединилъ ихъ въ одномъ словѣ всѣ, говоря: *и тому подобное*. О если бы мы столь же легко могли ихъ избѣгать, сколь легко понимаемъ ихъ. *Я предсказываю вамъ,—говорить,—какъ и прежде говорилъ, что отълающіе такіа дѣла не могутъ наследовать царствія Божія*. А тамъ, гдѣ прежде онъ предсказывалъ, онъ говоритъ: *Пусть не царствуетъ грѣхъ въ вашемъ смертномъ тѣлѣ такъ, чтобы необходимо было повиноваться похотнымъ ео* (Римл. VI, 12). Грѣхъ имѣетъ всѣ тѣ виды, въ указаніи различія между которыми мы теперь задержались можетъ быть долѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Итакъ, въ той душѣ, въ которой будетъ царствовать грѣхъ не можетъ быть царства Божія: *Ибо какое общеніе между справедливостію и беззаконіемъ, или какое общеніе между свѣтомъ и тьмою, или какое согласіе между Христомъ и Веліаломъ?* (2 Корн. VI, 14, 15). И мы думаемъ, что наследуемъ Царство Божіе, если будемъ чисты отъ блуда, идолослуженія и колдовства. Но вотъ вражда, споры, гнѣвъ, ссоры, несогласія, а также пьянство и прочее, что мы считаемъ незначительнымъ, удаляютъ насъ отъ Царства Божія. И не важно, исключается ли кто-либо изъ принимающихъ участіе въ блаженствѣ чѣмъ-нибудь однимъ, или многимъ, такъ какъ все одинаково исключаетъ насъ. Въ латинскихъ собраніяхъ св. книгъ въ этомъ

спискѣ пороковъ представляются записанными прелюбодѣйство, нечистота и челоѡкоубійство. Но должно знать, что (нѣ греческихъ) дѣлъ плоти названо не болѣе пятнадцати, о которыхъ мы и разсуждали.

Стихи 22, 23: *Плодъ же духа есть любовь, радость миръ, великодушіе, благосклонность, доброта, вѣра, кротость, воздержаніе. Противъ [дѣлъ] такового рода нѣтъ закона.*—Что другое между плодами духа должно занимать первое мѣсто, какъ не любовь, безъ которой прочія добродѣтели не считаются добродѣтелями и изъ которой рождается все то, что добро. Дѣйствительно и въ Законѣ, и въ Евангеліи она занимаетъ первое мѣсто: *Возлюби Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всей души твоей, и всею силою твоею и возлюби ближняго твоего, какъ самого себя* (Втор. VI, 5; Мѡ. XXII, 37). Какими благами обнаруживается любовь, это мы и прежде кратко обозрѣли, да и теперь достаточно сказать объ этомъ немного, —именно, что любовь не ищетъ своего, но чужого (1 Корнѡ. XIII, 4—7). И хотя кто-либо по своему пороку враждебенъ любящему и старается возмутить его спокойствіе бурною ненавистью, однако этотъ послѣдній никогда не смущается, никогда не считаетъ достойнымъ ненависти твореніе Божіе, ибо любовь покрываетъ множество грѣховъ (1 Петр. IV, 18). Это то же самое, что говорить Спаситель: *Не можетъ дерево доброе приносить плодовъ недобрыхъ, или дерево недоброе — плодовъ добрыхъ* (Мѡ. VII, 18), и что, по моему мнѣнію, произнесено не столько относительно людей, сколько относительно плодовъ духа и плоти, потому что ни духъ никогда не можетъ совершать тѣхъ порочныхъ дѣяній, которыя перечислены среди дѣлъ плоти, ни плоть не можетъ изобиловать тѣми плодами, которые происходятъ отъ духа. Но вслѣдствіе небрежности обладателя пребывающій въ челоѡкѣ духъ можетъ и не имѣть свойственныхъ ему (suos) плодовъ, и наоборотъ: плоть можетъ по умерщвленіи дѣлъ своихъ пере-

стать грѣшны. Однако же они никогда не двинутся впередъ настолько, чтобы находящееся въ небреженіи древо духа стало приносить плоды плоти, и воздѣланное древо плоти произрастило плоды духовныя. На второмъ мѣстѣ плодовъ духовныхъ поставлена радость; стояки, проводящіе болѣе тонкое различіе между понятіями, думаютъ, что радость (*gaudium*) есть нѣчто другое сравнительно съ удовольствіемъ (*laetitia*) ибо радость, говорятъ они, есть возвышеніе духа надъ тѣмъ, что достойно радующагося, а удовольствіе (веселость) есть неудержимый подъемъ духа, который не знаетъ мѣры и радуется даже тому, что заключаетъ въ себѣ примѣсь порока. Другіе же полагаютъ, что отъ радости проистекаетъ удовольствіе (*voluptas* — наслажденіе), не то, которое возбуждаетъ тѣло къ похоти, ласкаетъ чувство и ласкается пріятнымъ возбужденіемъ чувствъ, а другое подобное (*δρῶντορον*) тому, которое неумѣренно и неприлично прорывается въ смѣхъ. Если это вѣрно, и если такое различіе между словами правильно, и не вводитъ въ заблужденіе, то обратимъ вниманіе на то, что можетъ быть. потому и сказано: *Не должно радоваться нечестивымъ, говоритъ Господь (Ис. LVII, 21)*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно замѣтить и то, что послѣ любви [на второмъ мѣстѣ] слѣдуетъ радость. Въ самомъ дѣлѣ, если кто любить кого-либо, то всегда радуется его радостію, и если увидитъ, что онъ охваченъ какимъ-либо заблужденіемъ и палъ на скользкомъ пути грѣха, то будетъ также скорбѣть и поспѣшитъ вырвать его оттуда. Но онъ не можетъ радость замѣнить скорбію, ибо знаетъ, что ни одна изъ разумныхъ твореній Божіихъ не погибаетъ у Бога навсегда. Третій плодъ духа есть миръ, отъ [имени] котораго Соломонъ бывшій прообразомъ Христа, получилъ имя. И о Церкви Псалмопѣвецъ восклицаетъ: *Было въ мирѣ мѣсто его (Псал. LXXV, 2)*. И среди восьми благословеній [блаженствъ] Евангельскихъ пишется: *Блаженны миротворцы, потому что они назовутся сынами Божиими (Мѡ. V, 9)*. Также

и въ первомъ степенномъ Псалмѣ поется: *Съ ненавидящими миръ я былъ въ миръ* (Псал. СХІХ, 6). И не будемъ думать, что миръ должно искать только въ томъ случаѣ, когда мы не ссоримся съ другимъ человѣкомъ, но миръ Христовъ, т. е. наслѣдіе наше, бываетъ съ нами тогда, когда спокойная мысль не возмущается никакими страстями. Послѣ мира слѣдуетъ великодушіе, или терпѣніе, потому что слово μακροθυρία мы можемъ понимать и въ томъ и другомъ смыслѣ. Ему противоположно малодушіе (pusillanimitas) [или: робость], о которой пишется: *Малодушный очень неразуменъ, а тотъ, кто по истинѣ терпѣливъ и все переноситъ, есть мужъ мудрый* (Еккл. VІІ, ?), и называется съ усиленіемъ значенія: *много мудрый*, какъ написано это и въ Притчахъ: *Великодушный мужъ великій въ премудрости* (Притч. XIV, 29). Благосклонность же, или добросердечіе,—ибо у грековъ χρηστότης имѣетъ то и другое значеніе,—есть добродѣтель кроткая, нѣжная и удобная къ участию во всѣхъ добродѣтеляхъ, приглашающая къ родственной близости, сладостная въ собесѣдованіи и умѣренная въ поведеніи. Кромѣ того и стойки такъ опредѣляютъ ее: „Благосклонность есть добродѣтель, добровольно расположенная къ доброму дѣйствованію. Отъ благосклонности немногимъ отличается доброта, потому что и она, повидимому, расположена къ добродѣланію. Но отличаются онѣ въ томъ, что доброта можетъ быть печальнѣе, съ челомъ покрытымъ морщинами отъ строгости нравовъ, отъ стремленія дѣйствовать именно хорошо и доставлять все, чего просятъ, не обнаруживая въ то же время пріятнаго сообщества и не привлекая къ себѣ всѣхъ своимъ любезнымъ обхожденіемъ“. Послѣдователи Зенона также опредѣляютъ ее такимъ образомъ: „Доброта есть добродѣтель, которая полезна“, или: „добродѣтель, отъ которой происходитъ польза“, или: „добродѣтель сама по себѣ“, или: „душевное движеніе, которое есть источникъ пользы“. Между плодами духа седьмое и священнѣйшее мѣсто занимаетъ вѣра, которая

даже и въ другомъ мѣстѣ полагается въ числѣ трехъ: вѣра, надежда, любовь. Неудивительно, если въ этомъ спискѣ не указывается *надежда*; дѣйствительно, вѣдь въ вѣрѣ дается то, что служить содержаніемъ надежды, и Апостолъ въ посланіи къ Евреямъ такъ опредѣляетъ ее: *Вѣра есть существенное содержаніе* (substantia—*ὑπόστασις*) *вещи, на которыя должно надѣяться, и доказательство тѣхъ, которыя еще не являются* (Евр XI, 1). Дѣйствительно, тѣмъ, на что мы надѣемся, что оно имѣетъ придти, и чего еще нѣтъ въ настоящемъ, мы владѣемъ по вѣрѣ, надѣясь, что мы уже держимъ то, во что вѣруемъ. Является также вопросъ: Какимъ образомъ вѣра заключается (posita est) въ любви? Тотъ, кто любитъ, никогда не думаетъ, что онъ понесетъ ущербъ: онъ никогда не подозрѣваетъ ничего другого, кромѣ того, что онъ любитъ и что его любятъ. А когда любовь устранится, то вмѣстѣ съ тѣмъ устранится и вѣра. Послѣ вѣры Апостолъ называетъ *кротость*, которая противоположна гнѣву, раздорамъ, несогласіямъ. Она никогда не вызывается къ дѣйствіямъ, противоположнымъ ея существу, порождая истинно добрые плоды отъ добраго дерева духа. Черезъ нее рабъ Божій Моисей удостоился получить свидѣтельство Писанія, которое говоритъ: *Моисей былъ кротокъ болѣе всѣхъ людей на землѣ* (Числ. XII, 3). „На землѣ“, говоритъ оно; но онъ не могъ быть выше тѣхъ, которые созерцали Бога лицомъ къ лицу, потому что мы часто побуждаемся сдѣлать многое по немощи плоти. Также и о Давидѣ Духъ Святый въ прообразъ Имѣющаго придти [на землю] поетъ: *Помяни, Господи, Давида и всю кротость его* (Псал. CV, 1), хотя многіе думаютъ,—да и мы этого не отрицаемъ,—что онъ изрекъ это о Господѣ нашемъ пророческимъ духомъ. Его кротость въ отношеніи къ Саулу, Авессалому и Семею даже ясно оно [Писаніе] показало (1 Цар. XXIV; 2 Цар. XV); такъ какъ одинъ хотѣлъ его убить; другой, замышляя новыя дѣла, хотѣлъ обманомъ лишить его

власти, а третій, бросая въ него камни и, развѣвая надъ нимъ пыль, съ крикомъ гналъ его: *Выходи, выходи, человекъ беззаконный* (2 Цар. XV, 7). Последнимъ среди плодовъ духа называется воздержаніе. Подъ нимъ мы должны разумѣть не только цѣломудріе, но и воздержаніе въ пищѣ и питіи, въ гнѣвѣ и движеніяхъ ума и увлеченіяхъ плотскими пожеланіями. Между скромностію и воздержаніемъ заключается такое различіе. Скромность принадлежать людямъ совершеннымъ и высокой добродѣтели (*consummataeque* — законченной), о которыхъ Спаситель говоритъ: *Блаженны кроткіе, потому что они будутъ обладать землею* (Мѡ. V, 4) и о Себѣ Самомъ: *Научитесь отъ Меня, что Я—кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Мѡ. XI, 29). А воздержаніе находится на пути къ добродѣтели, но не достигло ея вершины, потому что въ томъ, кто еще воздерживается зарождаются похоти отъ помысловъ и оскверняютъ главную часть души, хотя и не одерживаютъ побѣды и не увлекаютъ имѣющаго помыслъ къ дѣйствию. Воздержаніе же необходимо не только въ пожеланіяхъ и похоти, но и въ трехъ остальныхъ возмущеніяхъ [духа], т. е. въ скорби, радости и страхѣ. На этого рода плоды духа нѣтъ Закона, ибо *праведнику Законъ не положенъ, но неправедникамъ непокоряющимся, нечестивымъ и грѣшникамъ* (1 Тимоѡ. I, 9). Законъ говоритъ мнѣ: *Не прелюбодѣйствуй, не убивай, не произноси лжесвидѣтельства, не обмалывай, не желай чужого, не будь клятвопреступникомъ, не крадь* (Исх. XX, 12 и дал.). Если я не дѣлаю всего этого, такъ какъ въ душѣ моей царствуетъ плодъ духа—любовь, то для меня излишни заповѣди Закона. Наконецъ, и мудрые міра сего такъ думали о философіи, что она убѣждаетъ добровольно дѣлать то, что государственные законы побуждаютъ людей дѣлать въ силу необходимости.

Стихъ 24: *А тѣ, которые суть Христовы, распяли плоть свою съ пороками и похотями.*—Оригенъ, связывая

это мѣсто съ вышеизложеннымъ, читаетъ это мѣсто такъ: *Законъ нѣтъ противъ такого рода людей, которые распяли плоть Христову съ пороками и похотями*, такъ что не такъ говорятъ онъ, какъ имѣется въ Латинскомъ переводѣ, т. е. не то, что люди Христовы распяли плоть свою съ пороками и похотями, а то, что Христова плоть распята этими [людьми] съ пороками и похотями. И [Оригенъ] спрашиваетъ: какимъ образомъ въ людяхъ, имѣющихъ плоды духа, и переставшихъ быть противниками Закона, распятіе плоти Господней поставляется въ похвалу, когда въ посланіи къ Евреямъ это поставлено людямъ въ порицаніе: *Снова распинающие въ себя Сына Божія и имьющие Его въ позоръ* (Евр. VI, 6). Въ мѣсто: *снова распинающие* (rursus crucifigentes) въ Греческомъ языкѣ гораздо лучше употреблено одно слово ἀνασταυροῦντες, которое мы можемъ перевести словомъ recrucifigentes (повторяющіе распятіе)¹⁾. Итакъ, прежде всего должно замѣтить, что иное дѣло есть *распять*, а иное: *повторить распятіе*; а затѣмъ то, что не одно и то же значить повторить распятіе Сына Божія и распять плоть Христову съ пороками и похотями. Въ самомъ дѣлѣ, плоть Христова не есть отъ начала и въ собственномъ смыслѣ Сынъ Божій; но Іисусъ Христосъ, такъ какъ Онъ въ началѣ былъ у Отца, Богъ Слово сталъ плотію и уничтожилъ Себя, принимая вѣншній видъ раба, чтобы распять плоть и обезсилить начальства и власти, торжествуя надъ ними на древѣ, такъ что исполнилось извѣстное слово Апостола: *Ибо то, что Онъ умеръ, умеръ для грѣха однажды* (Римл. VI, 10). Итакъ, если тѣла наши суть члены Христовы, слѣдовательно, и плоть наша есть плоть Христова, которую мы распинаемъ, умерщвляя чрезъ нее на землѣ блудъ, нечистоту, страсть, злое желаніе и ску-

¹⁾ Оттѣнокъ мысли въ этихъ словахъ трудно передать на русскомъ языкѣ.

Примѣч. переводчика.

постъ; и вотъ о насъ говорится съ похвалою,—[о тѣхъ], которые распяли плоть Іисуса Христа съ пороками и похотями, и всегда умерщвление Іисуса носимъ вокругъ нашего тѣла, чтобы и жизнь Его ясно проявилась въ нашемъ тѣлѣ. Не малаго труда слонть жить такъ въ этомъ вѣкѣ, чтобы уже нынѣ жизнь Іисуса проявилась въ нашемъ тѣлѣ, ибо такимъ образомъ оживотворены будутъ смертныя тѣла наши чрезъ живущій въ насъ духъ. Тамъ, гдѣ Латинскій переводчикъ употребилъ слово *vitia*, въ Греческомъ читается слово *παθήματα*, т. е. страсти. И такъ какъ слово *страсть* (страданіе) можетъ обозначать и скорбь, и прочія потребности нашего тѣла, то Апостолъ употребилъ осторожно выраженіе *пожеланіе*, чтобы не показалось, что онъ отвергаетъ природу въ духовныхъ мужахъ, но только пороки (ея). Такимъ образомъ и то должно быть указано, что, слѣдуя чтенію обычнаго перевода (*Vulgatae*): *А которые суть Христовы распяли плоть съ пороками и похотями*. мы говоримъ, что они распяли не плоть Христову, а свою собственную. Я почти забылъ о второмъ [т. е. иносказательномъ] толкованіи. Ибо я выше сказалъ, что все слѣдующее должно относить къ Закону и обрѣзанію. Итакъ смыслъ будетъ такой: Тѣ, въ которыхъ есть плодъ духа: любовь, радость и проч., распяли плотское разумѣніе Писанія, которое нынѣ называется плотію Христовою, съ его страстями и пожеланіями, которыя у дѣтей и питающихся молокомъ являются очагомъ грѣховъ (*vitium*). Тотъ распялъ плоть Христову, который вопиствуетъ не по плоти буквальнаго смысла (*historiae*), но слѣдуетъ преимущественному духу иносказательнаго пониманія.

Стихъ 25: *Если мы живемъ духомъ, то будемъ и ходить духомъ*.—Воспользуемся этимъ свидѣтельствомъ противъ тѣхъ, которые не хотятъ понимать Писаніе духовнымъ образомъ. Но кто же и живетъ духомъ, если не сокровенный челоѣкъ нашъ, который иногда живетъ и по плоти.

Но когда онъ будетъ жить по духу, то ходить по духу. Когда онъ пожелаетъ ходить по плоти, то онъ есть живой мертвецъ. Мужъ, совершенный во Христѣ, всегда живетъ по духу: онъ повинуется духу, никогда не живетъ во плоти и наоборотъ: Кто всецѣло отдался плоти и страстямъ, тотъ никогда не живетъ духомъ. Между этими есть средніе, которыхъ мы не можемъ назвать ни духовными, ни плотскими, и которые, колеблясь между добродѣтелями и пороками, иногда (пипс) отвлекаются къ лучшему и суть духъ, а иногда (пипс) опираются на нетвердую почву плоти и суть плоть.

Стихъ 26: *Не будемъ дѣлаться жадными искателями пустой славы, взаимно вызывая раздраженіе и взаимно завидуя.*—Одно Греческое слово *κενόδοξοι*, латинскій реперодчикъ выразилъ соединеніемъ трехъ словъ. А сколько значеній и опредѣленій имѣетъ слово *gloria* (слава), доказательствомъ этого служатъ безчисленныя книги мудрецовъ и два свитка Цицерона, которые онъ написалъ о славѣ. А мы, пытающіеся разсуждать не о словопроизводствѣ, а о значеніи смысла Писанія, свяжемъ это мѣсто съ вышензложенными такъ. Если мы живемъ духомъ, то будемъ и повиноваться духу, служа себѣ взаимно не чрезъ Законъ, а любовію. Мы не должны спорить о значеніи Писанія и говорить: „Обрѣзаніе лучше“,—„Нѣтъ! необрѣзаніе“. „Должно презирать буквальный смыслъ (*historia*) и слѣдовать иносказанію“.—„Наоборотъ, иносказаніе безсодержательно и темно и не прикрѣплено ни къ какимъ основаніямъ истины“. Отсюда и возникають взаимныя недоброжелательства. Онъ говоритъ: *Они хотятъ отдѣлать васъ [отъ насъ], чтобы вы ревностно слѣдовали за ними, желая не столько учить истинѣ Закона, сколько побѣдить. Но чтобы совсѣмъ не оставить безъ вниманія слово: слава, предоставляя мудрецамъ первенство для ихъ бесполезныхъ объясненій, мы покажемъ кое-что изъ св. Писанія. Слово слава обозначаетъ*

всенародное мнѣніе и похвалу людскую, пріобрѣтенную чрезъ благорасположеніе, какъ сказано: *Но они дѣлаютъ все, чтобы прославляться отъ людей* (Мѡ XXIII, 5) и въ другомъ мѣстѣ: *Какимъ образомъ вы можете въроватъ, добиваясь славы другъ у друга* (Іоан. V, 44)? А затѣмъ указываетъ и добрую сторону этого понятія въ томъ же мѣстѣ: *А славы отъ Того, Который есть одинъ не ищите*. Отсюда мы можемъ понять, что одно и то же слово обозначаетъ то добродѣтель, то порокъ. Если я у людей добиваюсь славы, то это порокъ, если же у Бога, то добродѣтель, — ибо Онъ также и призываетъ насъ къ истинной славѣ, говоря: *А тѣхъ, которые прославляютъ Меня, Я прослаблю*. Въ божественныхъ Писаніяхъ слово *слава* имѣетъ еще и другое значеніе, именно: когда взорамъ человѣческимъ представляется нѣчто возвышеннѣйшее и божественное. Напр., слава Господня, явившаяся въ скиніи Господа и въ храмѣ, построенномъ Соломономъ (1 Цар. VIII, 10?). И еще та слава, которая сіяла на лицѣ Моисея, хотя онъ самъ и не зналъ, что его лице было такъ прославлено (Исх. XL, ?). Объ этой славѣ, я думаю, говорить и Апостоль: *Всѣ мы, созерцая лицемъ къ лицу открытую славу Господа, преобразимся въ тотъ же образъ, отъ славы въ славу какъ бы Духомъ Святымъ* (2 Корнѡ. III, 18). И самъ Спаситель названъ *сіяніемъ славы и образомъ существа Божія* (Евр. I, 3). И Стефанъ видѣлъ славу Бога и Іисуса, стоящаго одесную Его (Дѣян. VII, 56). Но да получимъ и мы свободу для изобрѣтенія новыхъ наименованій, потому что, — какъ сказалъ нѣкто, — для новыхъ предметовъ должно составить новыя наименованія, такъ какъ и здѣсь [у Апостола] сказано: *Не будемъ дѣлаться жадными искателями пустой или: безсодержательной, славы*. Мы утверждаемъ, что тѣ суть ревностные искатели полной славы, которые желаютъ славы Божіей и похвалы, достойной добродѣтели и созерцанія чего-либо болѣе божественнаго. Поэтому и въ

очень многихъ мѣстахъ наши [христіанскіе писатели] вмѣсто *слава* перевели: *величіе*. Я уже давно желаю свободнаго теченія своей рѣчи, но удерживаюсь отъ словъ страхомъ. Однако я буду говорить и не умолчу о своей страсти, страсти почти общей, не къ богатству, не къ могуществу, не къ красотѣ и прелестямъ тѣлеснымъ, потому что все это явно перечисляется среди дѣлъ плоти. Если милостыня дѣлается изъ-за похвалы, то это слава пустая; то же и продолжительная молитва и блѣдность отъ продолжительнаго поста. Это не мои слова, но слова провозглашающаго въ Евангеліи Господа (Мѡ. VI, 1—7). Часто даже самая чистота въ брачной жизни, во вдовствѣ и въ дѣвствѣ добывается чело-вѣческихъ похвалъ, а также,—что давно уже я боюсь ска-зать,—самое мученичество является напраснымъ кровопроли-тіемъ, если оно совершается для того, чтобы намъ быть предме-томъ удивленія и похвалы со стороны братьевъ. Но пусть говоритъ Апостоль, пусть говоритъ сосудъ избранный: *Если я предалъ тѣло свое, чтобы пріобрѣсти славу, а любви не имѣю, то это мнѣ ни къ чему бесполезно* (1 Корнѡ. XIII, 3), и это тому, который сказалъ: *Знаю я человека о Христѣ четырнадцать лѣтъ назадъ,—но въ тѣлѣ ли [этого] не знаю, или внѣ тѣла, [я этого] не знаю, Богъ знаетъ,—восхищеннаго до третьяго неба* (2 Корнѡ. XII, 2). И немного спустя: *Былъ восхищенъ въ рай и слышалъ тайныя (агсапа) слова, которыхъ человеку не позволено говорить,—тому,—говоря,—который потрудился бо-лѣе всѣхъ, и которому, чтобы величіе откровенія не уни-чтожило его, данъ былъ возбудитель плоти его, ангелъ Са-таны, чтобы наносить ему удары, чтобы онъ не превозно-сился*. И несомнѣнно, что онъ три раза просилъ Господа, чтобы тотъ отступилъ отъ него; но ему было сказано: *До-статочно тебѣ благодати Моей, ибо сила Моя соверша-ется въ немощи*. Какое же дѣло есть столько дѣло Божіе, какъ чтеніе Писанія, проповѣданіе въ Церкви, стремленіе къ

священству (sacerdotium) и къ служенію предъ жертвенникомъ Божиимъ? Но и это происходитъ только отъ желанія похвалы, если только кто не сохранитъ сердца своего со всякою тщательностію. Вотъ посмотрите (это говоритъ и Цицеронъ): многіе писатели написали книги свои словомъ „о презрѣніи къ славѣ“, и однако изъ-за славы въ оглавленіи поставили свои имена. Мы изъясняемъ Писанія, мы часто дѣйствуемъ тростью для исправленія своего письма, мы пишемъ то, что достойно чтенія; но если бы въ этомъ было не дѣло Христово, а желаніе достигнуть памяти въ потомкахъ. и всенародной молвы, то напрасенъ весь трудъ нашъ, и мы будемъ какъ звѣнящая мѣдь и бряцающій кимвалъ (1 Кор. XIII, 1). Ты видишь, что многіе спорятъ между собою о Писаніяхъ, и слово Божіе обращаютъ въ поприще для борцовъ; взаимно вызываютъ они другъ друга и, если бывають побѣждены, то ненавидятъ, потому что они суть жадные искатели славы.—Я знаю, что въ Латинскихъ собраніяхъ св. Книгъ, въ томъ мѣстѣ, которое мы выше представили: *Если предамъ тѣло свое, чтобы быть предметомъ славы*, имѣется: *чтобы горѣть*, вмѣсто: *быть предметомъ славы*; но это заблужденіе у нашихъ вкралось вслѣдствіе сходства словъ,—словъ: *горѣть* и: *быть прославляемымъ*, которыя у Грековъ различуются только одною буквою (καυχήσομαι и κηρύσσομαι) Впрочемъ, и у самихъ Грековъ списки различны.

Глава VI.—Стихъ 1: *Братіе, а если человекъ будетъ одержимъ нѣкоторымъ грѣхомъ, то вы, духовные, наставайте такового въ духъ кротости, наблюдая надъ самимъ собою, чтобы и ты не впалъ въ искушеніе.*—Павелъ, зная, что онъ есть читатель того Бога, Который не хочетъ смерти грѣшника, но чтобы онъ раскаялся (Иезек. VIII, XXXIII), и что за исключеніемъ св. Троицы всякое бытіе, хотя и не согрѣшаетъ, но можетъ согрѣшать,—убѣждаетъ даже того, кто духовенъ, чтобы онъ подавалъ руку колеблю-

щемуся, хотя бы и подъ страхомъ самому впасть въ грѣхъ. И прекрасно онъ впаваго въ прегрѣшеніе называетъ чело-
вѣкомъ, который можетъ умереть и такимъ образомъ са-
мымъ наименованіемъ показываетъ слабость природы; такъ
что достоинъ снисхожденія тотъ, который по человѣческой
немощи охваченъ заблужденіемъ и погрузился въ бездну и
самъ собою безъ помощника и помощи не можетъ встать.
А къ имени *духовный* не прибавлено *человѣкъ*, но ему
какъ будто Богу повелѣвается, чтобы онъ челоѣка, впа-
ваго въ прегрѣшеніе, наставлялъ, или, какъ лучше имѣется
въ Греческомъ, усовершенялъ въ духъ кротости. Но кто усо-
вершается, тому недостаетъ не всего, а только нѣкотораго.
Наконецъ, если грѣшникъ впадетъ не во многіе грѣхи, а
только въ нѣкоторое одно прегрѣшеніе, то для исправленія
согрѣшающаго должно употреблять духъ кротости и снисхо-
жденія, чтобы заблуждающагося желали исправлять не холод-
ностью, гнѣвомъ или печалью, а призывали его къ спасе-
нію добровольно съ увѣренностью, общая ему прощенье;
пусть таковому приводятъ свидѣтельство Христова, что угне-
тенныхъ тяжестью закона и бременемъ грѣховъ Онъ призы-
ваетъ къ пріятному игу и легкому бремени, чтобы они на-
учились, что Онъ тихій, кроткій и смиренный сердцемъ
(Мѡ. XI, 29), и что они найдутъ покой душамъ своимъ.
Воспользуемся этимъ свидѣтельствомъ противъ еретиковъ,
которые, измышляя басни о различныхъ природахъ, гово-
рятъ, что духовная—это есть доброе дерево, которое никогда
не приноситъ плодовъ недобрыхъ. А вотъ Апостолъ, сужденіе
котораго считаютъ для себя обязательнымъ и сами они, гово-
рить, что и духовные могутъ согрѣшить, если они по надменно-
сти сердца своего начинаютъ гордиться и падаютъ; это же са-
мое исповѣдуемъ и мы; но и земные (*χοινοὶ*) могутъ дѣ-
латься духовными, если обращаются къ лучшему. Намъ мо-
гутъ возразить то, что пишется въ посланіи къ Коринтя-
намъ: *Чего вы хотите? Прийти ли къ вамъ съ тростью*